

Олег Волховский

**Царь 2
НИГИЛИСТОВ**

Annotation

Наш современник Саша Ильинский уже вполне освоился в теле Великого князя Александра Александровича, да и быт позапрошлого века уже не кажется столь ужасным, как в первые дни.

Писать пером уже получается и с французским гораздо лучше. Чего нельзя сказать о немецком, танцах и верховой езде. Да и с ружейными приемами, честно говоря, не очень. А впереди кадетский лагерь, а потом учебный год.

И если бы только это! То, что восхищает интеллигентов из салона Елены Павловны, удивляет господина Герцена в Лондоне и заставляет видеть в Саше нового Петра Великого, почему-то не очень нравится папá — ГОСУДАРЮ Александру Николаевичу. А воспитателям генералам Гогелю и Зиновьеву — и подавно.

И старший брат государь цесаревич Никса (которого между прочим надо спасти) начинает видеть в Саше соперника.

В общем, тучи сгущаются...

Олег Волховский
Царь нигилистов 2

Глава 1

Никса тоже возник у микроскопа и посмотрел на хрень. Ту самую, большую, круглую из его золотушных язв.

Пожал плечами и впился взглядом в Склифосовского.

— Если не ошибаюсь, это гигантская клетка Пирогова, — пояснил Николай Васильевич. — Была публикация в «Военно-медицинском журнале». Несколько лет назад.

— Что вас так расстроило? — спросил Саша.

Склифосовский замялся.

— Если вы боитесь нас напугать — уже поздно, — заметил Никса. — Уже напугали. Лучше скажите, как есть.

— Хорошо, я переформулирую вопрос, — сказал Саша. — Где Пирогов наблюдал такие клетки?

— То, что я сейчас скажу, ничего не значит, — ответил Склифосовский. — Гигантские клетки Пирогов наблюдал в мокроте больных чахоткой. Но никто не доказал, что они связаны с болезнью.

— Вот почему я не буду править, — усмехнулся Никса.

И достал портсигар.

— Ты таскаешь с собой эту гадость? — возмутился Саша.

Брат как ни в чем не бывало вынул сигарету, зажег спичку и закурил.

Тонкие, как у девушки запястья, тонкие пальцы: все то, что казалось Саше признаком аристократизма. Нет! Просто худые руки пятнадцатилетнего мальчика, больного туберкулезом.

— Я тебя убью, — сказал Саша.

— Папа́ тебя повесит, — заметил Никса, затягиваясь.

— Пофиг!

Никса рассмеялся.

— Ты понимаешь, что тебе это совсем нельзя? — спросил Саша. — Конкретно тебе конкретно совсем.

— Ладно, последняя.

— Портсигар мне сдашь, — проинформировал Саша.

Брат прыснул со смеху.

— Ты зря лапки-то опустил, — сказал Саша. — Я читал об одной поэтессе, у которой нашли туберкулез примерно в твоём возрасте, и она прожила больше семидесяти лет.

Про то, что Гиппиус всю жизнь дымила, как паровоз, Саша на всякий случай умолчал.

— Она жила сначала в Крыму, потом в Тбилиси, потом во Франции. — сказал он. — Тебе в Питере тоже делать нечего.

— В Тбилиси? — переспросил Никса.

— Ну, в Тифлисе.

— Из Крыма буду править?

— А что? Перенесешь столицу в Ялту. Народу понравится.

— Еще ничего не ясно, — заметил Склифосовский.

— Это верно, — сказал Саша. — Вот, Никса! Николай Васильевич совершенно правильно говорит.

— Значит, я могу курить дальше? — спросил брат.

— Ну-у, безопаснее действовать с учетом пожара. Кстати...

И Саша посмотрел на Склифосовского.

— Николай Васильевич, я не верю, что внутри этой штуки ничего нет. Можно ее в другой цвет покрасить?

— Сейчас попробуем, — кивнул Склифосовский.

Гигантскую клетку подкрасили чем-то зеленым, потом охрой...

Николай Васильевич только качал головой. Центральное светлое поле в окружении полукруга из клеточных ядер было пусто по-прежнему.

— Всем подряд! — сказал Саша. — Всеми красителями, которые у вас есть.

— Ваше Высочество, что мы ищем?

— Палочки. Длинные узкие бактерии. Наверное, они очень маленькие.

— Откуда вы знаете?

— Неважно! Наверное, читал где-то. Просто делайте то, что я говорю. Я вас не отпущу, пока не найдете!

Никса усмехнулся и затянулся оставшейся половинкой сигареты.

Неумолимо приближались два часа дня.

За дверью слышались шаги, так что брат едва успел потушить окурочек.

В комнату вошел Гогель и поморщился от ужасной смеси запахов спирта, хлорки и табака.

— Что здесь происходит? — спросил он.

Саша вскинул руку в его направлении и раскрыл ладонь.

— Кто курил? — спросил Григорий Федорович.

— Я, — сказал Склифосовский. — Прошу прощения, если это запрещено.

— Главное, чтобы не они.

И Гогель указал глазами на Сашу и Никсу.

— Вам пора обедать, — добавил он.

— Есть вещи поважнее! — бросил Саша. — Выйдите! Еще час.

Генерал опешил, полминуты не понимал, что делать. Но, наконец, сделал шаг назад и вышел из комнаты.

Склифосовский в очередной раз перекрасил препарат и прильнул к микроскопу.

Взял лист бумаги и карандаш.

— Ваше Высочество, это то, что вы искали?

Саша посмотрел в окуляр.

В клетке Пирогова, в основном ближе к ядрам, было несколько синих червячков, похожих на пунктир. Иногда пунктирные линии сходились друг с другом и образовывали латинские буквы «V».

— Думаю, да, — сказал Саша. — Зарисуйте и обязательно запишите краситель, а то мы их потом не поймаем.

— Ваше Высочество, вы ведь знаете, что это? — спросил Николай Васильевич.

— Туберкулезные палочки, — пожал плечами Саша. — Но мало того, что это знаю я, нам надо убедить в этом других. Николай Васильевич, вы готовы посветить этому весь август?

— Да, — кивнул Склифосовский. — Еще бы!

— С голоду не умрете, — сказал Саша. — Я найду деньги.

— У меня есть, — вмешался Никса.

— Двести рублей серебром? — вспомнил Саша.

— Это не все, — заметил брат.

— Двести рублей серебром? — переспросил Склифосовский. — Этого хватит!

— Не факт, — сказал Саша. — Вам понадобятся помощники. Много технической работы. Палочки надо вырастить. Потом ввести лабораторным мышкам и посмотреть, что с ними будет. Потом понять от чего мрут эти штуки. Причем попробовать все. У меня есть некоторые идеи... И чтобы вы сами и ваши помощники могли спокойно заниматься этим проектом и не думать, где бы подзаработать. Можете мне примерно посчитать?

— Я все обдумаю и напишу, — сказал Склифосовский.

Саша кивнул.

— Отчеты мне будете присылать: что получилось, что нет.

— Хорошо, — сказал Николай Васильевич.

— Онидохнут от хлорной извести, — заметил Никса.

— Палочки мы не проверяли, — возразил Саша.

— Я спишусь с Пироговым, — сказал Николай Васильевич. — Он использовал раствор хлорной извести для обработки ран. Не знаю, можно ли им обрабатывать золотушные язвы.

— Никса, конечно, уникален, а его золотуха — не думаю, — предположил Саша. — Можно еще этих гадов найти. Николай Васильевич, у вас есть микроскоп?

— Здесь нет.

Саша с тоской посмотрел на прибор.

— Возьмите, Николай Васильевич, — со вздохом сказал он. — Я в общем-то увидел все, что хотел. Вам сейчас нужнее.

— А как же трупные ткани? — спросил Склифосовский. — Легкие курильщика?

— Не подумайте, что я испугался, — сказал Саша. — Просто мой брат важнее. Потом дойдем до мертвых тканей и, думаю, увидим там еще много всего интересного.

Николай Васильевич соскоблил у Никсы с шеи максимальное количество гноя и чешуек и завернул в лист бумаги.

— Еще немного и там ничего не останется, — заметил брат.

— Разве что после хлорки, — возразил Саша.

— Я вам остался должен рубль, — вспомнил Склифосовский. — Я разменял.

И достал кошелек.

— Пятьдесят копеек, — поправил Саша. — Мы вас еще час промучили.

На том и сошлись. Пятьдесят копеек состояли из четырех монет по десять и двух по пять: будет, чем с Гогелем расплатиться.

Десять копеек Саша оставил на столе, остальные убрал в коробку.

На прощание пожал Склифосовскому руку и обнял его.

— Жду расчеты для нашей лаборатории, — сказал он.

Вернулся Гогель. В очередной раз поморщился от запаха.

— Я у Никсы пообедаю, — сказал Саша.

— Александр Александрович, что здесь произошло? — спросил гувернер.

— Скажем так... мы нашли кое-что в гное из язв Никсы... но мы не уверены... рано делать выводы. Рано говорить папá. Но моему брату нужна поддержка.

Саша взял десятикопеечную монету и протянул Гогелю.

— Григорий Федорович, я вам должен.

— Ну, что вы, Александр Александрович! Не стоит!

— Возьмите! А то, не дай бог, мне еще понадобится, а вы только и будете думать, когда же этот мелочный тиран (то есть я) уgomонится и перестанет обирать своего бедного учителя.

— Александр Александрович! Да я никогда ничего подобного не подумаю!

— Мне так спокойнее.

И Саша вложил монету в руку своего гувернера и согнул его пальцы.

Обнял.

— Простите ради бога! Не обижайтесь.

И подумал, как бы не случилась инфляция великокняжеских объятий. Надо все-таки не очень расточать.

Подхватил гитару, водрузил ее на плечо и прошел мимо Гогеля.

Никса — следом за ним.

Там далеко в будущем его подзащитные как огня боялись больных туберкулезом. Менты могли показания выбивать одними угрозами поместить в одну камеру с тубиком. А если туберкулезный ехал в колонию в одном вагоне с остальными, заключенные всеми правдами и неправдами старались попасть в камеру, максимально далекую от него.

И опасения были не беспочвенны. Сколько людей заражалось на зонах и в СИЗО!

И это при наличии лекарств. При известных и тысячи раз опробованных схемах лечения!

А сейчас, в середине века девятнадцатого, нет ничего.

В голове звучала строфа из Анатолия Жигулина:

*Хрипели сырые ветры...
Я там простудился немного.
И то, что случилось позже,
Обидно и глупо до слез.*

*В зловещей тиши кабинета
Сказал рентгенолог строго:
— Да, это очень серьезно.
Запущенный туберкулез.*

Жигулин напишет это примерно век спустя, уже после освобождения, и с намеком на героический подвиг молодых комсомольцев на стройках коммунизма. Да, какие там стройки коммунизма! Колымские лагеря!

Погода слегка испортилось, солнце скрылось за тучами. Стал накрапывать мелкий дождь. Хорошо, что утром Склифосовский успел поймать солнечный зайчик для подсветки микроскопа.

На деревьях появились первые желтые листья, и первые листья упали на дорожки парка. Наше северное лето. Август. Высокая широта.

Никса был бледен, но казался спокойным. Выдержка. Военное воспитание. Впервые Саша нашел в этом что-то хорошее.

Ну, что, господин ротмистр? Ваше Высокоблагородие, как вы?

Они дошли до Соснового дома, поднялись на террасу, сели за стол.

Лакей подал щи со сметаной.

Саша подумал, что надо бы продать для Никсы какой-нибудь другой рацион: ну, там, мяса побольше, овощи-фрукты, молоко. Козье, наверное. Со Склифосовским надо посоветоваться.

Дождь полил уже в полную силу, стало почти темно.

Заразиться туберкулезом не так легко. Действительно надо жить в одной камере с больным. Хотя бы в одном отряде.

Но последние 20 дней он регулярно ел с Никсой за одним столом, болтал часами, ходил в обнимку и чуть к нему не переселился. Папá не дал.

Так что, наверное, уже все равно. Одна надежда на богатырский иммунитет. Он взглянул на свою руку, которой держал ложку, на широкое плебейское запястье. Откуда только взялось в этой аристократической немецкой семье?

Значит, золотуха — это просто кожная форма туберкулеза. Он даже не знал об этом. Да, есть туберкулез легких, есть костный туберкулез от которого умерла Мурочка, дочка Корнея Чуковского, в одиннадцать лет.

Но кожный?

Он насколько заразен и насколько опасен?

Никса не кашляет хотя бы. Насколько можно быть уверенным, что поражена только кожа? Что палочек Коха, точнее Склифосовского, нет где-то еще? В тех же легких.

— Мы мамá говорим? — спросил Никса.

— Ты сможешь?

— Нет.

— Вот и я тоже, — вздохнул Саша.

— А папá?

— К папá надо приходиться с железными доказательствами. Иначе он нас пошлет куда подальше с нашими революционными методами. Есть же высокообразованный Енохин, который свято верит в миазмы.

— Чахотка считается наследственной, — заметил Никса.

— Да, в этом, конечно, что-то есть. Родители заражают детей, а дети — друг друга.

— Думаешь, ты тоже болен?

— Исключить нельзя. Ну, вот пойдем со Склифосовским, где еще водятся эти синие мрази, и будем думать дальше. Но понять надо побыстрее. Иначе, я не успею до холодов выбить для тебя ссылку в Ливадию вместо Зимнего.

— Ливадия — это где? — спросил Никса.

— Под Ялтой. Она еще не наша?

— Никогда о ней не слышал.

— Надо это исправить. Классное место. Тебе понравится. А пока можно в Ниццу, там тоже жарит хорошо. Или в Рим. В Риме в августе просто пекло! Заодно форум посмотришь и Колизей. Развалины и синее небо. А в траве, как духовой оркестр, поют цикады. Совершенно оглушительно! Снимем для тебя, например, виллу Боргезе. Она в огромном сосновом парке, сплошь из пиний. И мне выделишь флигель, а то тебе будет скучно.

— Это верно, — улыбнулся Никса. — С тобой точно не соскучишься.

— Море там, конечно, дерьмовое, — продолжил Саша. — Что в Неттуно, что в Остии. Зато история под ногами в каждом камне. И я, наконец, дойду до Аппиевой дороги.

Они расправились с обедом. Налили чай. Запахло медом и вареньем. Дождь кончился, солнце зажгло капли на дорожках и листьях в саду.
— А я новую песню вспомнил, — сказал Саша.
— Давай, — кивнул Никса. — Не зря же гитару тащил.
И Саша начал петь:

*Под небом голубым —
Есть город золотой,
С прозрачными воротами
И яркою звездой.
А в городе том — сад:
Всё травы да цветы.
Гуляют там Животные
Невиданной красоты.*

*Одно как рыжий огнегривый лев,
Другое — вол, исполненный очей.
Третье — золотой орёл небесный,
Чей так светел взор незабываемый...*

— Здорово! — сказал Никса. — Это по Апокалипсису, да?
— По Иезекииль, говорят. Но, что б я разобрался! Слушай. Это не все.

*Кто любит — тот любím.
Кто светел — тот и свят.
Пускай ведёт звезда твоя
Дорóгой в дивный сад.*

*Тебя там встретят огнегривый лев
И синий вол, исполненный очей.
С ними золотой орёл небесный,
Чей так светел взор незабываемый...*

— Вот это да! — сказал Никса. — И музыка кажется старинной.

— Стилизация под шестнадцатый век, под лютню. Наверное, дедушке бы понравилось, как любителю готики.

— Бабушке. Бабиньке точно понравится. Как приедет, ты ей спой.

Саша собрался, было, уходить и уже прихватил гитару, когда вспомнил о еще одном деле.

— Никса, так между прочим, ты мне не сдал портсигар.

Брат усмехнулся. Достал портсигар и положил на широкую Сашину ладонь.

— Бери, тиран несчастный!

— Ага! Сатрап!

— Что с ним делать собираешься?

— Ну, как? Заложить в ломбард, а деньги отдать на лабораторию Склифосовскому.

Когда Саша вернулся к себе, его уже ждал Гогель.

— Александр Александрович, что это? — спросил он. — Водка?

И указал глазами на пузырек на подоконнике.

— Ну, что вы, Григорий Федорович, это чистый спирт, — ответил Саша. — Латинский языком написано: «Spiritus — 95 %». Кто из нас знаток латыни?

— Что вы с ним делаете?

— Мою руки естественно, это же наружное. Но вы, конечно, можете выпить. Впрочем, знаете, когда я его в аптеке заказывал, я не уточнил, какой мне нужен спирт. Так что, если этиловый, отделаетесь ожогом носоглотки, если изопропиловый — может и выживете, но это не точно, раз на раз не приходится. А вот если метиловый — слепота обеспечена. Если, конечно, повезет. У него смертельная доза маленькая.

— Если это яд, я тем более вынужден его забрать. Здесь Владимир Александрович.

— Я давно просил отдельную комнату.

Гогель со вздохом взял пузырек и сунул себе в карман.

— Почему-то, когда здесь стоял лауданум, который в десять раз ядовитее, никого это не волновало, — заметил Саша.

— Лауданум был по рецепту врача, — сказал Гогель.

— А спирт по рекомендации учителя, — соврал Саша.

— Ладно, — смирился Гогель. — Понадобится — отдам.

Саша сел за стол. Взял перо и лист бумаги.

— Кому будете писать? — спросил гувернер.

— Елене Павловне.

Гогель кивнул.

— Я тогда выйду покурить.

— Не скажу, что это хорошо, — заметил Саша. — Но ваша помощь мне пока не нужна, так что не смею задерживать.

Когда Григорий Федорович вышел, Саша метнулся к тумбочке, выгрузил туда Никсов портсигар и прикрыл пачкой листов бумаги. А сверху положил «журнал».

Как же его достала эта дурацкая конспирация!

И вернулся к письму:

«Любезная Елена Павловна!

Спасибо Вам за учителя. Склифосовский замечательный.

Я предложил ему посмотреть под микроскопом на гной и чешуйки из язв Никсы. Вы ведь знаете, что у него золотуха?

Так вот... Я не буду Вам навязывать никаких выводов, но, надеюсь, что, как человек, интересовавшийся зоологией, Вы сможете сделать их сами.

Мы нашли у Никсы гигантские клетки Пирогова, которые Николай Иванович открыл, исследуя мокроту больных чахоткой. У моего брата такие же.

Это конечно еще ничего не значит, но наводит на определенные размышления.

В клетках Пирогова мы нашли бактерии, похожие на палочки. Склифосовскому они не были известны. Я не утверждаю, что эти микробы связаны

с чахоткой, но понять, так ли это, просто необходимо, поскольку речь идет о жизни цесаревича.

Николай Васильевич готов посветить этому последний месяц лета, но ему надо на что-то жить, и для исследований понадобится команда. Работы много, хотя, в основном, технической. Думаю, можно нанять студентов-медиков. Они еще не зашоренные, и платить можно не как академикам.

Нужно экспериментальное оборудование, лабораторные животные и желательно отдельное помещение для работы. То, с чем они будут иметь дело, может быть очень опасным.

Я попросил Склифосовского сделать расчет.

Микроскоп я подарил ему. Я Вас этим не обижу?

Это был лучший подарок в моей жизни, но ему нужнее.

Никса готов вложить свои деньги, но, боюсь, это не очень много.

Я совершенно уверен, что месяца нам не хватит. Хорошо бы сманить Николая Васильевича в Питер, но, если он решит доучиваться в Московском университете — надо будет решать проблему. Возможно, брать на его место кого-то еще, возможно, переводить лабораторию в Москву.

Хотя, честно говоря, я думаю, что и две лаборатории — мало.

Что вы думаете о том, чтобы принять участие в финансировании этого проекта?

Я бы никогда не стал просить для себя.

Ваш Саша».

Утром, после завтрака ему принесли сразу два больших толстых конверта, запечатанные сургучом с гербами.

Одно письмо пришло от Елены Павловны, второе — от дяди Кости, и в обоих был вложен, ну, естественно, «Колокол».

У Мадам Мишель к «Колоколу» прилагалась записка:

«Милый Саша!

Конечно я вложу деньги в исследования туберкулеза, хотя от всей души желаю вам со Склифосовским ошибиться.

Что ты думаешь о том, чтобы посетить один из моих четвергов?»

О четвергах Саша был премного наслышан, там собиралась интеллектуальная публика без различия чинов и званий, а, чтобы Елене Павловне было комильфо приглашать сих разночинцев, записки рассылали ее фрейлины, и посетители номинально считались гостями фрейлин. Посему четверги Елены Павловны называли еще «морганатическими вечерами».

Саша поблагодарил за приглашение и ответил, что хоть сегодня (благо четверг), если конечно гувернеры не будут против. И спросил, можно ли взять с собой Никсу, если он захочет.

«Колокол» открывался истерической передовицей под названием:

«Письмо к государю (по поводу проектов центрального комитета)», подписанной Огаревым и неким «Искандером».

То, что последний — это Герцен, Сашу уже просветили.

«Государь, — политкорректно писали разбуженные декабристами. — Мы с ужасом прочли проекты центрального комитета. Остановитесь! Не утверждайте! Вы подпишете свой стыд и гибель России. Как честные люди, от искренней скорби и от искреннего желания добра, ради всего святого, умоляем вас: не утверждайте! Одумайтесь!»

Речь шла об очередном проекте освобождения крестьян, который был еще умереннее предыдущего. Крестьяне теперь должны были выкупать свои наделы не в собственность, а в бессрочное потомственное пользование, и наделы стали еще меньше, а права помещиков еще больше.

Саше вспомнился эпиграф к одной книге о происхождении морали: «Дайте во владение человеку голую скалу, и он превратит ее в сад. Дайте ему на девять лет в аренду сад, и он превратит его в пустыню...

Право собственности творит чудеса: оно превращает песок в золото».

Книга была совершенно материалистической и альтруизм находила, начиная с летучих мышей, а цитату приписывала некоему Артуру Юнгу — английскому писателю, агроному и экономисту.

Саша всегда считал, что собственность лучше пользования, так что был совершенно солидарен с Герценом. Но в отличие от Александра Ивановича знал, что проекты утверждены еще весной.

Та самая статья, из-за которой Сашу завалили «Колоколами» располагалась на второй странице:

«Сен-Жюст при дворе императора Александра Николаевича: тронная речь».

«Это историческое событие случилось в пятницу шестнадцатого июля в гостиной государыни, — начиналась статья. — Тринадцатилетний Великий князь Александр Александрович исполнил никому неизвестную, но совершенно гениальную музыкальную пьесу „К Элизе“, приписал ее покойному Бетховину, и бесстрашно, прямо при государе (хотя и вполголоса) изложил свои политические взгляды.

Итак, что же нас ждет, если вдруг Александр Николаевич прислушается к своему юному сыну или (что скорее), спустя годы, Николай Александрович прислушается к своему младшему брату?

Отмена цензуры; Отмена смертной казни; Свобода вероисповедания. Билль о правах.

А также: ликвидация крестьянской общины, ведение частной собственности на землю, и ее свободная продажа.

Государство всеобщего благосостояния.

Верно и волхвы так не радовались звезде, восходящей над Вифлеемом, как мы — первым трем предложениям!

Об освобождении слова от цензуры мы писали еще год назад в предисловии к первому номеру „Колокола“. Отмену смертной казни поддерживаем всей душой, если это только не будет по Николаю Павловичу: „Не было у нас отродясь смертной казни, а потому прогнать сквозь строй двенадцать раз“.

И всегда мы критиковали глупые преследования старообрядцев.

А вот Билль о правах требует некоторых пояснений. На какой именно билль о правах ориентируется Великий князь? Английский? Американский?

Неужели Александр Александрович действительно за то, чтобы дать народу человеческие права? Свободу печати, свободу петиций, свободу собраний?

Мы нисколько не сомневаемся, что Александр Александрович это прочитает. Так что с замираньем сердца и тайной надеждой ждем подробностей. Мы понимаем, что для Великого князя просто невозможно у нас публиковаться, но мы ведь можем и без имени автора, и даже без разрешения, опубликовать».

Саша усмехнулся. Манипулятор, этот Герцен. Вызов бросает?

«Освобождение крестьян от помещиков — еще один первоочередной шаг, который мы предлагали еще в первом номере „Колокола“. Но с ликвидацией крестьянского общества мы никак не можем согласиться, — продолжали Герцен с Огаревым. — Земля должна быть передана, конечно, в собственность, но именно общине, которая одна может спасти крестьян от разорения.

Государство всеобщего благосостояния — новое для нас понятие. Ваше Высочество, не могли бы Вы пояснить, что имели в виду? Про „Все в том острове богаты, Изоб нет, везде палаты“ мы поняли. Но как этого добиться без золотых орешков с изумрудными ядрами и волшебных животных?

Связаны ли с этим планы всеобщего образования? Начального? И что значит „всеобщего“?

Это все не в упрек Великому князю. Мы в восхищении.

Если он осуществит хотя бы половину своих планов, это будет достойно Петра Великого, к которому сей чудесный отрок относится с некоторым скепсисом и упрекает за недостаточно глубокую вестернизацию. Зато дорогу на запад почитает за единственный путь, который рано или поздно пройдут все народы.

Произнося свою тронную речь, Великий князь по памяти сыпал малоизвестными историческими фактами. Например, о том, что при Петре Великом были планы введения обязательного образования для горожан. Или, что Наполеон планировал освободить крестьян и возил в обозе свою статую в тоге, посвященную этому событию.

Самым удивительным в этой речи было то, что оратору нет еще четырнадцати лет. Однако возраст не помешал ему сказать то, что прозвучало, как выстрел в ночи, как философические письма другого западника, объявленного сумасшедшим при Николае Павловиче.

Говорят, что врач, призванный наблюдать автора писем, при первом же знакомстве сказал ему: *„Если б не моя семья, жена да шестеро детей, я бы им показал, кто на самом деле сумасшедший“*.

Доходили до нас слухи, что Александр Николаевич тоже собирался объявить сумасшедшим своего гениального сына и пригласил к нему известного психиатра Балинского. Последний пока бездетен. Так что, к нашему счастью, государь не решился назвать помешанным самого разумного человека в своем окружении».

«Ну, читал Тарле, читал, — прокомментировал про себя Саша. — Еще в школе». То ли из «Наполеона» Тарле, то ли из «Нашествия Наполеона на Россию» он помнил про статую в тоге.

Под статьей (или фельетоном что ли?) Герцена имелась иллюстрация, где Саша при помощи Никсы и генералов запускал небесный фонарик. Против исторической правды авторы погрешили, предпочтя ей красивый символизм. Собственно, Саша был в центре композиции, а фонарик стартовал с его вздетых вверх рук.

Ну, да! Ну, да! Не ставят светильник под спудом.

Под рисунком была надпись:

«Мы несколько переосмыслили рисунок, опубликованный в „Таймс“».

Что это еще за рисунок?

Впрочем, несложно догадаться. И Саша резко понял, что ему нужно переговорить с папá, и чем быстрее, тем лучше.

Четверг. Первая половина дня. Царь наверняка занят, и врывать на совещание прямо скажем, не стоит.

И Саша взял лист бумаги и перо.

Но написать ничего не успел, потому что пришел Никса.

И на стол перед Сашей лег третий экземпляр «Колокола» рядом с двумя первыми.

— Уже прочитал? — спросил брат.

— Еще бы!

— Честно говоря, завидую, — признался Никса.

— По этому поводу я уже нарвался на неприятный разговор с папá.

— И что ты ему сказал?

— Что в общем и целом изложено верно, но про тронную речь придумал не я.

— Я тебя не упрекаю, — сказал Никса, садясь рядом.

— Клянусь, что у тебя никогда не возникнет ни малейшего повода меня в этом упрекнуть.

— Поменьше бы ты клялся, — поморщился брат.

— Учту, — пообещал Саша. — Но знаешь, я там не все понял. Что это за «выстрел в ночи»?

— Философические письма, — объяснил Никса. — Точнее одно письмо Петра Чаадаева.

— Чаадаев? Адресат Пушкина?

— Человек, с которого началось западничество.

— Да? А письмо ты читал?

— Нет, оно запрещено, — проинформировал Никса.

— В этой стране хоть что-нибудь не запрещено?

— Папá многое разрешил. Я не читал письмá, но примерно знаю, что в нем, мне Кавелин рассказывал. Письмо опубликовал журнал «Телескоп» в середине тридцатых. Журнал тут же закрыли, редактора сослали, цензора уволили. А Чаадаева вызвали к московскому полицмейстеру и объявили, что по распоряжению правительства, он теперь душевнобольной.

Саша поднял большой палец вверх.

— Да, это сильно! — восхитился он. — Душевнобольной по распоряжению правительства. Карательная психиатрия, как она есть. В психушку пихнули? На цепь посадили? Лауданумом пичкали по три раза в день?

— Нет, домашний арест.

— Ну, это наш белый и пушистый дедушка! Тишайший государь, душка Николай Павлович.

— Правда, каждый день Чаадаева должен был посещать психиатр, — заметил Никса.

— А! Ну, нужен же интеллектуальный собеседник. А то взвоешь под домашним арестом.

— Были разрешены прогулки.

— Очень великодушно! Да, а ведь могли бы и в Алексеевский рavelин. Никса, сволочь, не томи! Заинтриговал меня дальше некуда. Что было в письме-то?

— Чаадаев утверждал, что Россия не внесла никакого вклада в мировую культуру, что не дала миру ни одной идеи и ничего у него не взяла.

— Всего-то? Ну, в середине тридцатых — может быть. Ломоносов, Державин, Пушкин. Еще даже не Лермонтов. Можно раздумчиво покачать головой и, скрепя сердце, согласиться. В смысле, хорошо, но мало. Но девятнадцатый век полностью все изменит. Что там было еще крамольного?

— Что католицизм лучше православия, поскольку пытается менять мир и строить царство божие на земле, а не замыкается в мистицизме и не ограничивается молитвами и постами. Что жаль, что христианство приняли от Византии, а не от Рима.

— Честно говоря, подписываюсь под каждым словом.

— Так... — сказал Никса.

— Но я где-то читал, но протестантизм еще лучше. Поскольку протестантская этика очень способствует росту производства и развитию капитализма. Так что надо было не только принять христианство от Рима, но и не забыть вовремя признать учение Лютера. Ну, или Кальвина.

— Ты серьезно, Саш?

— Абсолютно. Только папá не говори. Чаадаев жжет.

— Там еще про русскую историю, где все тускло и мрачно, лишено и силы, и энергии, и которую ничего не оживляло, кроме злодеяний и ничего не смягчало, кроме рабства, испокон и поныне — один мертвый застой.

— О, как! Ничего мы потрогаем эту тряси́ну острой палкой. Глядишь, и очистится от тины и гнили. Никса! А знаешь, зачем пишутся такие тексты?

— Есть какой-то тайный смысл?

— Еще бы! Это типичнейший вброс говна на вентилятор.

— Вентилятор?

— Ну, такая штука для охлаждения воздуха, вроде, ветряной мельницы.

— А! Кажется, что-то слышал.

— А теперь представь себе, что на крылья ветряной мельницы кто-то бросил вагон говна.

— Эээ...

— Вот! Те, на кого попало, тут же начинают сраться друг с другом, поминутно поминая автора. А автор смотрит на это, потирает ручки и огребает много комментов, перепостов и рейтинга.

— Комментариев?

— Ну, да!

— Перепост — это что?

— Ну, распространять начинают скандальный текст: перепечатывают, пересказывают, от руки переписывают. А рейтинг...

— Рейтинг я понял. Оценка?

— Ну, да, численная оценка популярности.

— С этого письма начался спор славянофилов и западников, — сказал Никса. — Западники были за, а славянофилы — против.

— С ума сойти! Это надо же так вбросить. На несколько десятков лет... если не сотен. Но ему, конечно, еще с эффектом Стрейзанд подфартило. Запретили же!

— Стрейзанд?

— Это американка одна. В общем смысл в том, что чем больше ты запрещаешь информацию, тем эффективнее она распространяется. Потому что сам запрет — хорошая реклама.

«Вот действительно! — подумал Саша. — Ну, кто бы знал о шамане Габышеве и его великом походе, если бы данного религиозного деятеля не отправили в психушку?»

— Ну, вот зачем запретили? — продолжил Саша. — Вред-то какой? Автору удовольствие, интеллигенции — развлекуха, а там, может, и истина какая-нибудь родится в этом споре. Удобрение же! Все должно расти.

— Ты что считаешь: вообще ничего не следует запрещать?

— Никакую информацию.

И Саша бросил выразительный взгляд на стол.

— Посмотри на этот полностью запрещенный «Колокол»! Раз, два, три.

— Кстати, откуда столько? — поинтересовался брат.

— Ты, дядя Костя и Мадам Мишель. Кстати, она звала в гости. Ты как?

— К Елене Павловне? С удовольствием.

После обеда от Мадам Мишель пришло письмо с приглашением на сегодня, на восемь вечера, для него и Никсы.

С великими князьями отправился Зиновьев.

Николаю Васильевичу явно не нравилась идея провести вечер в этом вертепе демшизы, но ничего не поделаешь, все-таки государева тетя. Отказаться нельзя.

Саша прихватил гитару. Зиновьев посмотрел осуждающе, вздохнул, но возражать не стал.

Поехали на поезде со станции Новый Петергоф. Сели на деревянные скамьи в вагоне.

Все-таки Саша никак не мог привыкнуть к равнодушию царской семьи к уважаемой службе ФСО. На поезде, блин! Царские дети! И даже не в отдельном вагоне.

Что-то из родного двадцать первого века. Скажем, королева Нидерландов объезжает на велосипеде свои владения.

Ситуация почти привычная. Ну, электричка и электричка. Правда, едет медленно, и дым от паровоза периодически задувает в окна, но зато можно любоваться придорожными пейзажами. А там везде метки приближающейся осени: в шевелюре плакучих берез целые пряди желтых листьев, созревающие красные грозди рябины, скошенные нивы с высокими стогами и пожухлая, выгоревшая за лето трава.

— На вечерах у Елены Павловны основной язык французский? — спросил Саша.

— Русский, — ответил Никса. — Но могут, конечно, перейти. Она неплохо знает английский. Папá мне рассказывал, что, когда она только приехала в Россию и учила русский язык, он говорил с ней по-русски, а она по-английски.

— Понятно, — сказал Саша. — Ну, что, Николай Васильевич, на язык Сен-Жюста? Надо же мне оправдывать свое прозвище.

Зиновьев поморщился, но на французский перешел.

Саша надеялся на некоторый прогресс. Письмо Александра Павловича из книги Корфа было проштудировано и выучено наизусть. И Беранже прочитан наполовину.

До самого Питера обсуждали погоду, приближение осени и немного Герцена и его статью. Зиновьев клялся, что не читал, так что Саша ее старательно пересказал. Под насмешки брата по поводу прононса.

Ладно! Если вокруг будут говорить по-французски, он, наверное, большую часть поймет. А отвечать можно и по-русски. В крайнем случае, Никса под боком.

У Петергофского вокзала их ждал экипаж от Елены Павловны.

Не золотая карета: ландо, как ландо. Но герб на дверце присутствовал.

Михайловский дворец был построен в скучном классическом стиле и показался смутно знакомым. Кажется, Саша его уже видел, когда там в будущем, в прошлый раз приезжал в Питер.

Они вышли из экипажа и пошли к зданию.

И тут Сашу осенило: Русский музей!

Тетин лакей повел их не к главному входу, а свернул направо, к двухэтажному флигелю.

Зиновьев насупился.

— Это же морганатический вечер, — успокоил Никса. — Они всегда здесь.

Открылись высокие деревянные двери, и гости оказались в помещении, выдержанном в бело-золотых и коричневых тонах: белые стены, темный наборный паркет на полу, и позолота на потолочном плафоне и спинках мебели. Последняя нежного сиреневого окраса.

Хозяйка встретила их собственной персоной.

Обняла сначала Никсу, потом Сашу. Объятия Елены Павловны были теплыми, мягкими и уютными. Она уже начала полнеть и напоминала учительницу на пенсии. Ну, или даже преподавательницу вуза. Внимательные умные глаза, высокий лоб, строгая прическа. В образ не вписывалось жемчужное ожерелье, богатое платье с кринолином и некоторая порывистость движений. Черное кружево поверх белого атласа, лиловые банты — тетя носила траур по умершему несколько лет назад мужу, которого, говорят, никогда не любила. И он отвечал ей полной взаимностью.

Открылись еще одни двери: в комнату, где собралось некое общество: человек пятнадцать.

Саша шагнул внутрь, и все взгляды обратились к нему.

Хозяйка указала взглядом на круглый стол в центре комнаты. Здесь за самоваром, вареньем, конфетами и печеньками (от Госдепа) собрались гости Мадам Мишель.

Все встали.

Только, когда Никса милостивым жестом руки, позволил всем сесть, до Саши дошло, перед кем вставали. «Движением ладони от запястья он возвращает вечеру уют», — вспомнил Саша. Чуть вслух не процитировал.

Первое, что бросилось в глаза — обилие гражданской одежды. В Петергофе Саша ее и не видел почти. Разве что Балинский, аптекарь и публика на железнодорожной станции. Здесь в военной форме были только они с Никсой.

Один из гражданских заулыбался и подошел к ним. Брат пожал ему руку.

— Это Константин Дмитриевич Кавелин, — представил Никса. — Мой бывший учитель.

Лицо Кавелина казалось сделанным ленивым скульптором, не любившим кропотливой работы: крупный нос, лоб с выступающими надбровными дугами. Под выбритыми щеками и тяжелым раздвоенным подбородком — черная борода.

Из брутального образа выбивались круглые в тонкой оправе очки и глубокие умные глаза. А за не слишком изысканной внешностью чудилась внутренняя сила, прямо староверческая какая-то, словно костер в срубе.

— Много о вас слышал, Константин Дмитриевич, — сказал Саша.

И пожал его большую ладонь.

С Кавелиным подошел еще один гость в тройке, галстук с брошью под белым накрахмаленным воротничком и цепью от часов поверх жилета.

— Это мой ученик Борис Николаевич Чичерин, — представил Константин Дмитриевич.

Ученик был лет на десять моложе учителя, то есть выглядел на тридцатник. И все, что было в Кавелине слишком, в Чичерине — правильно, аристократично и изысканно. Этаким хипстер девятнадцатого века. Впечатление портила фамилия большевистского наркома, зато полностью исправляло имя и отчество того единственного президента России, за которого Саша когда-то голосовал. Там, в будущем.

Пожали друг другу руки, подошли к столу.

Прочих гостей представляла строгая дама за тридцать.

— Баронесса Раден, — шепнул Никса. — Не помнишь ее?

— Нет, — тихо сказал Саша.

— Фрейлина Елены Павловны. Это ее квартира.

К баронессе обращались «Эдита Фёдоровна».

Саше запомнился еще один господин лет сорока: Николай Алексеевич Милютин. Николай Алексеевич носил галстук бабочкой и бакенбарды. Имел тонкий нос, близко посаженные глаза и высокий лоб. Казался аристократичнее Кавелина, но меньшим денди, чем Чичерин. Фамилия Милютин ассоциировалась с крестьянской реформой.

У его соседа лицо казалось знакомым.

— Иван Сергеевич Тургенев, — представила госпожа Раден. — Писатель.

— Я знаю, — улыбнулся Саша.

И пожал руку классику.

Все сели. Баронесса налила чай. Поставила розеточки с клубничным вареньем для Саши и Никсы.

— Ваше Высочество, вы что-то читали из моих книг? — спросил Тургенев.

— Конечно, — сказал Саша. — «Отцы и дети».

Иван Сергеевич помрачнел.

— Я опять что-то перепутал? — спросил Саша. — Извините ради Бога, если не ваше.

— Не мое, — сказал Тургенев.

— Откуда-то помню название, — объяснил Саша.

— Хорошее название, — проговорил Иван Сергеевич.

— Дарю, пользуйтесь. «Записки охотника»... ваше?

— Да, Ваше Высочество.

— Отлично! В точку. Я, правда, очень давно читал. Меня не предупредили о том, что вы здесь будете, а то бы я подготовился. «Муму» — ваш рассказ?

— Да.

— О! Самый страшный рассказ в русской литературе. Честно говоря, я считаю, что тот, кто покоряется тирану является его сообщником.

Саша окинул взглядом присутствующих. Все молчали.

— Я помню другую историю, — сказал Саша. — Не помню откуда. Она не такая жесткая. В общем, жил-был верный холоп, всю жизнь прослуживший барину. Звали холопа, кажется, Яков. И у него был племянник, который решил жениться на крестьянской девушке, на которую и барин глаз положил. Хотя у барина были парализованы ноги. И отдал помещик племянника в рекруты. Яков две недели пил горькую, а потом отвез барина зимой в лес и повесился на его глазах. Но утром продрогшего помещика нашли охотники. Честно говоря, концовка мне не нравится. Было бы справедливее, если бы не нашли.

Саша честно не помнил, откуда история. Уже не из Радищева ли? Или это Некрасов?

— Не всегда возможно не покориться тирану, — заметила госпожа Раден.

— Не буду спорить. Я как-то побаиваюсь судить. Не все обладают стойкостью Василия Шибанова, и я сам не уверен, что я ею обладаю.

— Когда мне было чуть больше лет, чем Николаю Александровичу, со мной тоже случилась не самая красивая история, — сказал Милютин. — Но я запомнил ее навсегда. Мне было тогда 16 лет, я впервые надел фрак и поехал на утренний бал в дворянское собрание. Была масленица. Суббота. И мороз минус двадцать пять. Однако в санях и в шубе я вовсе не чувствовал холода. В назначенный час я был на балу и танцевал до 6 часов. Потом поехал обедать в одно знакомое семейство. После обеда опять затеяли танцы, а потом был ужин. Так что домой вернулся часа в четыре утра. И на другой день встал поздно. И только за завтраком мать описала мне, насколько жестоко я обошелся со своим кучером, которого в страшный мороз 15 часов продержал на козлах. Так моя мать показала мне всю темную сторону крепостного права, ставившего человека в полную зависимость от 16-летнего повесы.

— Не обморозился кучер? — поинтересовался Саша.

— К счастью, нет.

— Тогда оправданы, Николай Алексеевич, тем более, что неумышленно. Вы уже сочинили ваш пятидесятый псалом? Как он называется? «Записка об освобождении крестьян»? «Проект отмены крепостного права»?

— Есть наброски, — сказал Милютин.

— Пришлите мне, хорошо?

— Да, конечно.

— Константин Дмитриевич, — обратился Саша к Кавелину. — Вы тоже. Я, к стыду своему, вашу полузапрещенную записку до сих пор не прочитал.

— Государь этой публикацией был не вполне доволен, — осторожно заметил Кавелин.

— Так я же для себя прошу, а не для папá, — сказал Саша. — Нас здесь больше двенадцати?

— Да, — подтвердила баронесса Раден.

— Значит, по теории вероятностей должен найтись один предатель. Но это точно буду не я.

— Пришлю, — сказал Константин Дмитриевич.

— Иван Сергеевич, — обратился Саша к Тургеневу, — пока я не забыл. Можете мне прислать ваши «Записки охотника»? Я перечитаю, а то совсем не помню. И «Отцов и детей», когда напишите. Обязательно с подписью, это же неотъемлемое право автора — портить книги. И еще, чтобы не устроить себе сепсис, вскрывая трупы, надо мыть руки раствором хлорной извести. До и после. Может быть, вам понадобится для книги.

Тургенев посмотрел с некоторым удивлением, но кивнул.

— Хорошо, Ваше Высочество.

— А по поводу вашего кучера, Николай Алексеевич, у этой истории есть и другая сторона. Вы ведь не обязаны были думать за него. Наверняка, у этой проблемы было какое-то простое и взаимовыгодное решение, чтобы и молодой повеса остался доволен, и кучер не замерз. Но кучеру надо было вам сказать, что проблема вообще существует. Рабство плохо не только само по себе, оно приучает к пассивности и отучает думать. И внешнее освобождение не отменяет этого рабства в душе.

Саша отпил чаю, который уже начал остывать.

— Думаю, что американцы очень зря ввозили черных рабов, — продолжил он. — Их освободят, но они еще долго останутся рабами и будут тянуть страну назад, требуя заботы о себе вместо свободы. И у нас будет то же. Никуда не денемся! Такое изживают веками. Через заблуждения, разочарования, поражения и покаяние.

Рабами, конечно, править легче. Но вести их за собой нельзя. Они никуда не пойдут рядом с вами. Их можно только подгонять сзади и расстреливать отступающих. Они никогда не станут вашими соратниками. Их можно обмануть, но не убедить. Они вообще не понимают, что это за убеждения такие, и в чем их ценность. С ними получится разрушить, но не получится построить.

Саша погрузил ложку в варенье. Попробовал, но тут же отвлекся.

— Александр Иванович мне бы уже десять раз возразил, — заметил он. — У меня от него одного обратная связь? Больше никто не решится доложить про мороз в минус 25 градусов?

— Это такой приговор русскому народу... — предположил Чичерин.

— Почему же только русскому? Не думаю, что англичане были чем-то лучше нас до Великой хартии вольностей.

— Народы различны, — возразил ученик Кавелина. — То, что подходит одному, не подойдет другому.

— У русских просто нет опыта свободы, — сказал Саша. — Ну, почти нет. Давно и беспощадно задавили.

— Англичане — торговая нация, — сказал Чичерин. — Это совсем другой опыт.

— А чем Новгородцы не были торговой нацией?

— Это было недолго. Не главное направление русской истории.

— Угу! Случайная тупиковая ветвь, — поморщился Саша. — Мне тут Герцен намекнул, что в моем возрасте сказки надо читать, а не о политике рассуждать. Хороший совет, между прочим. Помните сказку про Садко? Она Новгородская. Как Садко решил скупить все товары новгородские. Три дня пытался, но утром смотрит: опять все лавки полны. И понял он, что не одолеть ему города. Пока город свободен, города не одолеть. И это касается не только торговли.

— Одолели, — заметил Кавелин.

— Огнем и мечом, — кивнул Саша. — И не одолели, а убили. Ни торговли, ни богатства, ни развития. Где он, Великий Новгород? Затхлая провинция империи! Убили инициативу, убили предприимчивость, и, убив свободу, убили душу. Зато собрали земли русские. Благо бы для прогресса. Но нет! Для азиатского рабства!

— Не надо было собирать? — осторожно спросила Раден.

— Смотря с какой целью. У империи есть свои преимущества: отсутствие внутренних границ, в том числе таможенных, защита от внешних врагов, объединение ресурсов. Чем Соединенные Штаты — не империя? Это сейчас они смотрятся далекой провинцией, но все изменится за каких-то лет сто. Выйдут в лидеры мира. И это потому, что кроме преимуществ империи, у американцев есть свобода.

— У них есть рабство, — подключился Милютин. — Ваше Высочество, вы забываете про черных рабов.

— Не забываю. Суд Линча, безграничная власть плантаторов, произвол. Несчастных негров вешают и секут ни за что, ни про что. Хотя, честно говоря, чья бы корова мычала. У них рабы — хотя бы уроженцы черной Африки, а у нас — свои родные соплеменники и братья по вере. Не беспокойтесь о черных рабах, Николай Алексеевич. Я ведь правильно запомнил?

Милютин кивнул.

— Ваше Высочество, а что за «суд Линча»? — спросила Эдита Фёдоровна.

— Линч — то ли судья, то ли полковник в Штатах, который вешал черных без суда и следствия, — объяснил Саша. — Американских рабов освободят в течение 5–7 лет. Когда у них к власти придет президент — принципиальный противник рабства, южные штаты объявят о независимости. Что спровоцирует гражданскую войну.

— Откуда вы знаете? — поинтересовался Чичерин.

— Предполагаю, — объяснил Саша. — Предсказывать не так сложно. Достаточно логики и информации. И понимания того, что мир меняется. Спустя пять лет он будет не таким как сейчас. Все просто: южным плантаторам выгодно рабство, северным промышленникам — нет. Но после того, как отменят крепостное право даже в далекой России, неприлично будет рабство сохранять. Так что будет война севера и юга.

— Все-таки у нас раньше? — улыбнулся Милютин.

— Да, у нас раньше, — сказал Саша. — Причем обойдемся без гражданской войны, хотя встанет это в копеечку. Во всех смыслах: и в прямом, и в переносном.

— Почему вы так думаете? — усмехнулся Кавелин.

— Простейшая аналитика. Никакого снисхождения святого духа, никаких явлений богородицы, никакого спиритизма. Главный комитет работает, губернские комитеты

работают, редакционные комиссии работают.

Саша загнул один за другим три пальца и показал всем результат:

— Не думаю, что это затянется больше, чем на три года.

— А почему без гражданской войны? — спросила Раден.

— Потому что папá — достаточно осторожный человек, и умеет согласовывать интересы различных партий. Крестьянские бунты будут, конечно. Поскольку крестьяне — единственная сторона сделки, чье мнение вообще не принимают в расчет.

— Крестьяне слишком не развиты, чтобы их мнение можно было принимать в расчет, — заметил Чичерин.

— Думаю, что не настолько, чтобы не понимать свой интерес, — предположил Саша. — Государственного мышления от них никто не потребует. А так, боюсь, решение будет не самым идеальным. Мы думаем, что наш кучер замерзает в минус 25, а ему, может, водки надо и борща с краюхой хлеба. Но его никто не спросил.

— И как у них спросить? — поинтересовался Милютин.

— Кроме губернских комитетов учредить крестьянские, — сказал Саша. — Пусть даже на основе ненавидимого мною сельского общества. До отмены крепостной зависимости вреда от него не так много, как будет после. И пусть вырабатывают свои предложения. Найдется у них хоть один грамотный на общину или попá придется звать?

— Попá, — сказал Кавелин. — В большинстве случаев.

— Попы-то хоть все грамотные? — спросил Саша. — А то дядя Костя поверг меня в полный шок рассказом о неграмотной помещице.

— Будем надеяться, — вздохнул Милютин.

— У меня есть статья о необходимости сохранения сельской общины, — сказал Константин Дмитриевич. — Прислать?

— Конечно, — кивнул Саша. — Изучу. То, что в этом вопросе я один против всех, я уже понял. Но я готов выслушивать аргументы, хотя предупреждаю: переубедить меня трудно.

Никса усмехнулся.

— Знаете, идеи моего брата только на первый взгляд кажутся безумными, — сказал он. — Он сейчас дюжину раз повторит про ликвидацию общины, про участие крестьян в обсуждении проектов эмансипации, про единственный западный путь — и вы перестанете удивляться, потом начнете принимать всерьез, а потом это окажется правдой. Я уже несколько раз в этом убеждался. Правда ведь не то, что нам нравится. И даже не то, к чему мы привыкли.

— Здорово, что ты это понимаешь, — сказал Саша. — Мало кто понимает. Большинство всегда предпочтет нас возвышающий обман.

— Государь не может себе этого позволить, — сказал Никса. — Слишком велика цена ошибки.

— У тебя получится, — сказал Саша.

И допил простывший чай.

— Еще? — спросила Раден.

— Да, конечно. Честно говоря, когда я ехал сюда, я ожидал, что мне зададут те же вопросы, которые задал Герцен в своей статье. Я даже готовился. Я бы ему обязательно ответил, если бы не позиция папá по поводу «Колокола».

— Очень верная позиция, — заметил Милютин. — «Колокол» враждебен России.

— Да, ладно! — усмехнулся Саша. — Да я готов об заклад биться, что Герцен так

понимает патриотизм. Ну, что там враждебного? Пара шпилек в фельетоне обо мне? Я не обидчивый. К тому же на фоне сравнения последовательно с Христом, Петром Первым и Чаадаевым — грех обращать внимание на такие мелочи.

— Чаадаев был сумасшедшим, — заметил Кавелин.

— До сих пор не сняли диагноз?

— Не отменили, — уточнила Раден.

— Когда мне рассказывают о таких сумасшедших, мне вспоминается стихотворение Беранже: «Чуть из ряда выходят умы, смерть безумцам — отчаянно воем». Кстати, это не значит, что я с ним во всем согласен. Да и письмо знаю в пересказе. Кстати, если у кого есть — присылайте, буду благодарен. Терпеть не могу судить с чужих слов!

— Так какой билль о правах? — поинтересовался Чичерин. — Английский? Американский?

— Основная сфера интересов Бориса Николаевича — это конституционное право и парламентаризм, — прокомментировал Кавелин.

— Великолепно! — отреагировал Саша. — Просто прелестно. Заниматься конституционным правом в России — это что-то вроде изучения орхидей на северном полюсе. Но да, понимаю. Цветут и пахнут.

— Зато у нас взгляд со стороны, — заметил Чичерин. — Так что больше объективности.

— Ладно, вернемся к биллю о правах. Американский. Меня там подкупает одна формулировка. Не просто свобода слова. И не «свобода может быть ограничена только законом», как у французов. А «Конгресс не имеет права принимать какие-либо законы, ограничивающие свободу слова». Первая поправка к Конституции Соединенных Штатов. Американцы идут дальше всех. Я по памяти цитирую. Все так, Борис Николаевич?

— С точки зрения фактов — да. Но даже «Декларация прав человека и гражданина» упоминает «злоупотребления свободой». Неужели вы думаете, что надо разрешить вообще все?

— Да, Борис Николаевич, именно так я и думаю: все разрешить, кроме цензуры. И это не по молодости лет, поверьте. Я много над этим размышлял.

— Слова могут быть очень опасны, — заметил Милютин.

— Совершенно с вами согласен, — сказал Саша. — А некоторые теории еще опаснее слов. Но вот мы берем некое высказывание и нам надо решить, опасное оно или нет. Судьи кто, Николай Алексеевич?

— Государство. Затем и нужна цензура, чтобы бороться с опасными мнениями.

— Отлично, Николай Алексеевич! Просто пять с плюсом. Государство всегда право? Я не о России сейчас. Возьмем, например, Испанию времен святейшей инквизиции. Скольких ведьм они правильно сожгли? Скольких еретиков? Сколько евреев изгнали, посадив на корабли и отправив в открытое море?

— Это исключение. Уникальный случай.

— Не уникальный. Правильно устроили Варфоломеевскую ночь? А ведь король был «за». Или права была Мария Кровавая, устроившая преследования протестантов?

— Это религиозные войны. Я согласен с тем, что преследовать за веру нельзя.

— Неважно. Предмет спора совершенно неважен. Но, если у власти тиран, убийца и лжец, он объявит ложь правдой и правду ложью. И войну — братской помощью, и массовые убийства — освобождением. Но я больше, чем уверен, что, если бы в средневековой Испании, Франции времен Карла Девятого или Англии времен дочери Генриха Восьмого была свобода слова — ничего бы этого не было. Потому что правда, если ее специально не давить, найдет себе дорогу. И если ложь и правда равноправны — победит правда. А если есть тот, кто стремится заткнуть всем рот, объявить всех шпионами и закрыть все журналы — это верный признак того, что он на стороне лжи.

— А как же «возвышающий обман»? — спросил Чичерин. — Разве он не победит истину?

— Опасная штука, конечно. Надо отслеживать и бороться. Но поручать различать ложь и правду государству — последнее дело. Пока самая опасная, самая чуждое, самая человеконенавистническая, самая черная и абсурдная теория в оппозиции — она не так опасна, как у власти. И против слова нужно бороться словом, против пера пером и партиями против партий. Но, если мы запретим то, что кажется нам опасным, мы только подарим этому вкус запретного плода, а у наших аргументов отнимем силу, потому что, если неизвестна мишень, непонятно против чего стрелы.

— Решение о запрете может принимать суд, — предложил Чичерин.

— Уже лучше, — сказал Саша. — Суд по закону судит?

— Да, — кивнул Борис Николаевич.

— А законодатели кто?

— Дальше понятно, — усмехнулся Чичерин.

— Именно так! Законодатели не более непогрешимы, чем правительство. Именно поэтому «Парламент не имеет права принимать законы, ограничивающие свободу слова».

— Вы за народное представительство? — спросил Борис Николаевич.

— Конечно.

— Но точка зрения западных либералов не для русского человека, — сказал Чичерин. —

Для них свобода абсолютна, она — условие всякого гражданского развития. Для нас — признать это значит отречься от нашего прошлого, которое доказывает яснее дня, что самодержавие может вести страну вперед громадными шагами.

— Я с вами совершенно согласен, Борис Николаевич, — сказал Саша. — Может. Но сколько раз в нашей истории после прогрессиста у власти оказывался консерватор, а то и просто недалекий человек, который обнулял все достижения предшественника и тащил народ назад едва ли не быстрее, чем вел вперед предыдущий.

— Но в итоге двигались вперед.

— По сравнению с Западом?

— У нас другая история, — сказал Борис Николаевич. — Нельзя так прямо сравнивать. Представительное собрание способно только удаляться от крайностей. Оно мешает дурному законодательству, но не содействует и хорошему, а ведет к посредственному.

— Понимаю, о чем вы. Я бы сам хотел найти философский камень, изобрести алхимию и магию, которые бы позволили сдерживать тиранов, не препятствуя проводникам прогресса. И такая алхимия мне известна только одна — просвещение. Ну, я банален. И на выборах — образовательный ценз.

— Имущественный, — возразил Чичерин.

— Нет, — сказал Саша.

— Только тот, кто владеет имуществом, может иметь собственный голос и не быть орудием в чужих руках, — заметил Борис Николаевич.

— В этом, конечно, есть своя правда, — согласился Саша. — Но тогда мы отлучим от политического процесса интеллигенцию: юристов, писателей, студентов, преподавателей, врачей, которые зачастую не владеют имуществом, а арендуют его. А это самый активный слой. И если они не пойдут в парламент, они пойдут в революцию.

— Образование может сделать человека зависимым от того, кто помог его получить.

— От лоббистов мы все равно никуда не денемся, но это меньшее зло, чем терроризм.

— В чем вы правы, Ваше Высочество, так это в том, что образование без собственности — самая благоприятная почва для радикальных идей, — сказал Чичерин.

— Вот именно. А радикализм на тайных сходках гораздо опаснее радикализма в парламентах. Наемные работники, конечно, зависимы, а значит управляемы, и в этом большая опасность, но у них могут быть свои интересы, которые не менее опасно не учитывать.

— Радикализм в парламентах не так уж безобиден. Разгар страстей, сопровождающий борьбу партий, проникает в общество и рождает неприязнь и взаимную ненависть сторон. И народ распадается на враждебные лагеря.

— Нет, — возразил Саша. — Пока есть свобода, не будет никакой ненависти. Вот, мы с вами, Борис Николаевич, придерживаемся различных взглядов: вы — за имущественный ценз, я — за образовательный. Что мы с вами стреляться пойдём? Да, ладно! Подискутируем — неважно в салоне, в журнале или в парламенте — а потом пожмем друг другу руки, обнимемся и вместе попьём чайку. Есть только одна ситуация, когда это не так, когда уже не спор, а война на уничтожение.

— Когда государство начинает бороться с брожением и подавлять партии, — предположил Чичерин.

— Совершенно верно! Точнее, когда государство начинает давить оппозицию, зачищать политический спектр и вытравливать все ростки свободы. Когда спорщики неравноправны.

Когда один после этого спора уедет в Сибирь, а другой получит чин или орден. Вот тогда — да! Раскол, неприязнь и ненависть. Только спровоцировало ее правительство, а не гражданское общество.

— Ваше Высочество, — заметил Милютин, — Сегодня правительство либеральнее общества. Парламентаризм прежде времени. Земское самоуправление — да, городские думы — да, но не парламент. Вы ведь за освобождение крестьян?

— Естественно, — сказал Саша.

— С парламентом мы никого не освободим. Это трудно даже с губернскими комитетами. Так что ни демократии, ни конституции! Народное представительство сейчас будет только тормозом развития.

— Экономические реформы прежде политических, я уже где-то говорил об этом. Но после этого никуда мы не денемся от парламента. И лучше, если мы учредим его сверху, чем народ установит его снизу, сметя все на своем пути и полстраны залив кровью. И мне хочется верить, что правительство смирится с этим прежде, чем потерпит еще одно поражение в войне.

Саша, наконец, принялся за вторую чашку чая и уничтожил печенюку. Ему никак не удавалось застать чай горячим.

— А давайте попробуем? — предложил он. — Как у нас получится? Заболтаем ли мы все на свете?

— Попробуем? — удивилась Эдита Федоровна. — Как?

— Прямо сейчас. Вы знаете, что такое ролевая игра?

— Нет, — сказал Никса.

Брат весь вечер слушал внимательно, но теперь особенно заинтересовался.

— Это вроде театра, но без сценария, — объяснил Саша. — У каждого есть роль, но нет текста. Можно поиграть в какой-нибудь исторический сюжет. Например, во французскую революцию. Кто-то играет короля, кто-то Робеспьера. Но никто не обязан следовать исторической правде. Главное выиграть. Может быть у короля была какая-то более разумная тактика, при которой он был сохранил и голову, и трон.

— Переписать историю? — улыбнулся Кавелин.

— Почему нет? — спросил Саша. — Это же игра. Зато попробовать разные варианты и чему-то научиться.

— Ты хочешь поиграть во французскую революцию? — спросила Елена Павловна с другого стола, где героически отвлекала Зиновьева.

— Нет, — сказал Саша. — Я хочу поиграть в российский парламент. Скажем, прошло десять лет... Или больше. Крестьяне давно освобождены, но, наверняка есть проблемы: выступили на поверхность подводные камни, которых мы сейчас не видим. И вот был всемилостивейший указ об утверждении народного представительства, прошли выборы, и у нас первое заседание. Никса, что ты думаешь про то, чтобы царя сыграть?

— Ну, давай.

— Садись в главе стола, и я у тебя должен быть по левую руку, а Николай Алексеевич — по правую.

— Наконец-то! — сказал Милютин. — А то все «красным» кличут.

— Николай Алексеевич, вы красный? Это совершенно невозможно! Если уж вы красный, то я ярко-алый с оранжевым. Но, знаете, мне слева тоже непривычно.

Поскольку стол был круглый, брат сел напротив окна.

Саша и так был слева, так что пересаживаться не пришлось, зато Милютин расположился напротив.

— Борис Николаевич, вы с нами? — спросил Саша.

— Хорошо, — кивнул Чичерин.

И присоединился к левым.

— Константин Дмитриевич?

Саша взглянул на Кавелина.

— Я, пожалуй, направо, — сказал бывший учитель Никсы.

— Вот это да! — поразился Саша. — Кого только у нас за либерализм выгоняют!

И посмотрел на Зиновьева.

— Николай Васильевич, не хотите усилить собой правый фланг?

— Вы, наверное, забыли, Александр Александрович, что я освободил своих крестьян почти одновременно с Ее Высочеством.

И он указал взглядом на Елену Павловну.

— Ну, вы за конституцию и народное представительство или против? — спросил Саша.

— Против, — вздохнул Зиновьев. — Россия до этого не доросла.

— Значит, направо, — сказал Саша. — И не примазывайтесь.

Зиновьев нехотя сел рядом с Милютиным.

— По-моему, у нас явный перевес на правом фланге, — заметил Никса. — Трое против двоих. Сашка, проиграешь!

— Сейчас мы это исправим, государь... все нормально, это по сценарию. Иван Сергеевич, вы как? С кем вы, мастера культуры?

— С противниками крепостничества, — сказал Тургенев.

И сел направо.

— Как будто со мной сторонники! — возмутился Саша. — Ну, что такое!

— И как будешь выкручиваться? — поинтересовался Никса.

— Легко! У нас есть еще один политический тяжеловес. Елена Павловна?

— Саша, — спросила Мадам Мишель, — в твоём парламенте будут женщины?

— Конечно. А что в этом удивительного?

— Ни в одном парламенте мира этого нет, — сказал Кавелин.

— Какое упущение! — возмутился Саша.

— Константин Дмитриевич прав, — согласился Чичерин, — участия женщин не допускает ни одно избирательное законодательство.

— Значит, мы будем первыми, — сказал Саша. — Вот, Никса... государь, смотрите, все уже почти, как в жизни. Оппоненты всегда рады найти какую-нибудь левую причину, чтобы не допустить усиления противника: пол, возраст, вероисповедание, национальность, цвет кожи, вероисповедание. Посылай их, знаешь, куда... В общем, есть подданные государя Николая Александровича и есть не подданные государя Николая Александровича, а остальное никого не волнует. Несть ни эллина, ни иудея.

— Здесь должны следовать аплодисменты, — заметил Никса.

— Здесь должна следовать Елена Павловна, — сказал Саша. — Ваше Высочество, вы готовы усилить собой нашу потрепанную жизнью фракцию?

Мадам Мишель встала с места, шурша шелками, подошла к столу. Чичерин пересел ближе к Никсе и освободил ей место, на которое она с немалым изяществом опустилась.

Саша полюбовался результатом.

— Ну, что, господа правые? Смотрите! Завидуйте!

— Чему же завидовать? — спросил Милютин. — Вас меньше. И одна дама.

— Николай Алексеевич, вы просто в плену стереотипов! Не пройдет и полутора веков, как премьер-министром Англии станет дочка бакалейщика.

— Почему бакалейщика? — улыбнулась Мадам Мишель.

— Не суть. Просто дама и не аристократка.

— Саша... то есть Александр Александрович, а ты не хочешь выпустить сборник твоих пророчеств? — спросил Никса. — Например: «Мир в ближайшие 500 лет».

— Я на пятьсот лет вперед не вижу, — возразил Саша. — Мой горизонт: 150. Максимум: 170. Нострадамус А. А. «Мир в ближайшие 150 лет». Великолепная идея!

Все заулыбались.

— Зря смеетесь, — сказал Саша. — Напишу обязательно. Главное успеть до моего дня рождения. Из соображений безопасности.

— Настолько радикально? — спросила Елена Павловна.

— Надеюсь, что воспримут, как фантастику, — сказал Саша.

— На Луну полетим? — усмехнулся Тургенев.

— Сразу видно писателя, — прокомментировал Саша.

— Просто у Сирано де Бержерака есть книга «Государства и империи Луны», — объяснил Иван Сергеевич.

— Литераторы всегда делают самые точные предсказания, — заметил Саша. — Ну, полетим, конечно! Вообще никаких сомнений. Правда, американцы. Но я постараюсь это изменить.

— Жду книгу, — улыбнулся Никса. — На свободное место, кого?

— Свободное место для Герцена Александра Ивановича, — сказал Саша. — Просто он в отъезде.

— Начнем? — спросил Никса.

— Между правыми и левыми нужно расстояние не менее двух длин шага, — заметил Саша. — У нас немного меньше. Ладно! И парламент игрушечный. Ни у кого огнестрельного оружия с собой нет?

Никто не признался.

— Так, Никса, — продолжил Саша, — то есть Николай Александрович, твоя... то есть ваша задача, чтобы мы друг друга не перестреляли.

— Вы же говорили, что в свободном обществе нет такого накала страстей, — напомнил Чичерин.

— В обществе нет, — сказал Саша. — А в парламенте все может быть. До кулаков.

— У папá получается, — заметил Никса. — Я имею в виду примирение сторон.

— Папá сложно, потому что он не знает, кого у него сколько, — сказал Саша. — Вроде общество за прогресс, а создали губернские комитеты — о-па, а там одни крепостники. А в парламенте все видно. Сорок процентов, скажем, консерваторов, сорок — либералов, а этих ужасных социалистов — вообще, всего двадцать. Но они злые, молодые, активные — так что все равно придется считаться.

— Чтобы парламент был голосом общества, а не мнением меньшинства, надо, чтобы это обеспечивал избирательный закон, — заметил Чичерин.

— Подписываюсь под каждым словом, — сказал Саша. — Фейковый парламент никому не нужен.

— Фейковый? — переспросил Борис Николаевич.

— Декоративный, обманный, фальшивый, — пояснил Саша. — Никого на самом деле не представляющий. Много таких будет. Ну, я в книге, которую обещал, про 150 лет, напишу обязательно. Может быть, даже в отдельной главе: «Имитационная демократия».

Саша попытался отпить чаю, но он предательски кончился.

— Я, кстати, хватил, конечно, когда сказал, что имитация народного представительства никому не нужна, — продолжил Саша. — Она нужна скатывающейся в авторитаризм власти для дискредитации идеи парламентаризма. Вот, мол, сидят эти ваши депутаты, деньги получают, ничего не делают и принимают абсолютно все безумные законы, которые им спускает власть. Зачем этих дармоедов кормить? Может лучше сэкономить и обойтись вовсе без парламента?

— Лучше обойтись с самого начала, — заметил Милютин. — Сейчас это не главное.

— Сейчас не главное, согласен, — кивнул Саша. — Но скоро будет главным. Представьте себе избирательный закон, из которого выкинуты целые группы населения со своими интересами. Женщины, например. Или какие-нибудь сектанты. Или носители определенных политических взглядов. Все! Информация, которая еще просачивается в правительство, уже порядком искажена. Если нет парламента — искажена еще больше. А если нет ни свободы печати, ни свободы собраний, ни свободы слова — искажена абсолютно. Потому что ни одно самое лучшее третье отделение объективной информации не даст, поскольку они чиновники, и им нужно угодить государю.

— Не все чиновники таковы, — возразил Милютин.

— И много таких, как вы? — поинтересовался Саша.

Милютин скромно улыбнулся.

— Вот именно, — сказал Саша. — Поэтому в полностью бюрократической системе качество принятия решений катастрофически падает. Примерно, как в последние годы правления дедушки. При всем моем к нему уважении. Это же надо поспориться со всем миром и развязать войну! Думаю, если бы он получал информацию не только от спецслужб и полиции, и понимал страну, которой правит, многих бед можно было бы избежать.

— Спецслужб? — переспросил Кавелин.

— Специальных служб, — пояснил Саша. — Третьего отделения и разведки.

— Лучше уж честное самодержавие, чем несостоятельное народное представительство, — сказал Чичерин.

— А по мне так лучше быть богатым и здоровым, — усмехнулся Саша. — Состоятельное народное представительство плюс честное и ответственное правительство.

— И как к этому прийти? — спросил Милютин.

— С первого шага. Да, эта дорога в тысячу миль.

— Итак, Александр Александрович, как называется ваша партия? — спросил Никса.

Саша встал.

— Конституционные демократы, государь, — сказал он. — Иначе «Партия народной свободы». А рядом, еще левее, должны быть социал-демократы. Но у их лидера дела в Лондоне.

Никса взглянул на Кавелина.

— Константин Дмитриевич?

Кавелин посмотрел на Милютина.

— Нас до сих «друзьями „Колокола“» называли, — сказал он. — Но Александр

Иванович у нас теперь на противоположной стороне. И слава Богу!

— Еще «партией петербургского прогресса», — заметил Кавелин.

— О! — сказал Саша. — Все, пропечатано! «Партия прогресса» — это отлично!

— Угу! — улыбнулся Никса. — Справа — «Партия прогресса», слева — «Партия народной свободы». Какой будет первый шаг, Александр Александрович?

— Наш товарищ по левому блоку, господин Герцен, меня спрашивал, нужны ли мне золотые орешки с изумрудами, чтобы не было изб, а были одни палаты. Нет, обойдусь. Я даже в госбюджет постараюсь не залезать. Понадобится всего несколько системных решений. Первое: защита собственности. Только, если собственность не может быть отнята произвольно, есть смысл на нее работать.

— Государь тоже не может отобрать собственность? — поинтересовался Никса.

— Государь прежде всего, — сказал Саша. — С разбойниками и мошенниками мы и сами справимся. Второе: развитие промышленности. Точнее всяческая поддержка частной инициативы и промышленных предприятий. Сельское хозяйство — это хорошо, но не за ним будущее.

— Рост промышленности ведет к росту революционных настроений, — заметил Зиновьев.

— Я знаю, — парировал Саша. — Но искусственное сдерживание этого роста ведет к поражениям в войнах. Против роста революционных настроений есть другие лекарства, с меньшим числом побочных эффектов. Поэтому третье: всеобщее образование. Начальное — бесплатно, для всех. Среднее пока для талантливых или имеющих возможность платить, высшее — для самых талантливых или платежеспособных.

— И из каких средств вы собираетесь оплачивать обучение талантливым и самым талантливым, не залезая в казну? — поинтересовался Милютин.

— Есть несколько источников, — сказал Саша. — Во-первых, и в гимназиях, и в университетах могут быть коммерческие места, за счет которых и можно оплачивать обучение талантливым. Во-вторых, благотворительные фонды. Скажем, мечтает какая-то дама, чтобы было побольше женщин-врачей и основывает фонд, скажем «Женское образование». Туда жертвуют деньги другие дамы, а может, и не только дамы, деньги фонда пускают в оборот, а на проценты выдают стипендии студенткам.

— Студенткам? — переспросил Зиновьев.

— Да, а что? — удивился Саша.

— Александр Александрович, вы собираетесь принимать в университеты женщин? — спросила Елена Павловна.

— Я собираюсь принимать в университеты всех: независимо от пола, национальности, вероисповедания, происхождения и прочей хрени.

Зиновьев был настолько в шоке, что даже не отреагировал на слово «хрень».

— Вообще все искусственные препоны на пути получения образования должны быть устранены, — сказал Саша. — Кого у нас, кроме женщин, не принимают?

— Евреев ограниченно, — сказала Кавелин. — И старообрядцев — совсем.

— Какой идиотизм! — воскликнул Саша. — Нет! Они еще спрашивают, откуда взять деньги! Да они к нам рекой потекут. Кроме политической воли вообще ничего не нужно.

— Университет не выдержит, — заметил Кавелин. — Там мест не столько.

— Построим новый корпус, — сказал Саша.

— Десять новых корпусов, — усмехнулся Милютин.

— Отлично, Николай Алексеевич, что бы я без вас делал! Конечно десять корпусов. Оксфордский университет — это целый город со множеством кампусов и колледжей.

Московский Университет на Воробьевы горы придется частично переносить, он у Кремля не уместится.

— Почему на Воробьевы горы? — спросил Кавелин.

— Ну, место хорошее, красивое, есть, где развернуться.

— Герцен оценит, — заметил Константин Дмитриевич. — У него какие-то романтические воспоминания есть о Воробьевых горах.

— Ну, недаром же он в нашем левом блоке.

И Саша посмотрел на пустой стул рядом со своим.

— А из каких денег вы собираетесь начальное образование финансировать? — спросил зануда Милютин. — Для всех! Ваше Высочество, вы здесь не то, что не залезете в бюджет, у вас от казны вообще ничего не останется.

— Согласен с вами, Николай Алексеевич, это самая дорогая часть проекта. Тем, у кого вообще нет никакого образования, трудно объяснить его ценность. Наверное, и правда без казны не обойтись. Но начать можно и с помощью гражданского общества. Вообще, там, где может справиться гражданское общество, государство лучше не привлекать. Можно выдохнуть и сказать спасибо. Только не давить! Не выпалывать все его ростки, где только можно: мало ли что там выросло. Без нас! А мы не контролируем и не совсем понимаем, что это: чертополох или розы. Не трогать! Удобрять, укрывать от мороза и из леечки поливать.

— Государство все испортит? — усмехнулся Милютин. — Почему государство не привлекать?

— Потому что у государства нет других денег, кроме средств налогоплательщиков. Для масштабных проектов понадобится повышение налогов, а повышение налогов затормозит развитие экономики. Так что этот путь только в случае крайней необходимости. Тем более, что, как я понимаю, освобождение крестьян — это весьма затратный проект.

— Да, — кивнул Милютин. — Бывшим владельцам надо выплатить выкупные платежи, и это должно взять на себя государство.

— Угу! И проект окупится только тогда, когда сможет резко бросить экономику вверх. А это случится, если интересы крестьянства будут учтены, иначе мы получим вместо крепко стоящих на ногах миллионов мелких сельскохозяйственных предпринимателей — миллионы нищих.

— Для этого не обязательно у них спрашивать, можно собрать статистику.

— Угу! Есть ложь, есть наглая ложь и есть статистика. Дядя Костя недавно делился впечатлениями о статистических данных, которые им с папá присылают.

— Ваше Высочество, я с вашего позволения вам пришлю исследование цен на Нижегородской ярмарке, подготовленное в нашем ведомстве, — сказал Милютин. — Чтобы вы изменили свое мнение о статистике. Вы насколько расположены читать такие вещи?

— Я очень расположен их читать. Давно у Константина Николаевича выпрашиваю, но он мне присылает в основном аналитику, хотя и не без статистических данных. Я теперь хоть знаю, сколько стоит траву скосить.

— Александр Александрович, — вмешался Зиновьев. — А вам не кажется, что распространение образования, особенно среди низших классов, само по себе ведет к росту революционных настроений? Это еще хуже, чем промышленность.

— Смотря чему учить и как относиться к образованному классу. Если образованным людям у нас будет хорошо и свободно, если они будут уважаемы, и никто не будет ущемлять их права, то ни в какую революцию они не пойдут. Зачем? Что они там потеряли? Нужно

быть очень злым, чтобы ради неких идей накатргу идти. Да, с образованными людьми придется считаться: холить, лелеять, давать финансирование, чины, ордена и дворянство, отпускать в Ниццу и не мешать читать «Колокол». Но окупится десятикратно.

— Александр Александрович, вы ошибаетесь, — сказал Зиновьев. — Так называемый образованный класс — это не дворянство. Ни традиций, ни воспитания, ни представлений о чести. Развалят они Россию.

— Я не ошибаюсь, Николай Васильевич, — возразил Саша. — Я знаю. Недостаток образования для ведения войн, это еще хуже, чем ограничения промышленности. Это еще Крымская показала с нашим парусным флотом, который ни на что лучшее не сгодился, кроме как быть затопленным у входа в Севастопольскую гавань. Потому что в обществе не было достаточно образованных людей, чтобы понять, что время его прошло. Война будущего — это не война гусар, которые красиво скачут с шашкой наголо и отлично фехтуют, это война машин: кораблей, ружей и пушек. Даже Бородинское сражение было битвой артиллеристов. Войн следует избегать, но быть готовыми. Кстати, дипломатия — тоже занятие не для узколобых. Ну, и социальные лифты должны работать без перебоев и ни на каких этажах не останавливаться.

— Социальные лифты? — переспросил Милютин.

— Возможность подняться наверх из самых нижних слоев общества. Для этого система образования должна быть унифицирована, и разные ее части стыковаться друг с другом. Чтобы поступить в университет можно было и после гимназии, и классической, и реальной, и после, например, коммерческого училища. А в гимназию после церковно-приходской школы. Чтобы нигде не было тупиков.

— Саша, ты собираешься крестьян в университеты принимать? — спросила Елена Павловна.

— Конечно, если они талантливы.

— Я сейчас выстраиваю систему музыкального образования, — сказала Мадам Мишель. — На тех же принципах. Думаю, весной откроем Императорское музыкальное общество и музыкальные классы. Прямо здесь, во дворце. А брать будем всех, без различия сословий.

— А Императорское математическое общество у нас есть? — спросил Саша.

— Нет, — сказала Елена Павловна.

— Музыка — это прекрасно, — сказал Саша, — но математика нужнее. Будущее за математикой, физикой и инженерным делом. А талант к математике — это тоже талант, не меньше, чем к музыке. Так что хорошо бы нам устроить сеть физмат школ, то есть физико-математических. Интересно, у Константина Николаевича, в Константиновском дворце, есть свободные комнаты?

— У меня есть, — сказала мадам Мишель.

— У Елены Павловны здесь еще курсы сестер милосердия, — заметил Никса.

— Прямо во дворце? — спросил Саша.

— Да, — улыбнулась мадам Мишель.

— Ну, не могу же я вас на чердак выселить! — сказал Саша.

— Да, какой чердак! Можно освободить правый флигель.

— Правда? Тогда назовем, например, «Первый Санкт-Петербургский физико-математический лицей имени Магницкого». Надо будет придумать задания позаковыристей и пройтись с ними по гимназиям и всяким там кадетским корпусам. Для начала. Потом

спустимся ниже. Но надо же, с чего-то начинать.

— Я даже знаю, кого я попрошу помочь с заданиями, — сказала Елена Павловна.

Саша посмотрел вопросительно.

— Академика Остроградского, — сказала Мадам Мишель.

— Теорема Гаусса-Остроградского это его? — спросил Саша.

Почему-то никто не ответил.

— Ну, как! — удивился Саша. — Интеграл напряженности по замкнутой поверхности равен заряду внутри поверхности, деленному на эpsilon нулевое. Я ее правильно помню?

Последовала немая сцена.

Первым пришел в себя Зиновьев.

— Александр Александрович, откуда?

— Читал где-то, — улыбнулся Саша. — Все-таки меня всегда удивляло, почему гуманитарная эрудиция ценится в обществе, а математическая — нет. Почему в светской беседе считается правильным обсуждать произведения, скажем, господина Тургенева, а не академика Остроградского?

— Никто не сможет поддержать беседу, — сказала Елена Павловна.

И слегка обняла Сашу за плечи.

И тут у Зиновьева зазвонил брегет. Он вытянул его из кармана за цепочку, откинул золотую крышку и посмотрел на циферблат.

— Половина одиннадцатого, — провозгласил он. — Нам пора домой.

— Ну, и что? — спросил Саша. — Время детское.

— Еще полчаса! — взмолился Никса.

— Я и половины концепции государства всеобщего благосостояния не успел изложить! — возмутился Саша. — Защита собственности — первое основание, поддержка промышленности — второе, всеобщее образование — третье, социальные лифты — четвертое, развитое гражданское общество — пятое, а нужно еще медицинское страхование, пенсионное страхование, страхование от несчастных случаев и страхование по безработице.

— Это уже откровенный социализм, — поморщился Кавелин.

— Ничего подобного, Константин Дмитриевич! — сказал Саша. — Социализм — это общественная собственность на средства производства. Никогда, даже в страшном сне я не буду защищать этот неэффективный экономический инструмент. Все, что я изложил, — это черты социального государства. А социалист — это тот, кто сельскую общину защищает.

— Александр Александрович! — перебил Зиновьев. — Нам пора идти.

— Когда у меня будут дети, я не буду запрещать им слушать интеллектуальные разговоры хоть до утра, потому что это гораздо полезнее сна, — заметил Саша.

— Вы в основном говорите, а не слушаете, — сказал гувернер.

— Говорить тоже полезно, — возразил Саша, — чтобы учиться формулировать свои мысли, совершенствовать ораторское искусство и развивать уверенность в себе.

— Вам ее надо развивать? — поинтересовался Зиновьев. — Куда уж!

— Николай Васильевич, великие князья могут переночевать здесь, во дворце, — предложила Елена Павловна.

Саша посмотрел на нее с благодарностью.

— Это очень любезно с вашей стороны, Ваше Императорское Высочество, — сказал Зиновьев. — Но у меня есть определенные обязанности, я не могу покидать моих воспитанников.

— Вы можете остаться с ними, — предложила Елена Павловна.

— Мне кажется, что было бы неудобно так обременять вас, — возразил Зиновьев. —

Покорнейше прошу прощения, но для нас и так уже слишком поздно.

— Покорнейше прошу прощения, но есть такое замечательное русское слово «самодур», — заметил Саша.

Никса прыснул со смеху.

Зиновьев гневно посмотрел на Сашу, потом на Никсу и начал подниматься с места.

Брат встал вслед за ним.

— Елена Павловна, мы в высшей степени благодарны вам за приглашение, — вздохнул Никса, — но...

Он развел руками.

И позвал брата.

— Саша!

Саша и не думал вставать.

— Не стоит того, — сказал Никса.

— Если мне портят вечер, я хотя бы должен понимать за что, почему, и в чем великая цель, — заметил Саша.

— Государю вряд ли понравится, если мы останемся здесь на ночь, — объяснил Зиновьев.

— Ладно, — сказал Саша, — я переживу. А гитара в чем провинилась? Она дама нежная, к путешествиям не приученная, ехала в душном вагоне в смраде от паровоза. Тряслась в дороге, рискуя испортить настройку струн. Без чехла! И главное, зачем? Хотя бы одну песню!

— Новая? — спросил Никса.

— Ага! — кивнул Саша.

— Николай Васильевич, вы позволите? — спросила Елена Павловна.

— Хорошо, — смирился Зиновьев. — Но только одну. И только ради вас, Ваше Высочество.

Саша чуть отодвинулся от стола, поставил гитару на колено, немного поправил настройку.

«Прощальная 3» была одной из его любимых песен Щербакова.

И он начал петь:

— В конце концов — всему свой час.

Когда-нибудь, пусть не теперь,

Но через тридцать-сорок зим,

Настанет время и для нас —

Когда на трон воссядет зверь,

И смерть воссядет рядом с ним,

И он начнёт творить разбой,

И станет воздух голубым

От нашей крови голубой...

Но наша кровь, кипя в ручьях,

Придёт в моря теченьем рек

*И отразится в небесах,
Пусть не теперь, но через век.*

*Всему свой срок. Бессмертья нет.
И этот серый небосвод
Когда-нибудь изменит цвет
На голубой, и час придёт.*

*И попроситься в этот час,
Когда б ни пробил он, поверь,
Не будет времени у нас,
Мы прощаемся теперь...*

Последовали аплодисменты, даже не очень жидкие.

— Саша, можешь еще раз? — попросила Елена Павловна.

Зиновьев возражать не стал, может и его зацепило?

И Саша спел на бис.

Кажется, зацепило Никсу, судя по восхищенному выражению светло-голубых глаз.

«Песня написана в 1988-м, — думал Саша. — Ну, откуда он знал!»

Саша встал. Удостоился объятий Елены Павловны, и они с братом под конвоем Зиновьева направились к дверям. Мадам Мишель вышла их провожать.

Уже прохладно, в чистом небе — тонкий серп луны, неровно горит газ в фонаре у входа, и этот девятнадцатый век, Михайловский дворец и милое вольнодумное общество Елены Павловны кажется тихой гаванью по сравнению с ужасами, цинизмом и преступлениями 21-го века.

— Саша, в следующий четверг у меня будет Евграф Петрович Ковалевский, — пообещала Елена Павловна. — Возможно, тебе будет интересно.

— Министр образования, — подсказал Никса.

— Еще бы! — сказал Саша.

— Он еще начальник цензурного ведомства, — заметил Зиновьев.

— Да? — усмехнулся Саша. — Значит, не будем говорить об отмене цензуры, он же сам себя не отменит, для него будет другой проект. Как раз за неделю набросаю.

— Физико-математические школы? — спросила Елена Павловна.

— Физмат — это само собой, — сказал Саша. — Но система образования не может висеть в воздухе, ей нужно прочное основание.

— Всеобщее начальное образование, я помню, — улыбнулась Елена Павловна.

— Это конечно, — кивнул Саша. — Но и это не первое. России нужна программа ликвидации безграмотности. В том числе для взрослых.

— Бедная казна, — вздохнул Зиновьев.

— Причем здесь бюджет? — спросил Саша. — Волонтеров можно привлечь, благотворителей, некоммерческие организации, добровольные общества. Все равно надо сначала протестировать, как пойдет.

— Если Александр Александрович будет излагать еще один проект, мы отсюда до рассвета не уедем, — сказал Зиновьев.

— В общем, буду рад пообщаться с министром, — сказал Саша. — Но, похоже, учредить физмат школы мне будет легче, чем ликвидировать неграмотность.

— Конечно, — сказала Мадам Мишель. — Одну школу организовать легче, чем обучить полстраны.

— Кстати, Елена Павловна, а у вас промышленники бывают на ваших вечерах? — спросил Саша.

— Пока нет. Тебе нужен кто-то конкретный?

— Мне нужны. Первое: какой-нибудь производитель часов. Фабрикант, заводчик, подойдет даже хозяин мастерской. В России вообще часы делают?

— У Бреге есть представительство в Петербурге, — вспомнил Зиновьев.

— Торговое представительство? — спросил Саша. — Мне нужно производство. Хотя бы отверточное.

— Отверточное? — переспросила Мадам Мишель.

— Это, когда что-то собирают из привозных деталей.

— Узнаю, — сказала Елена Павловна.

— Не пожалеет, — обнадежил Саша.

— Второе, — продолжил он, — мне нужен фабрикант или промышленник, который производит брички, омнибусы, возки, ландо, в общем, что-то едущее. На худой конец каретный мастер. Я хочу сделать необычный заказ.

— Братья Фребелиусы, — сказала Елена Павловна. — Они делали кареты для коронации Саши, твоего папá.

— Отлично! Можно мне с ними поговорить?

— Что-нибудь придумаю, — пообещала Мадам Мишель.

Зиновьев посмотрел осуждающе, но промолчал.

— И наконец мне нужен музыкальный мастер или фабрикант.

— Ты хочешь еще одну гитару? — спросила Елена Павловна.

— Нет, мне нужен производитель пианино.

— Дедерихс, Шредер, Беккер, — не задумываясь, выдала она.

— Одни немцы, — заметил Саша.

— Для тебя это важно? — спросила Мадам Мишель. — Кто говорил: «Несть ни эллина ни иудея»?

— Для меня это неважно, — сказал Саша. — Но обидно. Кто лучший?

— У Беккера, пожалуй, самый красивый звук, — сказала Елена Павловна. — Но самый красивый декор у Дидерихса.

— Для меня важен не звук и не отделка, а механика, — возразил Саша. — У кого самый совершенный механизм?

— Спрошу, — пообещала Елена Павловна. — Ты хочешь встретиться со всеми одновременно?

— Желательно по отдельности. Хотя бы час на каждого.

И Саша вспомнил, что так и не успел поговорить с папá о том, о чем собирался еще утром. Даже написать не успел!

— Кстати о Бреге... — сказал Зиновьев.

Достал часы и покачал головой.

— Одиннадцать.

Елена Павловна вздохнула и поочередно обняла любимых внучатых племянников.

Домой ехали в ландо Мадам Мишель, ибо поезда до Петергофа уже не ходили.

Никса сел напротив, рядом с гувернером, и в этом был какой-то тайный смысл. Саша по ходу движения, они — против. Брат так ездить не любил. Чего бы не сесть рядом?

К тому же молчал до самого выезда из города.

— Ты хочешь мне что-то сказать? — не выдержал Саша.

— Да, нам надо серьезно поговорить.

— Прямо здесь будем говорить? — спросил Саша.

— Да, — сказал Никса. — Прямо сейчас.

— Что не так?

— Саш, зачем я тебе нужен?

— Интересная постановка вопроса! То, что ты мой брат, и всякую там херню, вроде родственных чувств, дружбы и морального долга мы за скобками оставляем? Не нуждаемся в лишних гипотезах?

— Александр Александрович, выбирайте выражения! — осадил Зиновьев.

Саша поднял левую руку ладонью вверх, ребром на гувернера.

— Николай Васильевич, боюсь, разговор настолько важен, что лексика уже не важна.

— Пока не нуждаемся в гипотезах, — невозмутимо ответил Никса. — Объясни логически.

— И это после всего? После того, как я вытряс из Мадам Мишель деньги на лабораторию Склифосовского?

— Она дала? — спросил Никса.

— Пообещала. Но думаю, что даст.

— Не удивительно, — заметил брат. — У нее дочь умерла от чахотки.

— Причем здесь чахотка? — тихо спросил Зиновьев.

— Николай Васильевич, ей-богу, не до вас! — оборвал Саша. — Дайте нам с братом спокойно трон поделить. Судьба страны решается.

— Любишь ты все обратить в шутку, — усмехнулся Никса.

— Какие уж шутки! Ты меня прямо обвиняешь в предательстве!

— Я просил логически, а не эмоционально, — сказал брат.

— Затмеваю, да? — предположил Саша. — Ок. Могу уйти в тень, прикинуться ветошью и не отсвечивать, молча стоять за твоим плечом, уехать в Италию и больше не возвращаться. Но будет ли это лучше для всех или только для твоего душевного спокойствия?

— Да ты застрелишься! — хмыкнул Никса.

— Какая разница! Ты можешь, конечно, на мне оттоптаться! Втоптать в грязь, заткнуть рот. Ты — цесаревич. Папá тебя послушает. Боюсь, что с удовольствием. Я и его раздражаю. Только ты от этого не вырастешь, останешься там, где ты сейчас. И я не один такой. Со всеми будешь поступать по рецепту Фразибула?

— Это который сбивал колосья?

— Который ходил по полю с тростью и сбивал колосья, выросшие выше других.

— Я тебе задал вопрос, а ты все время уходишь, — сказал брат.

— Про то, что у тебя лучше с харизмой, я тебе в первый день сказал.

— Саш, харизма — это не внешность.

— Ты во многом лучше меня.

— Это лесть, — сказал Никса. — Выносим за скобки.

— Да не лесть это, а констатация факта! Вот, Николай Васильевич, вы бы кого из нас предпочли в качестве государя?

— Николая Александровича, — не задумываясь, сказал Зиновьев.

— Угу! — хмыкнул Саша. — Видишь, Никса, у тебя сразу сторонники.

— Николай Васильевич, а почему? — спросил брат.

— Так по закону, — ответил Зиновьев.

— Николай Александрович почему-то решил, что меня зовут Ромул, а не Александр, — сказал Саша. — Так что закон за скобки!

— Мне бы не хотелось жить на вулкане, Александр Александрович, — объяснил Зиновьев.

— Вот, что бывает, если народу дать слово, — сказал Саша. — Никакой благодарности! Сразу на другую сторону!

— Давай немного издалека, — предложил Никса. — Ты же с самого начала все знал, да? Я имею в виду историю с микроскопом. Единственной целью было показать мне клетки Пирогова?

— Не совсем. Я просто связал два факта: твои язвы и...

— Я понял, — прервал Никса.

— А про клетки Пирогова я впервые услышал от Склифосовского, — закончил Саша.

— Ты говоришь, что я обвиняю тебя в предательстве, — сказал Никса. — Это не так. Ты зачем-то хочешь меня спасти. Похоже, вполне искренне. Зачем? Тебе достаточно просто ничего не делать, и никто больше не будет препятствием для твоих планов.

— Ты и так не будешь препятствием.

— Почему?

— Потому что ты достаточно умен, чтобы прислушиваться к моим советам.

Никса усмехнулся.

— Ну, хорошо. Препятствием не буду. Но нужен-то зачем?

— Если цесаревичем стану я, это сразу на порядок сузит пространство моей свободы, — сказал Саша. — Я сейчас могу выказывать какие-то крайние взгляды и занимать самую левую нишу легального политического спектра. Ну, да головомойка от папá обеспечена. Но вряд ли он пойдет дальше слов. Ну, Сашке же не править! Ну, и черт с ним — пусть треплется. А если править? Боюсь, я так легко не отделаюсь. И дело даже не в папá. Народ тоже не след шокировать. Кому же захочется жить на вулкане?

— То есть ты мною прикрываешься?

— Не очень красиво звучит, но что ж поделаешь, если эмоциональных объяснений ты не принимаешь?

— Это работает, пока жив папá, потом тебе не понадобится прикрытие.

— Зато тебе понадобится помощь. Особенно, если мы не найдем лекарства. Сколько у нас сейчас население?

— Семьдесят четыре миллиона.

— Супер! Ты помнишь такое вещи! А будет больше. Ты представляешь себе ответственность за 80 миллионов человек? Особенно, если ты не совсем здоров.

— Зачем же ты так упорно хочешь найти лекарство? Я перестану в тебе нуждаться.

— Тебе не понять. Есть в Библии. Почитай, может, вычитаешь.

— Странно, что ты веришь во что-то, кроме разума.

— Представь себе! Тебе надо самому расти понимаешь, не меня пытаться заткнуть, а расти самому.

— Саша, у меня будет к тебе одна просьба, точнее предложение... — сказал Никса.

— От которого я не смогу отказаться?

— Отказаться сможешь. Пока. Но тогда ты больше не брат мне.

— Да все, что ты хочешь!

Никса кивнул.

— Я услышал, — сказал он.

Отвернулся к ночному лесу, несущемуся назад вдоль дороги. И поднял глаза к звездам над ним.

— Саш, а кто тот зверь, о котором ты пел? — спросил он. — Ты или я?

— Это просьба?

— Конечно, нет. Просьба не сейчас.

— Я рад, что ты собираешься жить долго, но не ты и не я. Ты не захочешь, а я тут же, от греха, дам билль о правах, и мне не позволят.

— Ты это серьезно относительно американской свободы слова? — спросил Никса.

— Абсолютно. Если к власти приходит человек с собственной легитимностью, он может легко подмять под себя парламент. Поэтому парламент вообще не должен иметь право ограничивать гражданские свободы. Чтобы Зверь, который воссядет на трон, не смог уничтожить гражданское общество.

— Значит, гражданское общество тебе тоже затем, чтобы ограничивать власть монарха? — спросил Никса.

— Чтобы ограничивать власть потенциальных тиранов.

— Что такое собственная легитимность?

— Авторитет, независящий от закона и обычая. Например, человек войну выиграл, экономику поднял, умеет хорошо говорить зажигательные речи.

— Понятно, — сказал Никса. — Твой случай.

— Да какая у меня собственная легитимность!

— Саша, не лицемерь! Все ты прекрасно понимаешь.

— Я не лицемерю. Они в восторге вовсе не от того, что я говорю, а от того, сколько мне лет. Если я через пять лет буду говорить тоже самое — это уже никого не впечатлит.

— Представил. Все равно смело.

— Для того, чтобы что-то смелое сказать, много ума не надо. Ничего, кроме смелости.

— А для теоремы Гаусса?

— Теорема Гаусса — это вообще элементарная вещь.

— Интеграл по поверхности?

— Тебя учили высшей математике?

— Нет, пока.

— А что ты тогда вообще комплексуешь? С первого раза запомнил!

— Но не понял, что это.

— Очень просто. Проще только производная. Что такое производная знаешь?

— Слышал где-то.

— Это скорость изменения функции.

— Гм... — сказал Никса.

— Тогда начнем с предела последовательности. Николай Васильевич, у вас листочек есть?

— Листочек есть, — сказал Зиновьев. — Только что вы сейчас увидите?

— Факт, — согласился Саша.

И посмотрел на совершенно черный лес и чуть более светлое небо над верхушками деревьев.

— Ничего не увидим. Но предел последовательности — это настолько просто, что можно и без листочка.

К Петергофу Саша добрался до теоремы о двух милиционерах, которая у него на ходу превратилась в теорему о двух полицейских.

— Вот, Никса, есть три последовательности. И каждый член второй последовательности больше соответствующего члена первой и меньше третьей. Как двое полицейских на узкой улице, которые ловят преступника.

— Поймают?

— Если преступник между ними, то обязательно поймают. То есть, если две крайних последовательности сходятся к одному и тому же числу, то и средняя сходится к тому же числу.

Да! 179-ю школу не пропъешь. Даже, если потом всю жизнь занимался юриспруденцией.

— Понял? — спросил Саша.

— Да, — кивнул брат.

— С осени у нас уроки?

— С середины сентября.

— Расскажешь это преподу, он упадет.

— Преподу?

— Преподавателю. Кто у нас будет по математике?

— Сухонин, полагаю. Сергей Петрович. Вряд ли что-то изменится.

— Он обречен, — сказал Саша.

Никса и правда был неплох. Саша подумал, а не применить ли к брату метод Константинова, по которому их учили в 179-й. И с тоской вспомнил листочек под названием «Предел». С эпиграфом: «Но ближе к милому пределу Мне все б хотелось почивать...» и задачи, вроде «Доказать теорему Коши».

Потянет интересно?

— А доказывать сам будешь, — сказал Саша. — Что я тебе нанялся репетитором работать!

— Попробую, — сказал Никса.

Ландо въехало в парк Александрия и свернуло к Фермерскому дворцу.

— Николай Александрович, Александр Александрович, я буду вынужден доложить государю о вашем разговоре, — предупредил Зиновьев.

— Николай Васильевич! Если бы я хотел, чтобы это ни в коем случае не дошло до папá, я бы нашел способ поговорить с Сашей наедине, — заметил Никса.

* * *

Борис Николаевич Чичерин вернулся домой до рассвета.

Зажег свечи. Тени от подсвечника, чернильницы и перьев заколебались на столе.

Достал журнал в светлом кожаном переплете. Проставил дату.

«Посетил очередной четверг у Ее Императорского Высочества, — записал он. — Младший Великий князь поражает. — Когда вы с ним разговариваете,

полное впечатление, что он ваш ровесник. Отличная ясная речь, яркие, четкие формулировки. Неплохая начитанность. Я студентов таких мало видел, не то, что гимназистов.

В то же время крайний радикализм некоторых суждений обличает в нем отрока. Чего только стоит абсурдное требование избирательных прав для женщин!

Здесь же важно не только право, но и способность! Никто ведь не выступает за то, чтобы дать избирательные права детям!

Ратовать за участие женщин в политике — это совершенно не понимать предназначения их пола. Что, впрочем, простительно для подростка его возраста.

То же о праве женщин на обучение в университетах. Полный абсурд! Вроде полетов на Луну.

В Цюрихе и Берне это есть, но только вольнослушательницами. И не на все факультеты! Медицинский я еще могу принять, но Великий князь не говорил об ограничениях. Он что их на физико-математический факультет собирает принимать? Кто же их учить согласится!

Вместе с тем, Великий князь Александр Александрович напомнил мне другого сторонника женского равноправия: Джона Милля, который в шесть лет написал свои первые работы по истории, до десяти прочитал основные диалоги Платона, а в двенадцать начал изучение высшей математики.

Но до этого лета Великий князь не проявлял выдающихся способностей и считался, куда менее талантливый, чем его старший брат.

Тем более удивительна, совершившаяся с ним перемена

Как же жаль, что не он...»

* * *

После возвращения от Елены Павловны Зиновьев места себе не находил.

Около полуночи он сел за письмо:

«ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ ГОСУДАРЬ!

Я уже писал ВАМ, что Великий князь Александр Александрович очень изменился после болезни.

Большая часть этих изменений меня радует. Он стал гораздо самостоятельнее, ответственнее и взрослее: слег в постель в июле довольно ленивый, не очень воспитанный и своенравный ребенок, любящий попроказничать. Встал, очнувшись от беспамятства юноша, не по годам умный, трудолюбивый и с твердым характером.

Шалить он перестал. Не думаю, что он чего-то боится, поскольку не боится совсем ничего, просто ему не интересно. Если, конечно, не относить к шалостям рассуждения о российском парламентаризме.

Но об этом ниже.

Он гораздо лучше стал себя вести и за столом, и с наставниками, и в обществе.

Этикет для него больше не досадные рамки, которые он ни в грош не ставит, а идеал, к которому он стремится. Для него это не всегда просто, но видно, что он

старается. Если чего-то не помнит — спрашивает.

В его речи стало меньше грубых слов и откровенно солдатских выражений, мне и Гогелю иногда еще приходится его одергивать, но по сравнению с тем, что было, это небо и земля.

Он очень много читает, причем с невообразимой скоростью: книга за 1–2 дня. И несколько книг одновременно.

До болезни мы мечтали приохотить его к чтению хотя бы развлекательной литературы, теперь его не оторвешь от серьезной. Легкое чтение он позволяет себе только на французском языке.

Честно говоря, я думал, что Беранже ему рановато, да и чтение очень легкомысленное, но он доказал свою правоту, значительно улучшив свои знания меньше, чем за месяц. Моей заслуги в этом нет никакой, кроме нескольких разговоров для практики, о которых он сам меня попросил.

Он научился прекрасно выражать свои мысли и готов без подготовки обсуждать весьма сложные темы.

Но меня огорчает тот якобинский бред, которым замусорен его мозг и которого он неизвестно, где набрался.

Возможно, наша с Гогелем вина, что мы не пресекли это сразу, понадеявшись, что в его возрасте сие не особенно опасно, надо просто подождать, когда повзрослеет, и само пройдет.

Но нас беспокоят два обстоятельства.

Первое. Радикальная часть общества уже увидела в нем своего будущего вождя, слушает его чуть не с восторгом, забывая о его юности, и почитает за будущего Петра Великого.

Второе. Его соперничество с Николаем Александровичем, которого очень расстраивает превосходство брата.

Возможно, цесаревичу это пойдет на пользу, потому что, когда он не видел вокруг себя достойных соперников, ничто не заставляло его трудиться более, чем только для того, чтобы не заслужить упреков учителей. Однако, на мой взгляд, и Александру Александровичу стоит вести себя скромнее.

Так что я считаю, что нам пора принимать меры.

Я вижу здесь два пути.

Первый и довольно простой. Занять его немецким. Тем более, что он сам просил, жалуясь на то, что совсем его не помнит.

У него будет меньше времени на чтение литературы, которая еще слишком сложна для его возраста.

Второй, более хлопотный.

Ему надо найти учителя права, в том числе государственного, достаточно авторитетного и правильных убеждений. Не думаю, что ему рано. Не было бы слишком поздно. Николая Александровича начали учить этому предмету в 14, и профессор Кавелин был им доволен, хотя сейчас Август Гримм и утверждает, что преподавание права вредно в столь юном возрасте. И Николай Александрович им самостоятельно не интересовался, а Александр Александрович интересуется и, боюсь, если сейчас за это не взяться, выстроит свою систему взглядов в духе основателей Североамериканских штатов.

Поиск преподавателя для Александра Александровича, боюсь, может оказаться непростым делом, поскольку Великий князь без всякого стеснения позволяет себе спорить с университетскими преподавателями, и только звание академика для него, кажется, что-то значит.

На вечере у Ее Императорского Высочества ВАШЕЙ августейшей тети Елены Павловны Александр Александрович с восторгом процитировал некую теорему академика Остроградского. К сожалению, никто из присутствовавших не смог оценить это по достоинству из-за недостаточного уровня математических знаний. Но на обратном пути Великий князь взялся учить цесаревича высшей математике и излагал все настолько просто и ясно, что невозможно было принять это за мальчишескую фантазию.

Это особенно удивительно, что среди множества прочитанных им с июля книг мы не видели ни одной ни по математике, ни по физике.

В разговоре Великого князя с цесаревичем меня насторожила еще одна деталь. Речь шла о некой лаборатории Склифосовского, на которую Елена Павловна обещала дать денег. И обещала дать, по словам Николая Александровича, потому, что у нее дочь умерла от чахотки.

После чего Великий князь Александр Александрович сказал брату буквально следующее: „Если мы не найдем лекарство, тебе будет трудно править, и тебе понадобится помощь“.

Николая Александровича это нисколько не удивило. То есть они оба считают, что цесаревич чем-то болен. Видимо, чахоткой. Это тем более странно, что он ни разу не кашлянул.

Склифосовский — это тот самый студент, который учил Александра Александровича пользоваться микроскопом.

Если кто и поставил диагноз — то только он. Не имея на это никакого права!

Я допустил его к Александру Александровичу, положившись на рекомендацию ВАШЕЙ августейшей тети. Видимо, это было ошибкой.

Мои уточняющие вопросы Великие князья просто проигнорировали. Но ВАМ, ГОСУДАРЬ, они ответят.

Ваш верноподданный, Николай Зиновьев».

Посыпал песком, отложил и решил, что отправит утром.

Утром Саша сел за письмо, которое собирался написать еще накануне:

«Любезный папá!

В посвященном мне фельетоне Герцена меня насторожила одна деталь, на которую я сначала не обратил должного внимания. Он упоминает эпизод с запуском небесного фонарика, и при этом ссылается на лондонскую „Таймс“.

Англичане — люди оборотистые, предприимчивые и понимающие свою выгоду. С другой стороны, изобретение настолько простое, что воспроизвести его ничего не стоит. Если они сейчас поставят производство на поток, я даже в суд на них подать не смогу, не имея никаких подтверждающих мое авторство документов.

Мне ужасно совестно просить вас о всякой ерунде, отнимая время от дел более важных, но нельзя ли ускорить поучение нами привилегии?

К тому же, у нас с моим бизнес-партнером Ильей Андреевичем Шварцем намечается некоторая прибыль. Поэтому я подумал: „А как нам правильно налоги заплатить?“ Чтобы хотя бы в этом не было ко мне претензий.

Я бы мог, конечно, разобраться сам, „Свод законов Российской Империи“ у нас есть. Однако налоговое законодательство — это обычно такое запутанное хитросплетение различных норм, что, боюсь, мне понадобится консультант.

Ваш сын и верноподданный, Саша».

Не успел он закончить, как лакей принес письмо от Елены Павловны.

«Милый Саша, — писала Мадам Мишель, — художник Крамской неожиданно изменил свое решение и написал мне письмо с извинениями. Он готов у тебя работать, причем бесплатно: во искупление вины.

Когда ты готов с ним встретиться?

Склифосовский прислал мне расчет для своей лаборатории. Он попросил всего трех помощников, дополнительную комнату и совсем немного на оборудование. Это недорого. Расчет прилагаю».

Все складывалось как нельзя лучше. Решение Крамского его даже не особенно удивило. Ну, читает человек «Колокол».

Лаборатория обещала кушать меньше стольника в месяц, что было и правда недорого, но без Елены Павловны он бы не потянул и этого.

Первой задачей Саша видел поиск клеток Пирогова у других золотушных. Потом выращивание культуры бактерий и доказательства их болезнетворности. Он смутно помнил эксперимент с морскими свинками. Им подстилку пропитывали мокротой туберкулезных больных, и они заражались и умирали.

Саша изложил это в письме к Склифосовскому. Спросил не нужны ли дополнительные деньги на лабораторных животных и посоветовал пользоваться масками из марли, хотя совершенно не понимал, насколько они могут спасти в данном случае.

До поиска лекарства было еще ох, как далеко!

Весь день он провел с Никсой и, вроде, брат несколько успокоился.

Играли в «воланы», в которых Саша опознал несовершенный бадминтон. Сетки нет, игрового поля нет, а основная задача как можно дольше продержат волан в воздухе. В советское время в основном так и играли.

— А если рукоятку сделать подлиннее, воланчик полетит дальше и точнее, — заметил он.

— Ну, ты без этого не можешь! — усмехнулся брат.

Слова «бадминтон» Никса не знал.

Вечером пили чай в Сосновом доме. Саша отчитался по Склифосовскому, а Никса порадовал его доказательством теоремы о двух полицейских. Даже довольно корректным. Простенькая, конечно, теорема, но он ведь сразу понял!

Саша искренне восхитился и загрузил брата пределом функции.

— Кто-то обещал меня японскому фехтованию поучить, — сказал Никса.

— Кто-то обещал мне выточить боккен, — заметил Саша.

— Токарный станок в Зимнем. Впрочем, я попрошу нашего учителя по столярному делу Висксберга. Помнишь его?

— Нет.

— Ничего, осенью познакомишься.

Потепление с Никсой прямо радовало. Но на будущее Саша пообещал себе прикусывать язык и не особенно упиваться восторгами публики, когда брату перепадает меньшая часть.

* * *

— Что за черная кошка между вами пробежала? — спросил папá.

— Мы уже помирились, — сказал Никса.

Когда Николай Васильевич доложил, что его хочет видеть папá, Никса несколько не сомневался в теме будущего разговора. Да, конечно, надо было вести себя сдержаннее и не ругаться с Сашкой при Зиновьеве. Сорвался.

И Сашка не остался в долгу.

Они с отцом сидели на все том же синем диване в синем кабинете. И был закат.

Папá курил сигару, и Никса с удовольствием вдыхал дым.

Три дня уже продержался без сигарет. Вроде и курил от случая к случаю, а тянуло ужасно.

— А почему поссорились? — поинтересовался папá.

— Я ему позавидовал, — пожал плечами Никса. — Он был центром вечера у Елень Павловны.

— Сашу тоже есть в чем упрекнуть.

— Он понял. Все в порядке.

— Извинился?

— Нет, но мы и так друг друга понимаем. Накануне упрекал меня в том, что я собираюсь править методом милетского тирана Фрасибула и преследовать самых талантливых. Утром уже не упоминал об этом.

— Понятно, он значит самый талантливый.

— Он впечатляет. Сказал, что мне самому надо тянуться, а не его пытаться принизить.

Ну, что? Прав же! И рассказал мне начало высшей математики.

— Высшей математики? Саша не мог освоить десятичные дроби! Ты уверен, что это высшая математика?

— Я проверил по учебнику Николаевского инженерного училища.

— И?

— У Сашки понятнее. Впрочем, после Сашки можно читать учебник: уже нетрудно.

Про то, что в учебнике он подсмотрел доказательство теоремы о двух полицейских (она там скучно называлась теоремой о промежуточной последовательности) Никса, на всякий случай умолчал.

— Саша тоже мог читать этот учебник, — заметил царь.

— Он по-другому рассказывает, и названия теорем отличаются.

— А как он формулировал теорему Гаусса-Остроградского, не помнишь?

— Очень приблизительно. Интеграл чего-то по поверхности равен заряду внутри поверхности на что-то деленному.

— А! — сказал папá. — Передай Саше, что это теорема Гаусса, а не теорема Гаусса-Остроградского. Откуда он только Остроградского приплел? И еще передай, что патриотизм не в том, чтобы грешить против истины.

Никса не особенно удивился, ибо именно академик Остроградский когда-то учил папá математике.

— Папá, — сказал Никса, — это не единственный случай. Не знаю, что он видел, когда был в беспамятстве, но это точно не обычный бред.

— Что еще? — спросил царь.

— Он как-то показывал мне приемы японского фехтования и сыпал японскими терминами. Я попросил его их для меня записать. Набралось слов пятьдесят. И мы потом проверили это по словарю с Гончаровым. Почти все совпало.

— Он тоже мог видеть этот словарь.

— Словарь Тумберга на немецком, — сказал Никса. — А Саша не помнит немецкого.

— Мог видеть до болезни.

— До болезни он не интересовался такими вещами.

— Может быть есть английский вариант...

— Может быть. Но не в нашей библиотеке. И это не объясняет того, почему в словаре нет некоторых слов.

— Придумал. Или переврал, — предположил папá.

— Или знает их больше, — возразил Никса.

— Сначала всегда следует искать рациональное объяснение, — сказал папá.

— Очень много всего, — покачал головой Никса. — Рациональные объяснения приходится за уши притягивать.

— Это не все?

— Была еще одна странность. Когда Саша узнал, что мне преподает литературу Гончаров, он тут же спросил что-то вроде: «Автор „Обломова“?» Я сказал, что у учителя нет такого романа. Саша: «Ты спроси у него про „Обломова“, может, я правда что-то перепутал».

— И что?

— Я спросил. Иван Александрович сказал, что «Обломова» он собирается закончить к Новому году.

— Ну, и что? Наверняка, Гончаров кому-то рассказывал.

— Может быть, — вздохнул Никса.

— Понимаю, — сказал папá, — хочется верить в чудо.

— Иногда он рассказывает о таких чудесах, в которые совсем не хочется верить.

— Никса, что за история с твоей болезнью?

— С чахоткой?

— Склифосовский поставил диагноз?

— Никакого диагноза он не ставил. Просто нашел у меня клетки Пирогова.

— Это что?

— Гигантские клетки, которые находят в мокроте туберкулезных больных.

— Это он сказал?

— Я их сам видел в микроскоп.

— Это еще ничего не значит.

— Конечно, именно так и сказал Склифосовский.

— Что за лаборатория? — спросил папá.

— Лаборатория, которую придумал Саша и оплатила Елена Павловна. Для изучения туберкулеза. Чтобы найти для меня лекарство.

— Ты ему поверил?

— Много доказательств, — заметил Никса.

— Недоучившийся студент — это не тот человек, который может поставить диагноз! Не ему судить о твоих болезнях! Что он вообще себе позволяет?

— Можно Пирогова пригласить. Пусть подтвердит или опровергнет.

Царь поморщился.

— Енохин есть.

— Да, — вздохнул Никса. — Конечно, есть Енохин.

— Он отличный врач.

— Папá, это не все. Саша знал, что искать. Он потом объяснил мне, что просто сопоставил два факта: мою золотуху и то, что он видел в своих снах. Про то, что я не буду править. И решил, что золотуха имеет к этому отношение. Он сказал, что от Склифосовского впервые услышал о клетках Пирогова. Но потом они стали искать бактерию в этих клетках. Саша знал, как она должна выглядеть. Он сказал: туберкулезная палочка.

— Нашли?

— Да. Действительно похожа на палочку, длинная и узкая, иногда две таких палочки соединяются у концов и образуют латинское «V». Они со Склифосовским долго искали краситель, но в конце концов было хорошо видно.

— При чем тут бактерия?

— Саша говорит, что болезни вызывают бактерии.

— Он не врач!

— Он ни разу ни ошибся. Ни с математикой, ни с японским, ни с Гончаровым, ни с бактерией-палочкой. И мне совершенно все равно, откуда он это берет. Вычитал по-английски в лондонском медицинском журнале «Ланцет», нашел старинный трактат, побывал в будущем, или ангел к нему слетел и рассказал про мою чахотку. Я просто не хочу умереть в пятнадцать лет!

Царь затянулся сигарой.

— Папá, — сказал Никса, — умоляю! Не трогайте лабораторию!

— С чего ты взял? Я и не собирался ее трогать.

Никса перевел дух, но успокаиваться было рано. Кавелина папá терпел год, хотя с самого начала знал о его взглядах.

— Папá, а правда, что, когда я родился, дедушка призвал своих младших сыновей: дядю Костю, дядю Низи и дядю Михайло и приказал их преклонить колени перед колыбелью.

— Да, — кивнул отец.

— Папá, я хочу того же от Сашки.

— Значит, не доверяешь все-таки.

— Доверяю... пока. Но все может измениться. Он во многом сильнее меня.

Честно говоря, идея была матушкина. Никса бы обошелся. Мама́ не знала ни про клетки Пирогова, ни про чахотку, ни про лабораторию.

— Сейчас Сашка говорит, что ему дороже свобода, но он почувствует свою власть. Думаю, уже почувствовал.

— Сейчас его присяга не будет иметь никакой юридической силы, он несовершеннолетний.

— В колыбели я тоже еще не был цесаревичем.

— Но мои братья вполне понимали, что делают.

— Вряд ли Сашка чего-то не понимает, — заметил Никса.

— Я подумаю, — пообещал царь.

* * *

Студенту Академии художеств Ивану Николаевичу Крамскому было около двадцати, и вид он имел вполне богемный: не слишком послушные темные волосы, юношеские усики и только зарождающаяся бородка. Во всем какая-то стремительность, и огонь в глазах.

Именно так Саша представлял народовольцев. Этих ребят окружал меньший романтический ореол, чем декабристов — все-таки папá явно не стоило грохать, и с аристократизмом у них было похуже — но нельзя сказать, что сего нимба не было совсем.

Иван Николаевич принес толстую папку своих работ формата примерно А3, и Саша с удовольствием их рассматривал. Чем-то напоминало рисунки Никсы. Нет, совершеннее, конечно. Но еще слишком много ремесленничества, излишнего академизма и статичности. Но для рекламных картинок и не нужны шедевры.

Крамской явно любил портрет.

— Иван Николаевич, расскажите мне пока о себе, — попросил Саша.

— Я из мещан, — несколько смущаясь, начал художник. — Родился в уездном городе Острогожске Воронежской губернии, точнее в пригороде под названием Новая Сотня. Отец мой служил в городской думе журналистом, а дед был, кажется, писарем где-то на Украине. Сначала меня учил грамоте сосед, потом я поступил в уездное училище, которое окончил со многими похвальными грамотами и пятерками по всем предметам. Мне было 12 лет, отец мой тогда умер, а мать решила, что я еще слишком мал, и меня оставили в училище еще на один год.

— Иван Николаевич, я не ослышался? Круглого отличника оставили на второй год?

— А что еще было делать? — спросил Крамской.

— Ну, как! Выдать стипендию и в гимназию за государственный счет.

— Если бы я был дворянином — может быть бы так и случилось. Но я из мещан, Ваше Высочество, я вообще не имею права на поступление в гимназию.

— Что за бред! Позапрошлый век. До сих пор так?

— Да, Ваше Высочество.

— Я чувствую в этой стране спать мне будет некогда, — заметил Саша. — А дворянином станете, никуда не денетесь. И? Дальше?

— На следующий год мне выдали тот же аттестат, с теми же отметками, только с переменной года.

— Знаете, я где-то читал, что в России не две беды (дураки и дороги), а ровно одна: дороги. А дураки — это национальная скрепа, нерушимая традиция и опора власти. Это разумеется не о вас, а о тех, кто не понимает, что золото — это люди.

— Ваше Императорское Высочество, а откуда это про две беды?

— Гоголь. Разве нет?

— Я такого не помню.

— Ну, может, я что-то путаю.

— Очень остроумно, — заметил Крамской.

— Это вы мне льстите. Так что было вместо гимназии?

— Я поступил в ученики к иконописцу.

— Что ж, почти художественное училище.

— Не совсем. Вместо обучения он поручал мне только растирать краски и разносить посылки.

— Уже не удивлен, — заметил Саша.

— А потом я пошел скитаться по России.

— Мои университеты! — прокомментировал Саша. — А вот здесь завидую. Мне папá этого точно не даст.

— Великих князей обычно посылают в такие путешествия.

— С официальной делегацией?

— Да.

— И много я увижу из окна кареты? Чтобы понять, чем живет страна, надо ночевать на вписках, а то и в палатке в чистом поле, ездить автост... то есть просить попутчиков подвезти, а то и пешком, как пилигрим, с котомкой за плечами.

— На вписках? — переспросил Иван Николаевич.

— Ну, у друзей.

Крамской кивнул.

— Потом один земляк научил меня ретушировать фотографии, и я работал в фотомастерской в Харькове, а два года назад приехал в Петербург и стал ретушером в дагерротипной мастерской. А в прошлом году поступил в Академию художеств.

— Вы молодец, — сказал Саша. — А ведь кто-то наверняка с не меньшим талантом, чем у вас, до сих пор стирает краски у местного иконописца в Богом забытом уездном городе.

Крамской молчал.

— Вы до сих пор подрабатываете ретушером, Иван Николаевич? — спросил Саша.

— Да.

— Значит деньги нужны. Откуда такой широкий жест про бесплатно? Или Елена Павловна что-то перепутала?

— Нет, Ваше Высочество! Она не перепутала. Для вас я готов работать бесплатно.

И его глубоко посаженные серые глаза засветились.

— Иван Николаевич, а если бы вы не прочитали ту статью в «Колоколе», сколько бы вы с меня взяли?

Крамской смешался.

— Уже неважно, — сказал он. — Я с вами поговорил.

— Знаете, что, если я вас сейчас заставлю работать бесплатно, приняв ваше предложение, вы быстро возненавидите и меня, и собственное великодушие. А я этого совсем не хочу. Так что вашим широким жестом я воспользуюсь, но не так нагло, как вы хотите мне позволить. Я попрошу у вас рассрочку, скажем, месяца на три. Так сколько?

— Ну, рублей пятнадцать.

— По рукам, — улыбнулся Саша. — Сейчас пять, остальное в течение трех месяцев.

Да, по сравнению со ставкой академика Тихобразова звучало очень оптимистично.

— Вам понравились мои работы? — спросил Крамской.

— Вы десять раз еще превзойдете самого себя, — сказал Саша. — Но, когда вы станете академиком, и ваши работы будут висеть в лучших музеях России, я пятнадцатью рублями не отделаюсь, так что давайте лучше сейчас.

— Что нужно сделать?

— Рекламу средства для волос. Честно говоря, даже стыдно вам предлагать такое.

— Я пока не академик.

— Нужна очень красивая девушка с очень пышными волосами — все в светлых солнечных тонах на сиреновом или розовом фоне. Для плаката в магазин, где мы это продаем. И для объявления в газете.

— Хорошо, — кивнул Крамской.

— Это раз, — сказал Саша. — Во-вторых, нужна картинка с небесным фонариком. Мы пока вырезку из «Ведомостей» утащили, но как бы нам не предъявили за это в связи с нарушением авторских прав. В газету точно не сможем это дать. Так что нужно перерисовать чуть иначе и для магазина — в цвете. Мне, кстати, нравится тот вариант, который в «Колоколе». Но думаю, будет красиво, если нарисовать не один, а дюжину фонариков. Уложусь в еще пятнадцать рублей?

— Да, — кивнул Крамской.

— И это не все. Потом у меня к вам будет еще один заказ.

Художник посмотрел вопросительно.

— Я пишу книгу и мне нужен иллюстратор, — сказал Саша.

— А что за книга, Ваше Высочество? — спросил Крамской.

— «Мир в ближайшие 150 лет».

— Фантастика?

— Нет, футурология.

— Футурология?

— Наука о будущем. Хотя, конечно, первые пять-десять лет будут воспринимать как фантастику. А потом книга станет бестселлером, поскольку начнет сбываться.

Собеседник, кажется споткнулся на англицизме «бестселлер».

— Будет разлетаться, как горячие пирожки, по всему миру, — пояснил Саша.

— Вы так уверены? — улыбнулся Крамской.

— Поглядим, — пожал плечами Саша. — Если большая часть моих прогнозов будет ошибочна — значит, не станет бестселлером. Только и всего.

— А что примерно придется рисовать?

— Города будущего, дома будущего, поезда будущего, повозки будущего, дороги будущего. Да я вам набросаю. Коряво, но я объясню.

— До сих пор мне приходилось рисовать в основном прошлое, — заметил Крамской.

— Будущее интереснее. Беретесь?

— Попробую.

Саша выдал художнику задаток в пять рублей и со вздохом посчитал оставшееся: пять рублей девяносто копеек. Это было как бы не очень много. Ладно! С голоду авось не умрет!

После обеда явился Зиновьев и положил на стол толстый том под названием: «Воинский устав о пехотной службе».

— Александр Александрович, это надо будет выучить.

— Что весь? — с ужасом переспросил Саша.

— Первую часть.

Устав был 1848 года издания и начинался с нескольких страниц сокращений, вроде «Див. Нач. — Дивизионный Начальник», «Ад. — Адъютант» или «Фиг. — Фигура». Перестроечный общевоинский устав 1990 года, который ему когда-то пришлось учить, Саша помнил весьма смутно, но кажется такой забористой шизы не было даже там.

— Помните его? — осторожно спросил Зиновьев.

И Саша не сразу понял, что воспитатель спрашивает про устав 1848-го года, а не 1990-го.

— Совсем не помню, — признался Саша. — Я его учил до болезни?

— Да. С понедельника у вас военный лагерь с первым кадетским корпусом.

— На сколько это?

— До сентября.

И Саша с отчаяньем понял, что три ближайших четверга у Мадам Мишель накрылись медным тазом. Вместе со встречей с министром образования и переговорами с промышленниками.

— Это обязательно? — спросил Саша.

— Да, — сказал Зиновьев.

Кто бы сомневался! Мысль о том, что ребенка нужно спрашивать, хочет ли он ехать на военные сборы, была слишком продвинутой для местных обитателей.

— Я ничего не помню, — сказал Саша. — Вообще ничего из военного дела.

— Значит придется вспомнить, — заметил воспитатель.

— Хорошо, — кивнул Саша. — Только мне надо написать письмо Елене Павловне, с извинениями.

— Пишите, — пожал плечами Зиновьев.

«Любезная Елена Павловна! — начал Саша. — Меня ссылают в Петергофский кадетский лагерь на три недели. Видимо, за слишком вольный образ мыслей. Так что, к моему великому сожалению, я не смогу присутствовать у вас на ближайших трех вечерах.

Но я не хочу терять времени. Я хотел встретиться с производителями карет для того, чтобы заказать у них подарок для моего брата. Делать что-то к определенной дате — не самое лучшее решение, но мне главное начать.

Можете переслать от меня письмо братьям Фребелиусам?»

И Саша взял карандаш, линейку, циркуль и принялся за чертеж велосипеда.

— Это тоже письмо к Ее Высочеству? — поинтересовался Зиновьев.

— Да, конечно, — вздохнул Саша.

— Вам раньше там нравилось, Александр Александрович, — заметил Зиновьев.

— В кадетском лагере?

Зиновьев кивнул.

— Может, и сейчас понравится, — сказал Саша. — Ночные посиделки у костра я люблю. Просто ломает все мои планы.

— Ночных посиделок не обещаю, там отбой в десять, — сказал Зиновьев. — Ночные маневры — да.

— Ну, это как возить саночки, но не кататься, — хмыкнул Саша. — Гитару хоть можно взять?

Зиновьев задумался, видимо, вспоминая Сашины шедевры. Ну, что там? «Мария» «Балаган», «Город золотой», «Прощальная 3» — все довольно православно, если конечно не обращать внимания на детали.

— Ладно, — подытожил Николай Васильевич. — Гитару можно.

Саша нарисовал отдельно колеса, отдельно цепную передачу, отдельно педали. Задумался насчет шин. Ни на одном местном экипаже шин не было. С чего бы? Каучук есть. Упомянулся в статье о трансатлантическом телеграфном кабеле. Фирма «Макинтош» уже производит непромокаемые прорезиненные плащи. Была как-то реклама в тех же «Ведомостях». А шин нет. Может, до России не довалились?

И Саша начертил шину с камерой. Вроде, шина без камеры — это более продвинуто, но он не вполне понимал, как она устроена. Написал, что все это должно быть из резины. Нарисовал ниппель на камере и велосипедный насос.

Вспомнил про обратный клапан и нарисовал ниппель в разрезе. Вспомнил про колпачок и нарисовал колпачок с резьбой.

«Возможно, у англичан это есть, — подписал он рядом. — В крайнем случае,

если это сложно, можно пока без шин. Но, если получится, думаю, и экипажам не помешает. Если дело пойдет, претендую на 50 % прибыли от продажи шин».

Саша подумал, что заявление крайне наглое, в шампунь и фонарики он все-таки вкладывался, а здесь явно не потянет. А также о том, когда именно его начнут называть Саша-50 %.

Ладно, сторгуется!

«Любезные господа! — начал Саша письмо к Фребелиусам. — Опытный экземпляр велосипеда я хочу подарить моему брату государю цесаревичу Николаю Александровичу. Если конечно испытания пройдут успешно. Но это не значит, что нужно покрывать конструкцию позолотой. Чем она будет легче — тем лучше. К тому же экспериментальный экземпляр украшать бессмысленно — главное, чтобы работал. Поэтому чем дешевле — тем лучше. Колеса, думаю, должны быть примерно в два раза уже каретных.

Если наш опыт будет успешен, думаю, я и для себя закажу, и Володе (Великому князю Владимиру Александровичу) понравится. Мы введем моду на велосипеды, и это будет огромный челлендж для вашего бизнеса (на будущие 50 % претендую естественно)».

Саша засомневался, известен ли адресатам англицизм «челлендж», но переписывать было лень, и он оставил, как есть.

Там в будущем он уже сто лет не катался на велосипеде. Во-первых, было некогда, во-вторых, мешал значительно возросший в последние годы лишний вес. Но когда-то, во времена перестроечной юности — это было очень прикольно!

— А как насчет устава? — поинтересовался Зиновьев.

— Сейчас, сейчас, — сказал Саша.

«Во сколько может обойтись опытный образец велосипеда?» — спросил он господ Фребелиусов.

И подписался: «Великий князь Александр Александрович».

Запечатал письмо и вручил лакею.

И, наконец, со вздохом принялся за устав.

— Николай Васильевич, а Никса едет? — спросил Саша.

— Конечно.

Это несколько противоречило версии о ссылке в солдаты за невесторженность ума.

— Ему тоже надо учить устав? — поинтересовался Саша.

— Он его знает.

— Монстр! — заключил Саша.

При ближайшем рассмотрении николаевский устав производил несколько лучшее впечатление. От советского его отличала бóльшая конкретика (вплоть до числа шагов от палатки до ружейной пирамиды) и целевая аудитория: он был написан для офицеров и посвящен обучению рекрутов. По крайней мере, первая часть.

Перестроечный устав стал предательски всплывать у Саши в памяти: некоторые определения, вроде «фланга» или «шеренги» совпадали один к одному. Зато всей этой шагистикой советский устав увлекался на порядок меньше.

И Саша подумал, как бы, отвечая текст, случайно не процитировать какое-нибудь решение съезда КПСС или ленинскую работу.

— Николай Васильевич, а у нас есть военная доктрина? — осторожно спросил он.

— Военная доктрина? — переспросил Зиновьев.

— Ну, глава в уставе, где сказано о том, когда и как мы вступаем в войны, и как предпочитаем воевать. Ну, что война — это вообще плохо, мы мирные люди, но наш броне... В общем, если вдруг на нас напали или если надо помочь кому-то. Например, венгры или поляки, или еще кто, зачем-то возмечтали о свободе, мы должны тут же исполнить свой интернациональный долг, вмешаться и вдарить так, чтобы больше ни о какой независимости и не думали. И смиренно стояли в стойле.

— Какой долг? — переспросил гувернер.

— Интернациональный, — повторил Саша.

Он совершенно точно помнил, что именно с этого начинался устав образца 1990 года.

— Русская армия воюет за веру, царя и отечество, — вздохнул Зиновьев.

— Это понятно, — кивнул Саша. — А в Венгрии что делали?

— Австрийский император попросил помощи у государя Николая Павловича, вашего дедушки.

— В подавлении Венгерского восстания?

— Мятежа, — поправил Николай Васильевич.

— Да, конечно мятежа. Они же проиграли.

Гувернер вздохнул.

— То есть, если дружественный государь не попросит, мы на чужую территорию не заходим? — поинтересовался Саша.

— Обычно нет. Хотя на все воля государя.

— Понятно, как в Крымскую.

— У России были не только поражения.

— Конечно. Просто свежо предание. А у нас свободная тактика?

— Свободная тактика?

— Я, возможно, что-то перепутал, есть немецкий термин. Он вылетел у меня из головы, видимо, вместе со всем немецким, но точно начинается на «А», а заканчивается на «taktik».

Зиновьев пожал плечами.

— Не знаю.

— Странно, мне казалось, что это из эпохи Фридриха Великого.

— А что за тактика?

— Суть в том, что вместо детального приказа дается некая общая директива, в рамках которой младшие офицеры могут действовать самостоятельно, без приказа, по своему усмотрению. Более того они могут и даже должны нарушить приказ, если он перестал соответствовать обстановке. Так одному немецкому майору был дан приказ, условно говоря, стрелять из точки А в точку В и удерживать некую высоту. Но обстановка изменилась, а он продолжал исполнять приказ. Что естественно ничем хорошим не кончилось. Майор потом оправдывался тем, что прусский офицер должен исполнять приказы командования так, словно это приказы самого короля. И тогда принц Фридрих Карл, который командовал тогда прусской армией, сказал бессмертную фразу, которая, говорят, выбита золотыми буквами под сводами немецкой военной академии:

«Его величество сделал вас майором, так как верил, что вы сообразите, когда не следует повиноваться его приказам».

— Принц Фридрих Карл? — переспросил Зиновьев. — Георгиевский кавалер?

— Не знаю. Может быть.

— Его Высочество еще слишком молод, чтобы командовать армией, — заметил Николай Васильевич. — И его изречения еще не выбивают золотыми буквами на стенах академий.

— Может быть, это другой Фридрих Карл, — пожал плечами Саша. — Мало ли в Пруссии Фридрихов Карлов!

Собственно, байку про свободную тактику Саша слышал там в будущем от Лёши — одного из своих подзащитных офицеров, который тащился от Вермахта и Бундесвера, но, чего уж, горазд был языком трепать. Может, и переврал что.

— В общем суть в том, что на офицерские должности надо брать тех, кто способен нарушить явно дурацкий приказ. А если не способен — то отсеивать. Что вы об этом думаете, Николай Васильевич?

— Что будет потеря управляемости и неразбериха. Конечно, солдат должен понимать свой маневр, но не нарушать приказы.

— А я бы к немцам прислушался, — возразил Саша.

И честно продолжил читать устав.

На ружейных приемах сломался и стал пролистывать.

— Что вы делаете, Александр Александрович? — поинтересовался Зиновьев.

— Я не помню ни одного ружейного приема, — объяснил Саша. — А изучать их теоретически бессмысленно, это тело должно помнить. А здесь даже картинок нет.

Положа руку на сердце, ровно два ружейных приема Саша все-таки помнил: «автомат на ремень» и «автомат на грудь». Но как-то сомневался в их актуальности.

— Рисунки были в уставе Павла Петровича, — заметил гувернер.

— Он еще актуален?

— Ружейные приемы — да. Вас им учили с пяти лет.

— Может быть вспомню, если мне показать, — предположил Саша.

— У вас был учитель унтер-офицер Тимофей Хренов. Не помните его?

— Нет. Он здесь? Может, он мне покажет?

— Это дядька ваш, — вздохнул Николай Васильевич.

— Я постараюсь все вспомнить, — сказал Саша.

— Хренов сейчас служит камердинером при Алексее Александровиче. Узнаю.

С восьмилетним младшим братом Алешей Саша общался мало и камердинеров его не помнил.

— Хорошо, — кивнул он.

Изучение ружейных приемов казалось занятием малоинтересным, но, видимо, неизбежным. Вроде знания того, что такое «ток» и «овин».

В ролевые игры он почему-то играл исключительно по средневековью: альбигойские войны-там, крестовые походы, знаменитое Ек-бургское «Завоевание рая». Так что, как должен выглядеть донжон, знал, как меч держать — тоже, и даже, как натягивать лук, а вот рекрутского учения не представлял от слова «совсем». И чтобы не съездить хоть раз хотя бы на игру по 1812-му году?

Впрочем, мода на 19-й век пришла позже, когда он давно бросил эту развлекуху.

Саша пролистал еще сотню страниц, залез в приложение и обнаружил документ совершенно прекрасный.

Он назывался: «Квитанция».

«Такого-то года, месяца и числа, — гласил документ, — дана сия квитанция Командиру такого-то полка, в том, что во время квартирования означенного полка в селениях таких-то, с такого по такое число, обывателям обид и притеснений делаемо не было, безденежно ни у кого не брано и нижние чины довольствовались положенным от казны провиантом. В удостоверение чего сим свидетельствую.

Подпись выдающего квитанцию».

Заглянул в начало. Ну, да! Эта часть устава относилась разумеется к мирному времени.

Вернулся, перечитал еще раз.

— Что вас так заинтересовало, Александр Александрович? — спросил Зиновьев.

— Квитанция про отсутствие претензий у обывателей. Николай Васильевич, это то, что есть, или то, что должно быть?

— То, что есть, — отрезал Зиновьев.

— Великолепно, — сказал Саша. — А то я, грешным делом, подумал, что такие квитанции под дулом пистолета заставляют подписывать.

— Пожаловаться можно, если под дулом пистолета.

— Ну, до царя-то далеко...

— До полицмейстера гораздо ближе.

— Ну... в мирное время... может быть. А если в военное и на чужой территории? Как следует поступать с мародерами?

— По военно-уголовному уставу — Сибирь.

— Ссылка? Каторга?

— Если без насилия.

— А если с насилием? Скажем, прошелся такой герой по вражескому городу. Погрузил на подводы ковры: 40 штук, часы старинные антикварные с боем, машину суперсовременную паровую, пианино: три штуки, ну и так по мелочи: шубы, кольца, цепочки. Хозяев расстрелял, а всех девиц с десятилетнего возраста обесчестил. Но последнее уже с сослуживцами. И подводы отправил домой любимой жене на родину. Итого 30 пудов. И приносят мне, как командиру, этот полный список и кладут на стол. Я как его? Не в идеале, а на самом деле. Под суд? Или говорю, что это все поклеп и подлая ложь, делаю его подразделение гвардейским и считаю, что все это его законные трофеи?

— За это смертная казнь, Александр Александрович.

— Реально? Нет же, вроде. Только за политические преступления.

— В военном уставе есть.

— На месте? Или все-таки под суд?

— Под суд.

— Отлично! Правовое, однако, государство. Вы бы знали, как вы меня утешили.

— Александр Александрович, откуда вы все это знаете?

— Об истинных обычаях войны? Читал где-то.

— Где? Не помните?

— По-моему, у Вальтера. Бессмертная повесть «Кандид».

«Кандида» Саша действительно в свое время прочитал для общего развития. Классика же!

— Вам еще рано читать такие вещи! — испугался Зиновьев. — И она запрещена!

— Николай Васильевич, во-первых, уверяю вас, мне вообще ничего не рано. Во-вторых, почему бы мне не почитать автора, с которым переписывалась моя прапрабабка?

— Где вы его взяли?

— Не помню. Я даже не помню, на каком языке читал. Помню, что там очень нехорошо про взятие крепости Азов русскими войсками. Про то, что русских убили очень много, и они сторицей отплатили за это. Азов был предан огню и мечу: не щадили ни женщин, ни детей, ни стариков.

— Вольтер, — поморщился Зиновьев. — Не то, что стоит принимать на веру. Туркам с семьями и имуществам разрешили покинуть город.

— Может быть, Вольтер и погрешил против истины ради обоснования своих идей. Но для него — это мелкий, проходной эпизод. Так, только одна из картин на тему «ужасы войны» — антивоенный пафос, независимо от национальной принадлежности комбатантов. А военно-уголовный устав у вас есть, Николай Васильевич? А то вы мне все неинтересные книжки приносите. Принесите мне интересную. И может быть папá смилостивится и отпустит меня, скажем, в училище правоведения. Все равно вояка из меня никакой.

— Хорошо, принесу.

— Он дедушкин?

— Да. Училище правоведения — вряд ли, но преподаватель права будет.

— Отлично!

— Вы знаете, насчет ваших способностей к военному делу...

— Я кажется понял, что за немецкое слово, — сказал Зиновьев. — Не Auftragstaktik?

— Кажется, да. Переводится «Свободная тактика»?

— Не совсем. «Auftrag» — это общая директива вместо четкого приказа. Скорее дух приказа, чем буква. Но, по вашему описанию, похоже.

— Вы знаете про Auftragstaktik? — спросил Саша.

— Я о ней впервые слышу. Знаю, что Бонапарте давал много свободы своим маршалам.

И Саша понял, что его знакомый там в будущем явно залил про Фридриха Великого. Вот и верь теперь этим военным экспертам — язык без костей!

Интересно с Вермахта эта свободная тактика или все-таки раньше?

— Вы не читаете устав, Александр Александрович, вы просматриваете, — упрекнул Зиновьев. — А вам его учить надо.

— Я где-то видел или читал об еще одном военном принципе: мы должны исходить не из наших желаний, а из наших возможностей. Хотим мы, например, взять Константинополь за три дня. Ну, или еще какую столицу. Так вот мы не переть должны тут же на Константинополь, а сесть спокойно на попу, за карту и статистические данные, и посчитать, сколько у нас войска, сколько оружия, сколько провианта и сколько подвод. А также за какое время это все можно произвести и подвезти. И, если мы приходим к выводу, что можем взять Константинополь не за три дня, а за три года, причем с божьей помощью, мы садимся на попу еще раз и крепко думаем, стоит ли вообще туда лезть.

— Причем тут устав?

— Ну, как причем, Николай Васильевич? Я же понимаю, что я его до понедельника не выучу. Так что максимум, который я могу сделать — это по диагонали его прочитать и получить общее представление. Я же не отказываюсь его учить. Выучу. Скажем, за три месяца.

— Ладно, — вздохнул Зиновьев.

— На пле-чо! Под ку-рок! На кра-ул!

Тимофея Хренова, как выяснилось, отпустили в увольнительную до понедельника, так что командовал Никса, явно ловя кайф с процесса.

А Саша старательно изображал бравого солдата Швейка.

Ружье тоже было Никсы. Тяжелое, как сволочь: килограммов пять. И с примкнутым штыком выше Саши.

Зато красивое. Приклад красноватого дерева и мягкие обводы железных частей. Курок очень непривычной формы, похожий на птицу с тупым клювом и отставленным крылом. Перед курком торчит непонятная тоненькая трубочка.

Три здоровых гладких кольца крепят ствол к деревянной ложе. И шомпол под дулом.

— Что за чудо техники? — поинтересовался Саша.

— Шестилинейная винтовка, — сказал Никса. — Самая современная 1856 года. Лучшая в мире.

Насчет лучшей в мире Саша тут же засомневался. «Наша конница Буденного вмиг сомнет хлипкие танки нацистов!» «Не смешите наши Искандерья!» «Наши, не имеющие аналогов в мире гиперзвуковые ракеты „Кинжал“!» Ага! Это те, что к брюху истребителя снизу привешиваются. Гиперзвуковые, не поспоришь. В результате сложения скоростей.

Плавали, знаем.

— А как она заряжается? — спросил Саша.

На «переломку» из тира «чудо техники» не походило совсем. Ложа была сплошной. И никаких признаков доступа к стволу с казенной части.

— Не помнишь? — удивился Никса. — Чем ты устав читал? На стрельбище покажу. Здесь не место. Не отлынивай! К но-ге! На ру-ку! Ружье на пере-вес! На пле-чо!

Получалось так себе.

— Ну, ничего, — заключил цесаревич, — еще годик потренируешься, и будет почти прилично.

Саша вздохнул.

— Ты хоть честь умеешь отдавать? — поинтересовался Никса.

Саша взял под козырек. И тут же вспомнил, что к пустой голове руку не прикладывают.

Но Никсу расстроило не это.

— По-онятно, — протянул брат. — Как на английском флоте.

— А как?

— Просто ладонь ко мне немного выверни. Это после коронации папá так. При дедушке было польское приветствие.

И Никса лихо отсалютовал двумя пальцами: указательным и средним.

Папá вообще неусыпно заботился о внешней стороне военной науки. И мог прямо во время бала уединиться где-нибудь с красками и бумагой и упоенно рисовать форму. Ну, надо же модно одеть драгоценную армию!

Так что после коронации все обмундирование сменили.

Изысканности новая форма достигала необыкновенной: синяя, красная, зеленая, с золотыми и серебряными шнурами. А в мундире одного из гусарских полков имелось восхитительное сочетание оливкового с малиновым.

Офицерство пребывало в тихом бешенстве.

И дело было вовсе не в великолепном художественном вкусе папá, а том, что обмундирование надо было шить за свой счет.

Зиновьев выносил нововведения стоически, Гогель вздыхал больше, ибо был беднее. Но молчали все.

Саша подумывал уж не взять ли на себя тяжкую миссию информирования папá о проблемах офицерского корпуса. Но, во-первых, вопрос был не принципиальный. Не то что парламентаризм или там билль о правах. Во-вторых, не комильфо воевать с прекрасным. Он и так ощущал себя медведем. И, в-третьих, ну, почему бы не простить великому человеку некоторые слабости?

Гогелю остро хотелось выдать дополнительную ссуду, но было не из чего.

Для Саши с Никсой — это будет проблема. Саша предъявлял к одежде ровно два требования: она должна греть и быть чистой. А Никсе это все надоело с пяти лет хуже пареной репы. И кайфовал он сейчас от командования не из любви к искусству, а из мести за пламенные Сашины речи в салоне Елены Павловны и реакцию на них публики.

Так что придется искать в народе таланты, достойные портняжных ножниц Зайцева и Юдашкина. Или Крамского строить.

Или уж плюнуть и сосредоточиться на внедрении свободной тактики.

Интересно, смирится ли офицерский корпус с камуфляжем?

Саша задумался о том, дошли ли до папá пламенные речи.

Собственно, сегодня вечером они с Никсой были званы под светлые очи государя.

— Вы должны вести себя так, чтобы никому не пришло в голову вам завидовать, — сказал папá. — Вы должны быть примером для русской армии, исполнять свой служебный долг, совершенно подчиняясь приказаниям начальства, с уважением относиться к товарищам, не думая при этом, что вы — великие князья, которые исполняют свои обязанности только по снисхождению.

Никса кивнул.

— Первое просто, — сказал Саша, — но быть примером вряд ли смогу. Как штабс-капитан я, видимо, должен командовать взводом, но не помню даже строевых приемов. Вот Никса может подтвердить. Мне бы не хотелось стать предметом насмешек.

Папá посмотрел на цесаревича.

— Да, — подтвердил тот. — Сашка ничего не помнит.

— Саша, — сказал царь. — Генерал Зиновьев мне написал, что ты просто не хочешь туда ехать.

— Не хочу. Но не в этом дело.

Саша уже не понимал, насколько он не хочет ехать. Было бы приятно потрянуть стариной: ночь, костер, гитара. Картошечка, печеная на углях...

И перед Еленой Павловной уже извинился.

Но август, высокая широта. Уже не так тепло, чтобы спать в палатке и шиться по ночному лесу. Саше-то похрен, не опасно ли для Никсы?

— Хорошо, — сказал папá. — Будешь помощником брату. Но, чтобы слушаться его во всем.

— Конечно, — кивнул Саша.

— И еще одна просьба... — проговорил царь. — Саша, не стоит пересказывать кадетам американскую конституцию.

— Просьба? — переспросил Саша.

— Приказ, — уточнил папá.

— А матан можно? — поинтересовался Саша.

— Матан?

— Математический анализ, — хмыкнул Никса.

— Матан можно, — смилостивился папá. — Будешь прилично себя вести — получишь привилегию на твои фонарики.

И Саша остро почувствовал себя владельцем какой-нибудь российской фирмы, которой слово не может сказать против власти, потому что у него бизнес и люди, которые на него работают, а он за них отвечает. Он-то свалит куда-нибудь в Италию, а они останутся без работы.

— Никса, у нас пытки запрещены? — спросил Саша, когда они шли по коридору от отцовского кабинета.

— Какие пытки? В девятнадцатом веке живем.

— Если просто учить пехотный устав — это еще ничего, но в сочетании с запретом на пересказ американской конституции — это уже с особой жестокостью.

Было зябкое августовское утро. Рассветное солнце серебрило траву.

Прогремела барабанная дробь. Туш. Один раз второй, третий. Потом вступил военный рожок. Играли марш. Музыка казалась смутно знакомой.

Или видел ноты в уставе? Они были на последних страницах одной из частей.

Или в армии играли? Или на сборах? Или в кино где-то было?

Никса шел первым. Саша на полшага вслед за братом. За ними — Гогель и Зиновьев.

Перед палатками кадеты стояли во фронт и салютовали ружьями Великим князьям.

— До меня только сейчас дошло, кто мы, — тихо сказал Саша брату.

Тот усмехнулся.

Утренний ветер тронул полотно палаток, расправил и на флагштоке черно-желто-белый флаг.

У Саши он ассоциировался исключительно с обществом «Память». Он всегда думал, что династический флаг был при консервативном Александре Третьем, а никак ни при либеральном Александре Втором.

— Это же флаг Романовых, — тихо сказал он Никсе. — Почему не бело-сине-красный?

— Почему Романовых? — возразил Никса. — Просто цвета как в гербе. Так положено по геральдическим правилам. При дедушке был только императорский штандарт: черный двуглавый орел на золотом фоне. Папá в июне утвердил этот. Бело-сине-красный — торговый. Для частных лиц. Под ним кровь не проливали.

— А под каким же обороняли Севастополь?

— В основном под военно-морским, Андреевским. Ну и под полковыми знаменами с косыми крестами, кавалерийскими штандартами и русским восьмиконечным крестом.

Это была, в общем, новость. Своим Саша всегда считал бело-сине-красный триколор, который придумал еще Петр Алексеевич. Так что, когда в девяностые на квартире одного из своих друзей по ролевой тусовке он увидел триколоры, повешенные на окна в качестве занавесок, его, скажем так, шокировало. Но он либерально успокоил себя тем, что и так можно почитать знамя. Ну, чтобы все время видеть перед глазами.

Саша помнил, как триколор подняли впервые в постсоветской России. На одном из оппозиционных митингов то ли в 1988, то ли в 1989-м году. Как под ним ходили трехсоттысячные толпы в 1990-м, от Пушки до Манежки, по перекрытой Тверской. Как под ним скандировали: «Долой самодержавие КПСС» и «За вашу и нашу свободу». Как под ним защищали Белый дом в августе 1991-го.

А потом его украли. Его присвоили те, кому бы больше подошел большевистский, кроваво-красный, — враги и демократии, и свободы.

Что же теперь отказываться от него? Менять на флаг Новгорода, выдуманный в 90-е. Тот, что без красной полосы. Бело-сине-белый. Черта с два! Что ж теперь после каждого мародера перекрашивать знамя?

— Никса, зачем нам династический флаг из цветов императорского штандарта? Мы что деревенька с крепостными?

— Хорошо, что папá не слышит.

— Я тебя умоляю, станешь царем — верни бело-сине-красный.

— Торговый? Как говорил дедушка, Россия — страна военная.

— Может хватит ей быть военной?

Никса не ответил, на что-то отвлекшись.

Саша проследил за его взглядом.

Прямо по курсу, в конце ряда кадетских палаток стояла карета, а возле кареты в окружении фрейлин — мамá. И смотрела на них в театральный бинокль.

— Что она здесь делает? — поинтересовался Саша.

Никса одарил его улыбкой Будды.

— А как-то объяснить ей, что мы уже взрослые, никак нельзя? — спросил Саша.

Брат возвел очи горе, куда-то к династическому флагу.

— Мама́, — со вздохом прокомментировал он. — В прошлом году я командовал взводом, а она ездила в карете вдоль наших позиций.

— У тебя рота в этом году?

— Угу!

Навстречу им верхом выехал офицер лет пятидесяти. Сашу предупредили, что это генерал-майор Орест Семенович Лихонин — директор Первого кадетского корпуса Петербурга.

Генерал спешился и отсалютовал им шпагой. На груди у него висел белый эмалевый георгиевский крест.

Сашу поселили в одну палатку с Гогелем.

— По уставу, генералу положена отдельная палатка, — заметил Саша.

— Вы это запомнили? — удивился гувернер. — Николай Васильевич говорил, что вы не прочитали, а пролистали устав.

— Я высоко прочитал, — признался Саша. — Но у меня есть навык чтения по диагонали, так что запомнил то, что мне показалось интересным. А вот штабс-офицеров можно селить по двое в одну палатку.

— Николай Александрович уже не штабс-офицер, — заметил Гогель.

Саша вздохнул.

У палатки был выставлен почетный караул из кадетов последнего курса, то есть лет восемнадцати.

И это было как-то чересчур.

— Я ведь могу их отпустить по уставу? — поинтересовался Саша. — Что ребята мучаются?

— Они не мучаются, — возразил Гогель. — Попасть в почетный караул к палатке Великого князя — большая честь. Выбрали лучших.

— Обидятся, если отпущу? — предположил Саша.

— Боюсь, что да, — сказал Гогель.

Первая заповедь папа́ про «чтобы не завидовали» казалась все менее выполнимой.

— Понимаете, Григорий Федорович, я же ничем этого не заслужил. Насчет штабс-капитана — еще да, действительно человека спас. Хотя с моими знаниями военного дела мне до этого чина, как до неба. Но это все...

— Это все вам положено по рождению.

— Но это же неправильно! Еще немного и мне Святого Георгия вручат за героическое участие в маневрах под Петергофом!

— Вы бы поменьше читали Вольтера, Александр Александрович.

Днем все собрались в палатке Никсы и склонились над картой.

Местные карты восхищали Сашу еще в приложениях к уставу. Начерченные тонким перышком, с мелкими тщательно прорисованными деталями и схемами, подобными эшюрам в начертательной геометрии.

От военного советника Лёши, который грузил его свободной тактикой, Саша знал, что в обсуждение сражения военными специалистами лучше не вступать, чтобы не показаться полным кретин. А всякий неспециалист по определению полный кретин, даже если где-то когда-то читал про малые и большие клещи, любимые Вермахтом и почитаемые в

Академии имени Фрунзе.

Лёша, конечно, был известный Свистун де Трепло, но это было похоже на правду, ибо Саша точно знал, что все ровно также с юриспруденцией.

Так что он приготовился слушать и внимать.

Вроде, зарница, как зарница, думал Саша. Ему так и не удалось поучаствовать в ней в пионерлагере, но был премного наслышан. Мечта всех старших отрядов. Легенды рассказывали. В прошлом году была зарница, в прошлой смене, в соседнем лагере. И все никак.

Потом став взрослым, Саша узнал, что зарницу проводили в рамках так называемого «патриотического воспитания», что вызывало у Саши стойкий рвотный рефлекс. Но тогда тринадцатилетним шкетом он вполне разделял народные чувства.

Ну, ролевая игра, и ролевая игра в конце концов.

Если без советской пропаганды — совсем хорошо. Конечно «За, веру, царя и отечество» звучит не так прекрасно, как «За вашу и нашу свободу», но уж гораздо лучше, чем «Служу Советскому Союзу».

Но пока господа генералы обсуждали топографическую съемку местности, маршрутовку и обучение стрельбе.

Терпимо было только последнее. Первого Саша не знал, а второе ненавидел.

В результате с топографической съемкой оказалось не так плохо, ибо рядом был Никса. Получалось коряво, что Саша компенсировал хорошей памятью и наблюдательностью.

Со стрельбой сложнее. Саша думал, что с удовольствием вспомнит молодость. Всегда с трудом проходил мимо тира. А как-то показывал класс на десятилетия дочери на игровом автомате в каком-то ТЦ, выбив почти максимум из возможных виртуальных целей. Ну, что там нужно для «пальбы»? Хорошее зрение да выдержка. У него почти до 50-ти была единица.

Новое молодое тело тоже обещало не подвести. Прежний хозяин не особенно любил читать, так что с глазами было все в порядке. Близорукости скорее следовало ожидать от Никсы.

При воспоминании о дочери сердце защемило. Она, словно, осталась где-то на другой планете: ни в телеграме не напишешь, ни фотками не обменяешься. Вот, Анюта, наш Фермерский дворец, вот Никса, а это Гогель и Зиновьев. Вот это серебряное утро и ранс пожелтевшая листва... И осенние хризантемы.

Как у вас там, в будущем? Какие новости? Мир?

Стрельбы начались в три пополудни.

Гогель выдал ему тяжелое, как у Никсы, ружье и патронную сумку: черную с двуглавым орлом. И показал, как закрепить на поясе.

Сумка содержала свернутые в цилиндры бумажки, которые Саша опознал, как емкости с расфасованным порохом, и коробочку с мелкими штуками, до боли напоминавшими пульки для пневматики, но желтыми. Латунь?

Погода была вполне: солнышко и нет ветра. Голубое небо, воздух пахнет соснами.

У леса, метрах в тридцати: собранные из досок мишени. Высотой под два метра и шириной метра в полтора. На них разноцветные круги, обозначающие голову, грудь, пояс, колени и ноги человека.

Никса, слава богу, тут.

— И как это заряжать? — поинтересовался Саша.

— Проверил нет ли пули? — спросил брат.

Саша посмотрел с недоумением.

Никса вздохнул и отобрал винтовку.

Повернул дулом вверх. Вытащил шомпол из-под ствола. Поставил оружие прикладом на землю и запустил шомпол в дуло.

— Саш, совсем не помнишь?

— Не-ет.

— Надо сначала проверить, что винтовка не заряжена. Видишь, метка на шомполе? До нее проходит, значит все нормально.

Никса извлек шомпол обратно на свет божий.

— Давай патрон!

— Патрон?

— О, господи! А что у тебя в патронной сумке?

Саша открыл сумку и уставился на бумажки.

— Правильно, правильно! — обнадежил брат. — Давай сюда!

— Они бумажные, — констатировал Саша.

— Бумажные, конечно. А какие же еще?

— Металлические.

— Где-то я о таких слышал, — проговорил Никса. — Только видеть не приходилось. С бумажным понимаешь, что делать?

— В дуло вставлять... наверное.

— Не совсем, — сказал Николай.

Поднес патрон ко рту и откусил от него кусочек.

— Порох сам засыплешь?

Порох ожидаемо оказался внутри патрона.

— А куда? — спросил Саша.

— Саш! Ну, в дуло же!

И засыпал порох в дуло.

— Боже мой! — воскликнул Саша. — Она что с дула заряжается?

— Конечно. А как еще?

— С казны.

— У нас пока такие.

— Ты, вроде, сказал «винтовка»...

Для Саши было неким откровением, что винтовки могут заряжаться с дула.

— Бумажку выбрасываем? — спросил Саша.

— Бумажку не выбрасываем, — вздохнул Никса. — Это пыж. И внутри пуля.

— Дай посмотреть, — попросил Саша.

Никса вытряс ее на ладонь.

Пуля была занятная. Действительно с нарезкой и глубокой выемкой с задней части, как у бутылки хорошего вина.

Свинец был чем-то смазан.

— Пуля Минье, — прокомментировал Никса. — Дедушка ее усовершенствовал. Его вариант гораздо лучше, но его пока не приняли на вооружение. Пока испытания, пока что...

— Я не ослышался? Ты хочешь сказать, что не смогли внедрить царское изобретение? За три года!

— Больше, — усмехнулся Никса. — Именно так у нас все и запущено.

Перспективы велосипеда показались Саше совсем туманными.

Брат завернул пулю обратно в прокусанную бумагу, которую смял и загнал в дуло.

Пуля была уже канала ствола и вошла в дуло свободно. Никса дослал ее шомполом.

— Видишь отметка? — спросил он. — Вот до этой отметки. Иначе между порохом и пулей будет зазор, и ствол может разорвать.

И дождал дальше с видимым усилием.

— Никса, а как же нарезка? Как пуля туда входит?

— Очень просто. От давления во время выстрела пуля расширяется и потом идет по нарезке.

Николай вынул шомпол и загнал его обратно под ствол.

— Курок взводить умеешь? — поинтересовался он.

— Ну, ей Богу! — возмутился Саша. — Естественно!

— Ладно, — с сомнением сказал Никса.

И вручил винтовку Саше.

Саша взвел курок, поднял ружье к плечу и прицелился.

— Погоди! — остановил Никса. — Ты кое-что забыл.

— Что?

— Капсюль, — сказал Никса.

Саша всегда думал, что капсюль — это задняя часть патрона.

Николай вздохнул.

— Давай обратно! У тебя должна быть коробка с капсюлями в патронной сумке.

— Желтые такие? — догадался Саша.

— Угу!

— Посмотрю я на тебя, как ты мне будешь теорему Коши доказывать! — буркнул Саша.

— Ничего справлюсь, — самоуверенно заявил Никса.

Саша вынул коробочку с фитюльками, похожими на пули для пневматики. Открыл. Достал миниатюрную желтую штуку.

— Давай! — сказал брат.

И подставил ладонь.

Миниатюрный «наперсток» лег на нее и вспыхнул на солнце.

Никса надел деталь на ту самую маленькую трубочку под курком, назначение которой оставалось для Саши загадкой.

— Это капсюль, — сказал брат. — Без него не выстрелит. А надевают его на брандтрубку.

И вернул Саше ружье.

— Целить умеешь?

— Естественно, — сказал Саша. — Не учи ученого.

Никса с сомнением покачал головой.

— Куда стрелять? — поинтересовался Саша. — В голову?

— В грудь для начала. Хотя бы.

Саша поднял ружье. Штык упорно тянул ствол к земле, мешая прицеливаться.

Пришлось взять выше и только тогда стрелять.

Пошли к мишени.

— Я думал, что будет хуже, — заметил Никса.

— Куда уж! — вздохнул Саша.

Вместо груди пуля попала нарисованному человеку над головой.

— Очень высоко взял, — сказал брат.

— Штык. Может без него попробовать?

— Без него только в тире. Ладно, хоть в мишень попал.

— Я просто не привык к отдаче.

— Сильная?

— Скорее наоборот.

Второй раз Саша заряжал сам. Естественно под чутким руководством брата.

— К заря-ду! — скомандовал Никса. — Вынимай па-трон! Скуси па-трон!

Саша поднес бумажный патрон ко рту и оторвал зубами кусочек. Зажал отверстие большим и указательным пальцем.

— Патрон — в дуло! — продолжил Никса.

— Порох засыпать?

— Ну, конечно!

Саша поставил ружье дулом вверх и попытался высыпать порох из бумажки.

— Держи вертикально! — сказал Никса. — Порох должен ровно лечь.

Саша старательно поставил вертикально.

— Только не себе в лицо, — поправил брат. — Дуло должно приходиться против середины груди и быть отклонено на четверть аршина вперед.

Саша слегка подвис, пытаясь вспомнить, сколько сантиметров в аршине.

Николай пришел на помощь и отклонил ствол.

Наконец, порох был засыпан. Бумажка смята, пуля отправлена в ствол.

— За шом-пол! — скомандовал Никса. — Бей!

И Саша дослал пулю шомполом.

— В — лож! — сказал Николай.

— Что?

— Саш, шомпол в ложу.

— А!

И Саша убрал шомпол под ствол.

— Надевай ка-псюль! — подсказал Никса.

Сразу бы так!

И Саша полез за капсюлем.

— По уставу надо сначала взвести курок, а потом лезть в сумку, — заметил брат.

— Какая разница!

— Устав кровью пишется.

— А то я не знаю!

— Взведи ку-рок! — скомандовал Никса.

Саша исполнил.

— Вот теперь: вынимай ка-псюль! — сказал Никса.

Саша вынул капсюль и надел на стержень.

— Накрой ка-псюль! — продолжил Николай.

И Саша осторожно опустил курок на трубку.

— Теперь все? — с надеждой спросил он.

— Да, целься.

— Так жить нельзя! — сказал Саша.

И прицелился.

Второй выстрел выдался лучше первого: пояс вместо груди. Зато в центре.

— Делаешь успехи, — оценил Никса.

— Сейчас, сейчас, немного приду в себя от вида покусанных патронов.

Николай зарядил, наконец, свою винтовку. Секунд этак за тридцать. И показал класс, попав в грудь, прямо в яблочко.

— Пока ты пять минут заряжаешь, тебя десять раз убьют, — заметил он.

— Техника ни к черту! — возразил Саша. — Я что-нибудь придумаю.

Мысль о том, что он не первый изобретатель в семье, несколько согревала душу.

В себя он пришел уже к вечеру, когда смог сократить время зарядания минут до двух и выбить восьмерку в голове мишени.

Вечером заповедь папá о зависти подверглась еще одному испытанию.

Собственно, выяснилось, что ночевать они будут в Фермерском дворце.

— Это как, Григорий Федорович? — спросил Саша Гогеля. — И как после этого

устроить так, чтобы нам не завидовали? В общем, я никуда не поеду.

Честно говоря, все было ровно наоборот. Саша, конечно, человек взрослый, но Никса бы точно позавидовал оставшимся в лагере.

Гогель несколько опешил и позвал на помощь Зиновьева.

— Кадеты будут спать в холодных палатках, а мы, значит, во дворце? — поинтересовался Саша. — И как мы при этом будем примером для русской армии?

Честно говоря, судя по жаркому закату, ночь обещала быть довольно теплой. Даже для Никсы.

— Это желание государыни, — сказал Зиновьев.

Понятно, мамá...

— Можно спросить государя, — предложил Гогель.

— Дергать папá из-за такой ерунды! — вздохнул Саша. — Неужели без него нельзя решить? Жизнь цесаревича драгоценна в отличие от моей, так что давайте компромисс: я остаюсь, а Никса уезжает. Думаю, и мамá это вполне устроит.

— Хорошо, я пошлю записку государю, — сказал Зиновьев.

Саша прикинул, что лакей доставит ее максимум за полчаса. Так что шансы были.

Не успел уйти лакей, как возник Никса.

— Александр Александрович хочет остаться, — тут же выдал Гогель.

— Так, — сказал Никса.

— Я тебя не агитирую, — объяснил Саша. — Тебе, возможно, действительно лучше уехать на ночь. И мамá так будет спокойней.

— То есть я уеду, а ты останешься? — спросил Никса. — Не надейся!

— Николай Васильевич! — сказал Никса. — Мне папа рассказывал, как он на таких же сборах спал на соломе у костра, а его воспитатель Мердер дремал рядом на раскладном стуле. И папа было тогда столько же, сколько Саше, даже не мне. Почему если он мог, мы не можем? В палатках! Не на соломе. Меня бы не смутила и солома, но не могу же я вас заставить спать на раскладном стульчике.

— Послали уже лакея, — вздохнул Зиновьев.

Саше казалось, что звучит «The Final countdown» — мелодия его юности, и Джоуи Темпест с надрывом поет о старте к Венере и бегаёт по сцене, вращая микрофоном на штативе, словно это двуручный меч. Саше всегда казалось, что Рагнарёк больше соответствует этой музыке, чем прощание астронавтов с нежно любимой Землей.

— Александр Александрович! — услышал он голос Гогеля. — Пора вставать.

И «The Final countdown» превратился в военный марш с рожком и барабанным боем.

— Повестка, — прокомментировал Григорий Федорович. — Надо идти на молитву.

И Саша вспомнил, как вчера они с Никсой выбили себя право остаться. Папá дал свое высочайшее разрешение, причем даже без особого сопротивления.

Некоторый укол совести он по этому поводу почувствовал. Впрочем, даже не укол, а рефлексию. Что собственно важнее: не уронить престиж царских детей, или не простудить Никсу. Впрочем, вроде, тепло. Тем более в палатке.

Тоже мне моральный выбор! То ли еще будет!

День был посвящен стрельбам и немного маневрам. Особой эквилибристикой оказалось зарядание ружья из положения лежа. Ствол каким-то образом надо было поднять над собой и еще ухитриться пихнуть туда пулю и догнать ее шомполом.

Зато «жечь костры, валяться на траве и замышлять недоброе» Саша никогда не был

против.

Вечером действительно состоялся костер, правда, не ночью, а на закате.

В компании кадетов, которые тут же просветили, что картошка в мундире — это исконное кадетское изобретение.

Оранжевое солнце падало на закат, просвечивая между листвой, разливаясь между ветвями расплавленным золотом и подсвечивая кромку облаков. Воздух был влажен и свеж. Жарко пылал огонь. Пахло скошенной травой, хвоей и дымом. И Саша невольно вспомнил Визбора: про «солнышко лесное».

Кадет выпускного класса в чине унтер-офицера Дмитрий Скалон, сидя на бревнышке и перебрасывая горячую картофелину между ладонями, рассказывал о тяжком кадетском житье.

— Остроградский — зверь, — вещал он. — Дает задачи настолько замысловатые, что никто не может решить, «неудовлетворительно» поставить для него ничего не стоит, режет всех немилосердно. Отчитывает не только учеников, но и учителей. Громовым голосом. На весь корпус. На экзамене я вылез только на том, что меня вызвали по механике, попалась работа пара, если бы что-то из математики — точно бы завалил. Но и на работу была жуткая задача, на страницу пришлось расписывать.

— Работа пара? — переспросил Саша. — А что там расписывать на страницу? Какой был процесс?

Скалон завис и смешался.

— Изотермический? — предположил Саша. — Он ведь при ста градусах, наверное.

— Вроде, да, — кивнул кадет.

— Ну, и чего? Выражаем давление из уравнения Менделеева-Клапейрона и интегрируем под гиперболой. Натуральный логарифм. Строчки на три решение.

Никса усмехнулся.

— Вы не понимаете, на кого нарвались, господин унтер-офицер.

— Я никогда не слышал об уравнении Менделеева-Клапейрона, — сказал Скалон. — Нам его не рассказывали.

— Жаль, — сказал Саша. — Видимо подготовка по физике оставляет желать лучшего. А можно мне задачки Остроградского достать, чтобы порешать на досуге? А то не все же по целям палить!

— Да, — сказал Скалон.

— Но лекции у него ужасные, — вмешался другой кадет по фамилии Мамонтов. — Он увлекается, и в середине лекции может забыть про доску и начать просто проговаривать формулы — и делай, что хочешь.

— И перепутать губку с носовым платком, — добавил Скалон.

— И говорят, что, когда он возвращается в свое имение в Полтавской губернии, становится совершенным хохлом, даже говорит по-малороссийски.

— Да он и так хохол хохлом, — хмыкнул Мамонтов. — Даром, что петербургский сановник.

Саша поморщился.

— Все-таки меня бесит желание на любом солнце найти пятна. Этот хохол, тот жид, а иной, может, вообще черт косоглазый. А я, знаете, счастлив тем, что в одно время живу с такими людьми, как Остроградский. Что хожу с ними по одной земле!

— Саша, — улыбнулся Никса, — не испепеляй Мамонтова взглядом, а то его папá нас

не поймет, когда мы вернем ему горстку пепла. Мне как запретить потом страшное слово «хохол»? А как же свобода слова?

— Я обещал папа не пересказывать американскую конституцию, — заметил Саша. — Впрочем свобода слова и в «Декларации прав человека и гражданина есть». А она французская, и про нее уговора не было. Конечно, свобода слова. Испепелять взглядом можно, припечатывать словом можно, затыкать рот — нельзя.

— А знаете, какие сочинения нам сдавать зимой? — перешел на другую тему Скалон. — По истории: «Борьба императора Генриха IV с папой Григорием VII», по законоведению: «Историческое развитие законодательной власти в России», по военной истории: «Трехдневный бой под Красным», по литературе: «Влияние Буало на литературу европейских народов».

— Круто! — оценил Саша.

Честно говоря, он смутно представлял себе, кто такой Буало.

— Ну, про законодательную власть я, может еще напишу, — сказал он. — Хотя, какая в России законодательная власть, если она не отделена от двух прочих?

— Са-аша! — протянул Никса.

— Никса, — сказал Саша, — это не американская конституция, про разделение властей у Монтескье есть.

— Ты столько раз помянул американскую конституцию, что они теперь сами прочитают, — сказал брат.

— Конечно. Чего и добиваюсь.

— У нас последний «Колокол» ходит по рукам... — вполголоса сказал Скалон. — Но я не скажу, кто принес.

— А я не буду спрашивать, — улыбнулся Саша. — Мне в четверг на стол легли сразу три. Но я не скажу, кто прислал. Никса, ты ведь тоже не будешь спрашивать?

— «Не мне их судить», — процитировал Никса.

— Но «К Элизе» не сыграю, — сказал Саша. — Фортепьяно нужно.

— Гитара есть, — сказал Никса.

— Это для песенок, и чуть позже.

Саша достал палкой картофелину из костра и положил в траву остывать.

— Голодный менестрель — плохой менестрель, — прокомментировал он.

— А правда, что Великих князей не учат латыни? — спросил Скалон.

— Правда, — кивнул Никса. — Дедушка запретил.

— Завидую, — признался Скалон.

— Все, — усмехнулся Саша. — Просим у папа латынь. Чтобы не завидовали.

— Я тебе попрошу! — сказал Никса.

Из «песенок» до отбоя Саша успел спеть только одну. Но обойтись без нее было никак нельзя. Ибо ролевой гимн:

*Средь оплывших свечей и вечерних молитв,
Средь военных трофеев и мирных костров
Жили книжные дети, не знавшие битв,
Изнывая от мелких своих катастроф.*

Детям вечно досаден

*Их возраст и быт —
И дрались мы до ссадин,
До смертных обид,
Но одежды латали
Нам матери в срок,
Мы же книги глотали,
Пьянея от строк...*

*Липли волосы нам на вспотевшие лбы,
И сосало под ложечкой сладко от фраз,
И кружил наши головы запах борьбы,
Со страниц пожелтевших слетая на нас.*

*И пытались постичь
Мы, не знавшие войн,
За воинственный клич
Принимавшие вой, —
Тайну слова «приказ»,
Назначенье границ,
Смысл атаки и лязг
Боевых колесниц...*

*Только в грёзы нельзя насовсем убежать:
Краткий век у забав — столько боли вокруг!
Попытайся ладони у мёртвых разжать
И оружие принять из натруженных рук.*

*Испытай, завладев
Ещё тёплым мечом
И доспехи надев, —
Что почём, что почём!
Разберись, кто ты: трус
Иль избранник судьбы,
И попробуй на вкус
Настоящей борьбы.*

*И когда рядом рухнет израненный друг
И над первой потерей ты взвоешь, скорбя,
И когда ты без кожи останешься вдруг
Оттого, что убили его — не тебя, —*

*Ты поймёшь, что узнал,
Отличил, отыскал
По оскалу забрал —
Это смерти оскал!*

*Ложь и зло — погляди,
Как их лица грубы,
И всегда позади
Вороньё и гробы!*

*Если мяса с ножа
Ты не ел ни куска,
Если руки сложа
Наблюдал свысока,
И в борьбу не вступил
С подлецом, с палачом, —
Значит, в жизни ты был
Ни при чём, ни при чём!*

*Если путь прорубая отцовским мечом,
Ты солёные слёзы на ус намотал,
Если в жарком бою испытал что почём, —
Значит, нужные книги ты в детстве читал!*

— Здорово! — сказал Скалон. — Ваше? Просто очень не похоже на остальное.

— Остальное уже в народ пошло? — поинтересовался Саша.

— Многое, — сказал Скалон.

— Конечно не мое, — вздохнул Саша. — Был такой Высоцкий. Это «Баллада о борьбе».

— А! — подключился Мамонтов. — Кажется что-то слышал. Гитарист, играл на семиструнке. Михаил Тимофеевич Высотский. Только он выходец из крепостных, образования не получил, хотя и с успехом давал концерты. И умер, не дожив до пятидесяти, потому что спился. Но у него больше про «Во саду ли, в огороде». «Жили книжные дети, не знавшие битв, изнывая от мелких своих катастроф», — это крестьянин писал?

— «Лязг боевых колесниц» — особенно по-крестьянски, да, — заметил Скалон.

— Зато «но одежду латали нам матери в срок», — возразил Саша.

— Автор — человек не богатый, но образованный, — предположил Скалон. — Может, из попов. Или из обедневших дворян. Но не из крестьян.

— И вы играете на испанской гитаре, на шестиструнной, Ваше Высочество.

— Это переложить можно, — сказал Саша. — Оригинал действительно был написан для семиструнной. Но думаю, что это другой Высоцкий. Может быть, менее известный. Звали его Владимир Семенович и был он из военного сословия. Точно помню, что отец его был офицер и воевал. То ли в Венгерскую кампанию, то ли в Русско-турецкую.

— Да, — согласился Мамонтов. — Это больше похоже.

— Но умер действительно от водки, — продолжил Саша. — В сорок лет с хвостиком. Просто один к одному. С творческими людьми это бывает.

— Саша, — сказал Никса, — давай ты свои песни будешь сначала мне петь.

— А что не так? — удивился Саша.

— «Если руки сложа наблюдал свысока, и в борьбу не вступил с подлецом, с палачом» можно понять по-разному. Как бы папá не усмотрел в этом что-то не то...

— Ты хочешь стать моим личным цензором?

— Есть возражения?

— Никаких! Будешь первым слушателем.

Вся эта военная романтика постепенно начинала увлекать. Раньше Саша думал, что иммунен. Маршировка, правда, бесила по-прежнему, зато со стрельбой было уже почти прилично. Только плечи от пятикилограммовой винтовки болели, конечно.

Это как пересесть с автомата обратно на механику. Первые три дня материшься. А потом ничего, привыкаешь. Дорога есть дорога, и принципы вождения не меняются.

Правда, там в будущем, на механику он не садился уже лет двадцать, так что метафора была чисто умозрительной.

Они с Никсой состояли во второй мушкетерской роте, которой брат как бы командовал. Но Зиновьев всегда был рядом. Гогель, понятно, тоже.

Во время ночных маневров наступали в рассыпном строю, стреляли холостыми, вели осадные работы и даже штурмовали крепость, которая живо напомнила Саша донжон, выстроенный из вполне серьезных бревен на игре по Альбигойским войнам в 1995-м году.

Против них действовал второй кадетский корпус.

В лагерь возвращались под утро.

Как-то Саша заметил иней на траве. Близился сентябрь, и температура упала почти до нуля.

Господа генералы упали без сил и заснули в палатках, все-таки возраст, а Саше что-то не спалось, и он вышел к костру и сел на бревнышко.

Под белеющей золой еще сияли, переливались и вспыхивали догорающие угли.

Небо уже светлело, и гасли звезды.

Было холодно, он пошевелил палкой пепел и встал, чтобы добавить дров. Нашел пару поленьев. Сложил домиком веточки и раздул огонь. Сразу стало теплее.

Сел и вытянул ноги к костру.

За спиной послышались шаги. Он обернулся.

К костру шел Никса.

— Ты что, железный? — спросил он.

— А ты?

— Мне нехорошо что-то...

— Плохо себя чувствуешь?

— Да ладно, пустое. Ты-то что здесь делаешь?

— Думаю, — сказал Саша.

— Да, это взрывоопасно, — вздохнул цесаревич, садясь рядом.

— Понимаешь, это все замечательно, — сказал Саша. — Духоподъемные мелодии, военное братство, осады крепостей, маневры, стрельба в цель. Погоны с вензелем папá на плечах. То, что с вензелем папá — прямо супер!

— Ты таким тоном говоришь... — заметил Никса.

— Да, таким тоном. Это все прекрасно, если забыть для чего. Не подумай, что у меня в душе натянуты другие струны. Все тоже самое. Утренняя заря, вечерняя заря, барабанный бой, военный рожок, четкий шаг, поворот, на плечо, и знамена красиво развиваются по ветру.

Только все это ради войны, то есть ради убийств, сожженных деревень, разрушенных городов, добычи мародеров и изнасилованных девчонок, младше нас с тобой Никса.

— Русская армия не делает того, о чем ты говоришь, — сказал Никса. — Мы не ведем захватнических войн.

— Да? Ну, конечно! То-то я наизусть письмо Александра Павловича учил. Прокругление границ и наращивание территории. Учил ради французского, а и на русском вызубрить стоило. Спасибо отважному Модесту Корфу, что напечатал. Так вот уважаемый дедушкин брат, придя к власти, стал делать все тоже самое, едва ли не больше, чем предшественники, и границы уже такие круглые, что дальше некуда.

— Что тебя возмущает?

— Понимаешь, Никса, нет армий оккупантов и захватнических войн. Армии делятся на три типа: армии освободителей, армии спасителей и армии защитников. А все остальное — поклеп врагов. И войны бывают освободительные, оборонительные и специальные спасательные операции. А все прочее: клевета тех, от кого спасаем. А иногда и кого спасаем.

— Армия Наполеона была освободительной?

— Умница Никса, схватываешь на лету. Конечно освободительной, ты что не знал? Великая армия французов несла свободу по всему миру, а по дороге даже отдельным счастливым выдавала конституции, Испании, например. А кончилось это тем, что великая освободительная армия европейских держав под предводительством царя царей Александра Павловича спасла Париж от орд презренного корсиканского узурпатора. Я правильно излагаю?

— Как ты так можешь? Сначала с одной точки зрения, а потом сразу с другой.

— Учись, пока я жив, — сказал Саша. — В жизни пригодится. Но суть не в этом. Для того, чтобы увидеть суть надо подняться куда-то в облака к Господу, а не государю. А увидим мы, что война противна человеческой природе, как противно ей насилие, грязь и кровь. Как противна ей смерть, запах пепелища и трупный смрад. Человек любит спать и жрать, любит семью свою и дом, и добро свое, нажитое непосильным трудом, верной службой или изворотливой торговлей. Только в нем еще есть искра божия, что освящает все. И чтобы примирить его с войной нужна именно она — эта самая искра, нужно великое моральное оправдание, великая цель, великая жертва. И тогда все остальное зайдет: и грязь, и кровь, и запах смерти. И для этого музыка, стяги, братство и молитвы. И кадящий смерти полковой поп.

— Ты хочешь сказать, что моральное оправдание обман?

— Обман, конечно.

— А если на нас нападут? Что будем делать без армии?

— Да кто полезет на такую махину? Наполеоны повывелись.

— Откуда ты знаешь? Один до сих пор у власти.

— Ладно, не повывелись. Я и не предлагаю тебе армию распустить. Просто не увлекаться округлением границ. Кого мы там на Кавказе освобождаем?

— Защищаем. Русских от набегов местных диких племен.

— Понятно, а дикие племена, что по этому поводу думают?

— Не знаю. Знаю, что делают: убивают русских, захватывают в плен и обращают в рабов.

— Ладно, надо изучать вопрос. А в Средней Азии мы кого от кого освобождаем?

— наших пленников. Там тысячи русских рабов, в Бухаре до сих пор невольничий рынок.

— Как они туда попадают?

— С приграничной линии Сибирской и Оренбургской губерний. Пленных захватывают из станиц и деревень: крестьян, рыбаков, солдат, казаков.

— А миром дело решить? Выкупить?

— Нет, Саша. Никому еще не удалось с ними об этом договориться. Надежда только на силу оружия. Наш граф Перовский, генерал-губернатор Оренбургской губернии, принимал все это близко к сердцу. В Отечественную войну в плену у французов его чуть не расстреляли. Так что каждый раз посылал казачьи разъезды и конные команды преследовать похитителей. Но ничего не помогало. Они возвращали сотню пленных и захватывали вдвое больше. Тогда терпение его кончилось, и он решил захватить Хиву и сменить там хана. Дедушка поддержал. И тогда, в результате похода, удалось вернуть четыре сотни человек. Для их встречи на берегу Урала были накрыты роскошные столы, и каждого из невольников граф встречал сам в парадной форме и, расцеловав, усаживал за стол.

— Очень красиво! — сказал Саша. — А сколько наших погибло в походе?

— Больше, — признался Никса.

— Во сколько раз?

— Саша! Ну, это же не арифметика! Это про твою любимую свободу. И это не все. Мы несем культуру азиатским народам. Ты же не считаешь их культуру равной европейской. Кто говорил, что свет с Запада?

— Свет с Запада, — сказал Саша. — И да, как не странно, мы для них Запад. Несем цивилизацию. Бремя белых, понимаю. Да, я не считаю «Коран» равным Евангелию, адат законам, а шариат — конституции, но культуру не приносят на штыках. Точнее принести-то можно, но ее скорее возненавидят, чем ей проникнутся. Мы все равно не ассимилируем народы других культур.

— Туда сейчас лезут англичане. Не мы — так они.

— В Афганистан лезут?

— Да.

— Они там увязнут, если попытаются оккупировать. Эту страну еще никому не удавалось захватить. А нам там делать нечего.

— Была резня англичан в Кабуле. Они убили английского посланника и пронесли голову по всему городу.

— Очень на них похоже. Когда это было?

— В 1841-м. Потом была резня по всему Афганистану.

— А англичане?

— Собрались с силами, снова взяли Кабул, но не остались там. Заключили мирный договор с эмиром.

— Может так и надо? Не пытаться оккупировать, а договориться. Не удержим мы их все равно.

— Хорошо, что папá этого не слышит, — заметил Никса.

— Папа у нас почти замечательный. Ну тормозит немного, ну, пребывает в плену стереотипов, ну не просекает исторических закономерностей, ну, видит не слишком далеко вперед. Но всё-таки не совсем слеп. И про войну все поймет, если ввяжется в большую. Насмотрится на раненых в госпиталях, услышит их стоны, увидит мертвых на полях сражений — и все поймет. Но будет поздно. Поймет. Но не переживет.

— Когда ты пророчествуешь, становится страшно, — сказал Никса.

— Ну, так! — хмыкнул Саша. — Не зря же пророков убивали, Истина — не самая приятная вещь.

Николай закашлялся.

— Так! — сказал Саша.

— Да все в порядке.

— Для кого-то, может, и в порядке. Здесь вино можно достать?

— Не ожидал от тебя.

— Можно подумать, здесь есть нормальные лекарства!

— Вино — это к Мамонтову, — сказал Никса.

— Ага! Значит, не я первый.

Черноглазого живого кадетика, который обзывал Остроградского «хохлом» Саша нашел во время обеда.

— Будет сделано, Ваше Высочество, — сказал он. — Какое?

— Красное. Тихое. Да хоть молдавское.

— Ваше Высочество, вы уверены?

— Уверен. Это кошунство из французского глинтвейн варить. Чем хуже вино, тем лучше из него глинт. Главное уложиться в пять рублей.

— Сколько бутылок?

— Вообще это для цесаревича. Но, чтобы никому не было обидно, штук пять. Уложимся?

— С молдавским уложимся.

И Саша дал себе зарок дома проверить цены по табличке Гогеля. И с ними честность кадета Мамонтова.

— Еще нужны пряности, — добавил Саша. — Черный перец, корица и гвоздика. И сахар или мед.

— Найду, — сказал Мамонтов.

И Саша отсчитал деньги, с тоской осознав, что всех сбережений осталось 90 копеек.

— Как бы нам сделать так, чтобы до Гогеля с Зиновьевым не дошло...

— Второй кадетский корпус, — улыбнулся Мамонтов.

— Гениально! Условный противник.

И Саше вспомнились байки о том, как во время гражданской войны в США враги по вечерам устраивали совместные посиделки, а утром вставали и шли сражаться друг с другом

дальше.

Никса пил чай третий раз за день и выглядел, вроде, получше. Малиновое варенье Саша выпросил лично (то бишь через лакея) у кухарки Фермерского дворца. Оно ужасно пахло медом, который Саша терпеть не мог, но вкус имело вполне привычный.

Народный рецепт, похоже, работал.

После ночных маневров кадетам дали отдохнуть, и Никсе не надо было идти на стрельбы или на плац. Лагерь подходил к концу, и было понятно, что запланированные винные посиделки — это в общем прощальное мероприятие.

— Ну, как? Готов поработать моим цензором? — спросил Саша.

И потянулся за гитарой.

— Давай! — сказал Никса, отпивая чай.

Гогель с Зиновьевым в очередной раз вышли покурить, так что Саша понадеялся, что премьера песни обойдется без лишних слушателей. В употреблении воспитателями «смердящего зелья» Саша находил все больше положительных моментов.

«Трубач» Щербакова там в будущем всегда был в его репертуаре, так что аккорды он вспомнил без труда, успел напеть в одиночестве еще до обеда и теперь начал вполголоса:

*Ах, ну почему наши дела так унылы?
Как вольно дышать мы бы с тобою могли!
Но — где-то опять некие грозные силы
Бьют по небесам из артиллерий Земли...*

На «вольно дышать» Никса слегка приподнял брови, но не более того.

И Саша продолжил.

Куплет про то, что «небо не ранишь мечом» прошел без эксцессов.

Но потом было:

*Ах, я бы не клял этот удел окаянный,
Но — ты посмотри, как выезжает на плац
Он, наш командир, наш генерал безымянный,
Ах, этот палач, этот подлец и паяц!*

Никса нахмурился.

— Мне прекратить? — спросил Саша.

— Нет, я хочу до конца дослушать.

— Я просто подумал, что это же абстрактно, про власть вообще, не сказано же про кого.

— Мелодия хорошая, — сказал Николай. — Продолжай.

Саша продолжил:

*Брось! Он ни хулы, ни похвалы не достоин.
Да, он на коне, только не стоит спешить.
Он не Бонапарт, он даже вовсе не воин,
Он — лишь человек, что же он волен решить?*

Никса стерпел. На «невозмутимом, как Юпитер, одиноком трубаче» даже заулыбался. И Саша пропел:

*Я ни от чего, ни от кого не завишу.
Встань, делай как я, ни от кого не завись!*

— Гм... — сказал Никса.

И Саша сделал паузу.

— Все? — спросил брат. — Это конец?

— Нет.

— Так заканчивай, если начал.

Саша кивнул и допел:

*И, что бы ни плёл, куда бы ни вёл воевода,
Жди, сколько воды, сколько беды утечёт.
Знай, всё победят только лишь честь и свобода.
Да, только они, всё остальное — не в счёт...*

— Концовка хорошая, — сказал Никса, отпивая дымящийся чай.

— Можно?

— Я еще не решил. Давай еще раз.

Саша исполнил на бис.

— Саш, не надо это петь, — выдал Николай экспертное заключение.

— Цензура — зло, — сказал Саша.

— Тираны они такие, — усмехнулся Никса.

— Знаешь, есть теория, что внешнее давление только помогает литературе, чем темнее годы — тем выше ее полет. Так вот: это полная ерунда!

— Дедушку многие ругают за цензуру, но ведь Пушкин, Лермонтов, Гоголь...

— Лучшие вещи Пушкина «Колокол» напечатал.

— Не лучшие, просто самые крамольные. А «Ревизора» дедушка отстоял, он был на грани запрета.

— Угу! Царю пришлось вмешиваться.

— При папá свободнее.

— И вот сейчас будет бум! Не три автора — целая россыпь шедевров.

— Ты сам согласился на мою цензуру.

— Я не против твоей цензуры, я против цензуры вообще.

Сашу всегда удивляло, почему наибольшая концентрация шедевров Серебряного века приходится буквально на три года: 1905-1907-й. И вдруг стало совершенно понятно. Манифест же! 17 октября. Свобода!

Казалось бы, какая связь между манифестом и «Жирафом» или «Незнакомкой». Куда уж аполитичнее! А самая прямая: просто другое состояние души.

Еще что-то появлялось до 1917-го, несмотря на некоторый откат назад в политике: «Бессонница, Гомер...», «В ресторане».

А в 1918-м большевики все закатали под асфальт, уже в январе закрыв больше сотни газет. И кончился Серебряный век.

— Ладно, — сказал Саша. — Как скажешь. А то я надеялся, что ты мне на трубе подыграешь. У тебя твой корнет здесь?

— Нет, в Сосновом доме, но я могу за ним послать.

— Тебе не полезно сейчас, наверное. Когда выздоровеешь.

— Я прекрасно себя чувствую.

— Может, тогда отменим вечеринку?

— Это почему?

— Потому что у нее цель чисто медицинская.

— Не отменим. Чтобы уж наверняка.

Корнет прибыл в течение часа.

Он представлял собой свернутую несколько раз медную трубу с клапанами и пистонами. И был, пожалуй, красив.

Никса попытался наиграть что-то военное. И обошелся без кашля, что несколько успокаивало.

— Знаешь, — сказал Саша. — Я вспомнил классную мелодию без слов, может цензура пропустит.

И напел начало из «The Final countdown»:

— Ту-ту-ту! Ту! Ту-ту-ту! Ту-ту-ту-ту!

Никса довольно неуверенно и не без фальши, но повторил. Прозвучало не так конечно, как на синтезаторе, но тоже ничего.

— А что за мелодия? — спросил он.

— Шведская, кажется. Про Рагнарёк.

Низкие тона корнета очень хорошо подходили к этой версии.

Николай попробовал еще раз, а на третий исполнил вполне терпимо. Но закашлялся.

— Все баста! — сказал Саша. — Глинтвейн тебе, а не корнет.

В девять вечера ударили в колокол, барабанщики пробили вечернюю зарю. На построении кадет Мамонтов оказался прямо за цесаревичем.

— Все готово, Ваше Высочество! — тихо сказал он. — Левый фланг, последняя палатка. Там подлесок. Будем ждать в половине одиннадцатого.

Никса медленно кивнул.

В половине одиннадцатого могло быть уже прохладно, но раньше они бы точно не вырвались из лагеря.

— Дождитесь нас, — не оборачиваясь сказал Саша. — А то мало ли что...

— Не сомневайтесь!

Прозвучала команда:

— Каски долой!

Прочитали «Отче наш».

С флагштока спустили черно-желто-белую «имперку». За время пребывания в лагере Саша уже почти с ней смирился. Не воспринималась она здесь флагом Романовых.

В половине одиннадцатого было уже темно. В небе горели звезды и то и дело вспыхивали росчерки Персеид.

Саша не был вполне уверен в надежности генеральского сна Григория Федоровича Гогеля, однако прихватил гитару, тихонько вышел из палатки и шагнул к палатке Николая.

Брат уже ждал его. С корнетом в фуляре.

У оконечности лагеря их остановил часовой в возрасте Никсы. Но узнал и взял по козырек. О том, что тут делают в такое время Их Высочества, спросить не посмел.

Под прикрытием подлеска их ждал Мамонтов.

Сашу накрыло давно забытым чувством куража от нарушения дурацких запретов. Также они пили с одноклассниками классе этак в восьмом, потом на выпускном в десятом. Правда, было проще. Всегда находился закуток в школьном подвале между покрытыми пылью старыми партами, где можно было употребить принесенный отважным другом коньяк. И всегда все неизменно сходило с рук. Причем крутая 179-я школа в этом отношении ничуть не отличалась от обычной в спальном районе, где он учился первые восемь лет.

Белеющая в чаще тропинка вела куда-то вправо и вниз. Действительно к позициям Второго кадетского корпуса.

Влажный воздух пах грибами и хвоей. Наконец к нему примешался запах костра и, кажется, шашлыка.

Они вышли к огню, и кадеты приветствовали их вставанием, отданием чести и приглушенным «Ура!»

На углях, точнее на железных опорах чуть над ними, действительно жарились самые настоящие шашлыки. А рядом — картошка в мундире. Около костра стоял котелок.

Дмитрий Скалон подал бутылку красного вина. Этикетка, черно-белая, зато с виноградными гроздьями, рогом изобилия и каллиграфической надписью, не мудрствуя лукаво сообщала, что сие есть молдавское красное столовое вино. И мелким шрифтом: знакомое слово «фетяска».

Да, вино было достаточно плохим для хорошего глинтвейна.

И тут до Сашы дошло, что сейчас он попробует то самое дофиллоксерное вино, без ужасного по словам знатоков «лисьего» вкуса.

— Плесните мне немного на пробу, господин Скалон, — попросил Саша.

Вино оказалось самым обычным: фетяска, как фетяска. Наверное, надо было быть профессиональным сомелье, чтобы постичь, что такое «лисий вкус».

Бутылки вылили в котелок, Саша бросил туда несколько шариков черного перца и немного гвоздики. Добавил корицы и меда, повесил на огонь. Запах пошел великолепный.

Дегустация показала, что корицы он, как всегда, переложил. Но народ был доволен.

Занялись шашлыком, который оказался такого вкуса, что Саша решил, что мясо надо готовить исключительно на костре и никак иначе. Впрочем, царских детей едой не особо баловали. Пища всегда была простой и аскетичной.

— Великолепно, — прокомментировал он. — Какой герой замачивал?

— Да есть тут одна мясная лавка в Петергофе, — улыбнулся Мамонтов.

С непривычки публика быстро захмелела.

После второй кружки Никса взялся за корнет и исполнил начало «The Final countdown». Даже довольно прилично.

— Слушай, Саш, — сказал он. — Никогда ничего лучше не пил.

— Я старался! — улыбнулся Саша.

И взял гитару.

Спел «Марию», «Балаган» и «Город золотой».

— «Балладу о борьбе» можно?

— Хорошо, — разрешил Никса.

И принялся за третью кружку.

— Знаешь, спой твоего «Трубача», — сказал он после «Баллады». — Не «Марсельеза», в конце концов.

И Саша спел «Трубача». Потом еще раз. И еще.

Обнаружилось, что песенка Темпеста очень хорошо предваряет «Трубача». А концовка замечательно звучит хором:

*Знай, всё победят только лишь честь и свобода.
Да, только они, всё остальное — не в счёт...*

В лагерь возвращались за полночь и не очень твердым шагом.

— Я тут подумал, когда именно полный текст «Трубача» ляжет на стол к папá, — проговорил Саша.

— Никогда! — беспечно ответил Никса. — Это же кадеты!

— И что?

— Саш, не выдадут. Мне знаешь, какую историю рассказывали? Во время декабристского бунта, когда по бунтовщикам начали стрелять из пушек и среди них появились раненые, некоторые из них попытались скрыться в здании кадетского корпуса. В основном это были солдаты батальона Московского полка. Кадеты разместили раненых по солдатским койкам в казарме, перевязали им раны и накормили едой со своего стола.

Когда построились к ужину, по всему фронту передали шепотом слова: «Пирогов не есть — раненым. Пирогов не есть — раненым...». А на следующий день, пятнадцатого декабря в корпус неожиданно приехал дедушка.

— Значит, кто-то донес, — предположил Саша.

— Не знаю. Но вот, что было дальше. Дедушка был в бешенстве. Вызвал директора корпуса генерал-майора Перского. Сказал, указав на кадет: «Они у вас бунтовщиков кормили!» Тогда Перский ему ответил: «Они так воспитаны, Ваше Величество: драться с неприятелем, но после победы призывать раненых, как своих».

— И что дедушка?

— Гнев его не прошел, но он не сказал более ни слова и уехал.

— А Перский после этого остался директором корпуса?

— Конечно. Он и умер на этой должности.

— Но все-таки кто-то выдал, — вздохнул Саша.

— Саш, это разные вещи. Измена — не песенка про трубача.

Приближался лагерь.

Всю дорогу Никсу пришлось немного поддерживать. Саша предполагал, что с запахом тоже не все ок. Цедру лимона бы пожевать. Но об этом надо было думать заранее. Отобьет ли запах пряностей аромат вина?

Одна надежда на здоровый сон господ воспитателей.

Саша простился с Никсой и приоткрыл полог палатки.

Гогель оглушительно храпел.

Саша нырнул в палатку и прокрался к своей раскладной солдатской кровати. Быстро разделся, сел. Раскладушка предательски скрипнула.

Григорий Федорович перестал храпеть и перевернулся на другой бок.

Саша юркнул под одеяло.

Неужели прокатило? От запаха к утру точно ничего не останется.

Утром его разбудил уже привычный барабанный бой и военный рожок.

— Александр Александрович, пора вставать, — сказал Гогель.

Вроде, ничего не заметил, по крайней мере, ни в чем не упрекнул.

Сегодня планировались сборы и отъезд.

На утреннюю молитву и подъем флага выстроились на плацу. Саша рядом с братом, прямо за ним Дима Скалон. Мамонтова нигде не было.

— Он под арестом, — тихо сказал Скалон.

— Мать! — не оборачиваясь, сказал Саша. — Как попался?

— Когда возвращался в лагерь. Дежурный офицер остановил. Ну, и учуял.

— Больше никто? — спросил Саша.

— Больше никто.

— Что ему грозит?

— Лихонин... — проговорил Скалон.

— Зверь?

— Да.

Было свежо. Подул ветер. «Имперка» взвилась на флагшток, блеснул военный рожок в руках музыканта, солнце скрылось за облаком, и на плац упала тень.

— Что ты задумал? — спросил Никса.

— Ну, что тут думать! — сказал Саша.

Им разрешили разойтись, и он вернулся в палатку.

— Григорий Федорович, как Лихонина по имени-отчеству? — спросил он Гогеля. — Можете напомнить?

— Орест Семенович, — сказал Гогель.

— Мне надо с ним поговорить.

— Что случилось?

— Ничего, долг вежливости.

— Перед отъездом поговорите. Действительно надо будет попрощаться.

Не успел Саша собраться, как снова раздался барабанный бой и далекая команда строиться в карэ.

— Это не для вас, — сказал Гогель. — Только для кадетов.

— Почему не для нас?

— Будет экзекуция. Вам не обязательно смотреть.

— Там что, виселица?

— Ну, что вы! Высекут кого-то.

— Мне надо переговорить с Орестом Семеновичем. Это срочно. Пойдемте!

И он, не оборачиваясь, вышел из палатки.

Кадеты уже построились на плацу. Пока проходил за шеренгами, Саша увидел, как вынесли и поставили деревянную скамейку и ведро с розгами. Как вышел из палатки Лихонин и сел на услужливо поставленный одним из кадетов раскладной стул. Как под барабанный бой вывели на плац Мамонтова.

Саша почти бежал.

Встал перед директором, взял под козырек и сказал:

— Господин генерал-майор, я прошу вас о разговоре наедине.

Лихонин поднялся на ноги.

— Конечно, Ваше Высочество.

— На время нашей беседы я прошу вас приостановить экзекуцию, — сказал Саша.

Орест Семенович сделал знак рукой в сторону Мамонтова: мол, остановитесь. И пригласил Сашу в генеральскую палатку. Гогель остался снаружи.

Они сели у раскладного походного стола.

— Чем могу служить, Ваше Высочество? — спросил Лихонин.

— Я здесь, чтобы предотвратить большую несправедливость, — начал Саша. — Дело в том, что вечеринку с глинтвейном организовал я. Сами понимаете, Орест Семенович, Мамонтову трудно было мне возражать. Я очень извиняюсь, за себя и за него, но, по-моему, никакой катастрофы не произошло. Никто до свинского состояния не допился, ничего не испортили, ничего не сломали, никто никого не убил. Ну, это же глинтвейн! Спирт быстро испаряется с поверхности горячего вина — что там осталось!

— Ваше Высочество, осмелюсь спросить, кто еще в этом участвовал?

— Но вы же понимаете, что я не могу ответить. И за ними нет большой вины. Вещи иногда не те, чем кажутся. У меня были серьезные основания поступить именно так, как я поступил. Это не от желания нашкодить, напиться, продемонстрировать щедрость. Да и какая щедрость, фетяску пили!

— Дело не только в этом, Мамонтов очень дерзко отвечал: и своему командиру, и мне.

— Он не мог назвать участников.

— Это не причина для грубости.

— Ему бы не понадобилось дерзить, если бы не я. Так что примите мои извинения. Я вас прошу его отпустить.

Они вышли из палатки на плац, к скамейке, розгам и бледному Мамонтову.

— Вы прощены, господин кадет, — сказал, как выплюнул, Лихонин. — Великого князя благодарите!

Мамонтов просиял.

Никса ждал у своей палатки.

— Отбил, — коротко отчитался Саша.

— Я уже знаю, — улыбнулся Никса.

— Это было сложное дипломатическое мероприятие. У тебя как в перспективе должность министра иностранных дел еще вакантна? Я, конечно, не умею делать лучшее в мире мороженое, как Нессельроде, зато эффективно вызволяю пленников.

— Если не будешь исполнять «Трубача» на дипломатических приемах.

— Только с твоего разрешения.

— Как тебе удалось?

— Просто все взял на себя и извинился за всех.

Никса посмотрел с уважением.

— Никакого героизма в этом нет, — заметил Саша, — меня же не высекут.

— Может быть продолжение у папá. Я ему рассказал про туберкулез, но он не поверил.

— Кто бы сомневался! Я поэтому и хотел идти с доказательствами.

— Я все испортил?

— Надеюсь, что нет. Может быть так даже лучше. Иногда, чтобы убедить в чем-то человека, надо сначала упомянуть об этом вскользь. Поверит, не поверит — не важно. Запомнит — уже хорошо. Задумается — просто отлично.

Гогель уехал в Фермерский дворец раньше, чтобы проинспектировать их комнаты перед возвращением, и они остались с Зиновьевым.

Только успели проститься с Григорием Федоровичем, как на пороге возник Мамонтов.

Взял под козырек.

— Могу я просить Ваше Высочество о разговоре наедине?

Саша вопросительно посмотрел на Зиновьева.

Тот кивнул и отошел курить.

А они с Мамонтовым вернулись в палатку.

— Садитесь, господин Мамонтов, — предложил Саша.

И указал на стул.

Сел напротив.

— Я не знаю, как вас благодарить... — начал кадет. — Лихонин был в бешенстве.

— Из-за какого-то вина? — спросил Саша. — Что вы ему наговорили?

— Просто отказался отвечать на вопросы.

— Я так и подумал. Хорошо, что имя цесаревича не прозвучало. Так что вас тоже есть, за что благодарить.

— Я должен просить у вас прощения.

— Боже мой! За что?

Мамонтов покраснел, достал кошелек и отсчитал полтора рубля.

— Я вам должен.

Саша рассмеялся.

— Никогда бы не подумал, что можно устроить отличную пирушку за три с полтиной.

Честно говоря, деньги были очень кстати. К оставшимся 90 копейкам.

— Я прощен? — спросил Мамонтов.

— Конечно! Всегда радостно убеждаться в том, что совесть действительно существует. Но на будущее... Есть один хрестоматийный способ борьбы с воровством: надо повесить парочку друзей. Так что больше так не делайте, а то нам с Никсой будет прямо очень горько вас туда отправлять.

— Вы нашли еще один способ, Ваше Высочество.

— Он не универсальный, — улыбнулся Саша. — Предполагает наличие совести.

Они встали, и Саша обнял Мамонтова на прощание.

Вещи были собраны, и Саша с Никсой и Зиновьевым сели в ландо.

— Как у вас впечатление о кадетском лагере, Александр Александрович? — спросил Зиновьев.

— Вся эта военная романтика — очень привязчивая штука, увлекает. Даже не знал, что я подвержен.

— Я передам государю, — пообещал Зиновьев, — его это порадует.

Только это передаст? Значит, Лихонин промолчал. А зачем ему трепаться? «Государь,

ваш ненаглядный сынуля устроил пьянку в моем лагере»? Расположение царя этим не приобретешь, а дружбу Великого князя потеряешь.

— Николай Васильевич, а у нас соревнования по стрельбе есть? — спросил Саша.

— Конечно, с февраля 56-го. Из капсюльной винтовки. Победителю — именное оружие.

— Саш, у тебя нет шансов, — усмехнулся Никса.

— Это сейчас нет шансов, — возразил Саша. — А ты знаешь правило 10 тысяч часов?

— Нет.

— Очень просто. Чтобы достичь в чем-то совершенства, надо заниматься этим 10 тысяч часов, это по три часа в день в течение 10 лет. Ну, и иметь каплю таланта, не без этого.

— Боюсь, не получится, — заметил Зиновьев. — Вам же еще учиться: математика, русский язык, французский, немецкий, английский, физика, история, география.

— Вы меня убиваете, — сказал Саша. — Ну, хотя бы раз в неделю для удовольствия.

— Раз в неделю может быть.

— А по короткостволу есть состязания?

— По чему?

— По стрельбе из пистолета.

— Бывают, — сказал Зиновьев.

— А пострелять из него можно? — спросил Саша.

— Устроим.

— А купить?

— Дуэльные? — усмехнулся Никса.

— Они по отдельности не продаются? А то с кем мне стреляться? Любому — смертная казнь. Разве что с Никсой. Но тогда на виселицу пойду я.

— Шуточки у тебя иногда! — заметил Никса.

— Не беспокойся: буду стрелять в воздух.

— Продаются по отдельности, — вздохнул Зиновьев. — Офицерские.

— Дульнзарядные?

— Да. Тульского и Ижевского заводов.

— Нарезные хоть?

— Армейские нет. Пока.

— У меня есть дедушкин Кольт, — сказал Никса. — Ему сам Сэмюэл Кольт подарил, когда был в России.

— Дашь пострелять?

— Конечно.

— А чего не закупили Кольты? — поинтересовался Саша.

— Закупили, — сказал Зиновьев. — Несколько сотен штук.

— На всю русскую армию? — спросил Саша.

— При Николае Павловиче ими награждали на стрелковых соревнованиях, — сказал гувернер.

— На большее денег не хватило? — спросил Саша.

— Да, — сказал Николай Васильевич, — но сейчас есть и получше. У французого неплохой пистолет. Лефосе. Может быть, его примут.

— А на Дворец-коттедж хватило, — заметил Саша. — И на Фермерский хватило. А армия воюет дульнзарядным гладкоствольным дерьмом.

— Александр Александрович! — повысил голос Зиновьев. — Выбирайте выражения.

— Да, конечно, — сказал Саша. — Извините. Дульнозарядным гладкоствольным металлоломом. Просто зла не хватает.

— Вы живете в этом Фермерском дворце, — сказал Зиновьев.

— Я могу и в палатке. Проверено.

— Если вы интересуетесь оружием, у дяди Григория Федоровича Ивана Гогеля есть «Наставление об огнестрельном оружии», — сказал Николай Васильевич. — Стоит почитать.

— А оно еще актуально? — спросил Саша.

— В большой степени.

— Приносите, буду рад.

Саша почти не предал значения преждевременному отъезду Гогеля. А сейчас вдруг что-то кольнуло. Что он будет там проверять?

Прежде всего Саша вспомнил про дневник. Да, нет... Ничего ни секретного, ни крамольного он туда не писал. Зато где-то в том же ящике, остался сложенный вчетверо список произведений для курса «Запрещенные шедевры русской литературы», который он так и не прочитал Никсе по причине отсутствия источников.

Как бы его не нашли...

Дома на столе его ждало письмо от Фребелиусов и Володька с бесконечными расспросами про лагерь и кадетов.

Только рассказав все в подробностях про стрельбы и ночные маневры, Саша смог добраться до письма.

Каретные мастера писали, что велосипед подобной модели в принципе сделать можно, хотя в России производства велосипедов нет, все импортируются из Англии, и даже они без цепной передачи.

Насчет шин идея интересная.

«Производства резины в России нет, — писали Фребелиусы, — но можно заказать на предприятии Чарльза Гудьира в Североамериканских штатах. Мы можем ему написать».

Фамилия была смутно знакома. Гудьир? Ну, конечно! Тоже мне знаток английского! Goodyear!

«Обойдется, — писали немцы, — (только для вас из любви к семье ГОСУДАРЯ и бесконечной преданности) всего в 350 рублей».

Без шин.

Цену любви и преданности Саша уже помнил по торгу с академиком Тихобразовым.

Но 350 рублей! Он же просил не отливать из золота!

Наличных средств было 2 рубля 40 копеек.

— Ты что такой грустный? — спросил Володька. — Что там тебе написали?

— Поминаешь, я придумал классную штуку: для Никсы, для тебя и для меня. Но эти гады хотят 350 рублей!

— У папá можно попросить, — сказал Володька.

Папá он уже кидал идею про велосипед: ни слуху, ни духу. Вообще, папá — это тяжелая

артиллерия. Ресурс особо ценный, подлежащий использованию в последнюю очередь.

Но в одном братец прав. Конечно, надо не впадать в отчаяние, а изыскивать возможности.

Если денег нет, их можно:

Попросить;

Занять;

Продать что-нибудь ненужное;

Накопить;

Заработать;

Украсть.

То есть последнее нельзя, конечно.

По поводу заработать была некоторая надежда на совместное с Ильей Андреевичем предприятие по производству фонариков и шампуня, но Саша пока ждал доходов рублей в десять по максимуму, и собирался по большей части вложить их в производство. Ну, за год можно накопить. При условии расширения предприятия. По оптимистическим оценкам.

Заработать тоже можно. Уроками математики, уроками английского, переводами с английского на русский и обратно. Саша подумал, что даже найдет клиентов. Но папá — сто процентов не поймет!

Уроков не поймет. А переводы можно не афишировать. Правда, платят за них всегда копейки.

По поводу попросить, ресурс Елены Павловны Саша счел временно исчерпанным. Не оставался дядя Костя.

И Саша сел за письмо.

Изложил дяде Косте проблему велосипеда. Приложил чертежи, рассказал про шину и американца Гудьира. Не купить ли у него лицензию на производство? Или может быть сагитировать открыть в России филиал? Что он сейчас производит?

Спросил, не нужно ли что-нибудь перевести для «Морского сборника» с английского или на английский. Ну, попрактиковаться.

И как там вообще с публикациями? Обещали вроде.

И отправил письмо с лакеем.

Насчет продать что-нибудь ненужное...

Саша вспомнил про Никсов портсигар, который сунул в ящик тумбочки под книги и бумаги и благополучно забыл о нем. Продать его было не так-то просто. Проще отнести в ломбард. В Петергофе наверняка есть, этого добра хватает всегда и везде, во все времена. Но для этого надо кого-то посвятить в предприятие, не самому же идти. Да и обещал себе тратить деньги за портсигар исключительно на лечение Никсы.

Кажется, тревога с его простудой оказалась ложной. Или Саша просто вовремя принял меры.

Ему остро захотелось убедиться в том, что портсигар на месте.

Ни Гогеля, ни Зиновьева рядом не было, что казалось несколько странным, но, мало ли, устали престарелые генералы.

И Саша встал, подошел к ящику и открыл его. Порылся в содержимом. Книги были на месте. Причем даже «Путешествие из Петербурга в Москву». Саша обругал себя за то, что оставил его почти на видном месте. Под матрасом надо такие вещи хранить.

Впрочем, если бы его нашли под матрасом — точно бы что-то заподозрили. А так:

путевые заметки и путевые заметки. Чтобы всполошиться, надо знать, что это.

Между обложкой и последней страницей был вложен список запрещенной литературы. Тоже на месте! Вот где он, оказывается.

А вот портсигара не было.

Первое, что пришло Саше в голову: кто-то из слуг поживился. Умно, чего уж! Заявить о краже было совершенно невозможно.

— Ты что-то потерял? — спросил Володька.

— Нет, все в порядке... а ты ничего интересного не находил?

— Вот еще! — сказал брат и насупился.

— Ладно извини, — проговорил Саша.

За дверь послышались шаги, и в комнату вошли Зиновьев, Гогель и еще один военный, гораздо младше двух первых. Этот третий выглядел лет на тридцать пять и погоны имел полковничьи. Чины Саша уже научился различать.

Зиновьев поймал Сашин взгляд и представил:

— Это Кознаков Николай Геннадиевич. Не помните, Александр Александрович?

Кознаков состоял при Володе, и Саша с ним до сих пор не пересекался.

Сферы ответственности воспитателей разделялись примерно так: Зиновьев — за Никсу и за всех, Гогель — за Сашу и в случае необходимости за остальных, а Кознаков — за Володю и на подхвате.

— Я о вас много слышал, — сказал Саша Кознакову.

То, что он слышал, Саша предпочел не цитировать. Володька Кознакова не любил. Не то, чтобы Николай Геннадиевич был совсем зверь. С великими князьями не позверствуешь. Но был строг, раздражителен и любил распекать за лень.

Так что Володька бешено завидовал старшему брату потому, что при Саше состоял добрый Гогель.

И вот теперь Саша с любопытством и даже отчасти бесцеремонно разглядывал нового гувернера. Кознаков был небольшого роста, но, в отличие от простоватого Гогеля, весьма симпатичен, даже красив. Нос имел прямой и тонкий, высокий лоб, не слишком пышные, зато не седые усы, слегка волнистые каштановые волосы и проницательные умные глаза.

— Владимир Александрович, — позвал Кознаков. — Пойдемте, погуляем! У Александра Александровича важный разговор.

Тон, которым это было сказано, Саше страшно не понравился.

— Садитесь, Александр Александрович! — сказал Зиновьев. — Нам надо поговорить. Саша сел за стол, Гогель и Зиновьев — напротив него.

Николай Васильевич вынул из кармана Никсов портсигар и положил на стол перед Сашей.

Слона-то они и не заметили!

— Вы роетесь в моих вещах? — поинтересовался Саша.

— Я рад, что вы не отпираетесь, Александр Александрович, — сказал Зиновьев.

Саша молчал. Если он скажет, что портсигар не его, это же как дважды два понять, чей.

Если скажет, что его — естественный вопрос «откуда».

— Как вы можете это объяснить? — спросил Николай Васильевич.

— Я не буду ничего объяснять, — сказал Саша. — При всем уважении к вам и Григорию Федоровичу. Прошу прощения, но не могу.

— Знаете, что в этом самое отвратительное? — спросил Зиновьев. — Даже не то, что вы в вашем возрасте тайком курите сигареты. А в том, как вы относитесь к курению других. Отвратительно ваше лицемерие!

Саша усмехнулся.

— А чем моя позиция лицемернее вашей? Вы тоже курите и осуждаете за курение меня.

— Вам нет даже четырнадцати!

— Я его ни разу не открыл после того, как он у меня оказался. Это по поводу лицемерия. А вы бросайте, Николай Васильевич! Правда, вредно. И вы, Григорий Федорович.

— Откуда он у вас? — спросил Гогель.

— Ну, вы же понимаете, что я не могу ответить на этот вопрос, — сказал Саша.

— Мы вынуждены будем доложить государю, — пообещал Зиновьев.

— Конечно, — сказал Саша. — Это ваша обязанность. Но в чем ваша цель? Чтобы я не курил? Я не курю. Вывести на чистую воду того, кто дал мне портсигар? Его не за что выводить на чистую воду. Молодец, что отдал. С тех пор число сигарет в нем не изменилось. А то бы, боюсь, значительно уменьшилось. Какую проблему вы хотите решить? Проблема решена.

Есть два прямо противоположных адвокатских приема: говорить поменьше, чтобы не дать материала следствию, и говорить побольше, чтобы обратить факты в свою пользу. Второй сложнее. Это для тех, кто умеет.

— Ну, доложите вы папá, — продолжил Саша. — И что? Папá придется заниматься этим пустяковым делом, в котором нет никакого криминала. Я бы предпочел, чтобы это кончилось на мне, никому больше не навредило и ничье драгоценное время не отняло.

— Вы сегодня не выходите никуда из своей комнаты, Александр Александрович, — заключил Зиновьев, — и остаетесь без ужина.

Саша чуть не расхохотался. Он бы его еще без сладкого оставил!

Но возможность предупредить Никсу это полностью перекрывало.

Утром пришел ответ от Константина Николаевича.

«Как раз собирался заказывать себе „костотряс“ в Англии, — писал дядя

Костя. — Знаешь, как он выглядит? Большое переднее колесо с педалями и маленькое заднее. Но твой вариант гораздо совершеннее. Да, оплачу. Посмотрим, что получится.

Шины еще интереснее. Я спишу с твоим Гудьиром. Думаю, меня он больше воспримет всерьез.

„Морской сборник“ с твоим проектом выйдет на днях.

Высылаю тебе статью на английском по морскому делу. Если какие-то слова будут непонятны, спрашивай. Хорошо, что ты решил подучить язык».

Письмо здорово подняло Саше настроение.

Он думал, что вовсе не заметит отсутствия ужина. Сколько уж раз в жизни голодал, чтобы сбросить вес. Все-таки профессия публичная. Да, солидному адвокату можно иметь небольшое брюшко, но здесь ключевое слово «небольшое».

Но молодой растущий организм имел на этот счет свое особое мнение, и скромному завтраку из хлеба и молока обрадовался как-то неадекватно.

Понятно, что Константин Николаевич не бескорыстно решил встрять в шинный проект, но одному все равно не справиться.

Саша ответил тут же. Поблагодарил за инвестицию, будущую публикацию и английскую статью, не забыв поинтересоваться, какие в «Морском сборнике» гонорары за переводы.

После завтрака пришел Никса.

— Только сейчас к тебе пустили, — сказал он.

— Зиновьев нашел твой портсигар, — объяснил Саша.

— Уже знаю. Вчера, на сон грядущий, он мне его предъявил.

— Я тебя не назвал.

— Я знаю, — кивнул Никса. — Зиновьев упомянул, что ты предпочел остаться без ужина.

— Что ты ему сказал?

— Что я отдал его тебе на хранение, чтобы не соблазняться.

— А он?

— Он обычно понимает, когда ему не врут.

— Для меня было полной неожиданностью, что будут перетряхивать мой ящик, — сказал Саша.

— Они всегда так делают, — заметил Никса.

— Знаешь, у меня есть еще пара вещей, на которые они к счастью не обратили внимания. Можно их у тебя спрятать?

— Что?

— Книга и листок с записями.

— Представляю себе! — усмехнулся Никса. — Ну, давай.

Саша сунул «Путешествие» за пазуху, и они пошли к Никсе пить чай.

Брат с интересом рассматривал опус Радищева.

— Человек, который мне его дал, считал, что тебе тоже надо прочитать, — заметил Саша. — Тем более, что я уже прочитал.

— Похоже на путевые заметки, — проговорил Никса.

— Видимо, поэтому цензор и пропустил. Прочитал только оглавление.

— А на самом деле?

— Публицистика. В основном против крепостного права, но не только. Автор, в общем, клеймит понемножку все: и суды, и раздачу должностей, и чиновников. Идеализирует Новгород и народное правление. Осуждает Ивана Грозного за его захват и разорение.

— Где-то я это уже слышал, — заметил Никса.

— Я не идеализирую. Хотя и сожалею. Автор за свободу мысли и слова, против цензуры, потому что цензура — это нянька, которая взрослому и просвещенному обществу не нужна. А хорошо выстроенному прочному государству никакие мнения не опасны.

— Понятно, — сказал Никса. — Твой полный единомышленник.

— Во многом, не спорю. Вплоть до американской конституции. Цитирует законы Пенсильвании и Делавэра. Это он соавтор «Всемилоостивейшей грамоты, российскому народу жалуемой», о которой я тебе рассказывал.

— Которую Александр Павлович не подписал?

— Да.

— И чем кончилась история «Путешествия»? — поинтересовался Николай.

— Екатерина Великая, прочитав, сказала, что автор — бунтовщик хуже Пугачева и приговорила его к смертной казни.

— Повесили?

— Отправили в ссылку на десять лет. Но Павел Петрович вернул раньше.

— Понятно! — усмехнулся Никса. — В пику прапрабабушке. Книга до сих пор запрещена?

— Да. Хотя не понимаю, насколько еще актуальна. Честно говоря, стихи там иногда довольно радикальные. Но корявые.

— Там еще стихи?

— Ода «Вольность» в пятидесяти, кажется, частях. Но с пропусками, некоторые строфы только упоминаются.

— У Пушкина есть такая. Герцен напечатал.

— У Пушкина значительно короче. Но вдохновлялся, видимо, одой Радищева.

— Ну, процитируй!

— Понимаешь, автор считает, что источник власти — это народ, и царь перед народом отвечает. Так что там есть эпизод, где царь предстает как гражданин перед престолом, на котором сидит народ. И народ его судит:

*Преступник власти мною данной!
Вещай злодей, мною венчанной,
Против меня восстать как смел?*

— Ага! — усмехнулся Никса. — Что там твой «Трубач»? Саш, все с ног на голову! Царь перед Богом отвечает, а не перед народом.

— Была притча... В общем, смысл в том, что на этом свете суд божий творится руками людей. И, как показывает исторический опыт, отвечать иногда приходится перед народом. У Радищева еще про Кромвеля неплохой пассаж:

*Я чту Кромвель в тебе злодея,
Что власть в руке своей имея,*

*Ты твердь свободы сокрушил.
Но научил ты в род и роды,
Как могут мстить себя народы,
Ты Карла, на суде, казнил...*

— И ты предлагаешь это разрешить? — поинтересовался Никса.

— Знаешь, когда автор рассуждает о цензуре, он говорит о том, что живой пример гораздо опаснее любого писанного слова. Что историю будешь запрещать?

— Историю можно трактовать по-разному.

— Верно! Можно говорить о том, что Карла и Людовика казнили неправильно. Но факты ты никуда не денешь. И наследственный ты монарх или избранный президент, народ все равно будет судить тебя, даже если дело не дойдет до эшафота и плахи. Он может судить тебя в светских гостиных. Но это едва ли безопаснее.

— На Павла Петровича намекаешь?

— Например... Ну, что будешь читать? Или перед прочтением сожжешь?

Никса усмехнулся.

— Знаешь, мне дядя Костя рассказывал. Ему с папá и потом младшими братьями историю права преподавал Модест Корф.

— С удовольствием бы у него поучился, — заметил Саша.

— Корф написал свои лекции на основе лекций Сперанского, хотя и не следовал ему во всем. А дедушка вносил замечания и давал рекомендации. Знаешь, что он писал? Все предметы должны быть изложены во всей их полноте и искренности. И история династии — тоже. Без изъятий и умолчаний. Нам должно знать наши фамильные дела в истинном их виде.

— Не будешь сжигать?

— Прочитаю, — сказал Никса.

— Ты прелесть.

— Как же легко ты переходишь от бунтарства к лести!

— Это не бунтарство — это честный взгляд на вещи, и это не лесть — это искренно.

Никса усмехнулся.

— Думаю, что дедушка хотел нас защитить, когда наставлял Корфа ничего не скрывать, — заметил Саша. — Не должны ли мы защищать народ? Просвещение защищает лучше невежества. От кого мы хотим защитить его запретами? Не от нас ли? Грош цена власти, от которой надо защищать. Если от нас надо защищать, значит, мы что-то не то делаем.

— От него самого, — сказал Никса.

— Почему дедушка не стал защищать нас от нас самих?

— Мы несколько образованнее народа.

— Вот именно! К этому и вернулись. Просвещение лучше невежества.

Никса отложил Радищева и развернул листок со списком запрещенных шедевров.

— Написал все-таки, — прокомментировал он.

— Давно уже. Все не было случая тебя посветить.

— «Путешествия» нет, — заметил Никса.

— Потому что не шедевр, — сказал Саша. — Но все равно мастрид.

— А что за десятая глава «Евгения Онегина»? Там же восемь глав.

— Она не сохранилась. Только отдельные отрывки. Я где-то слышал, что Пушкин посылал ее дедушке, и дедушка запретил ее печатать. После чего Александр Сергеевич ее частью зашифровал, перепутав строки, частью уничтожил, но что-то осталось в воспоминаниях его друзей. Я помню только отдельные фрагменты.

— Ну, процитируй!

— Например:

*Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.*

*Читал свои Ноэли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал...*

— Там что все про это? — спросил Никса.

— В списке? Нет, что ты! «Царь Никита», например, совсем не про это.

— Помню, кстати, мне его обещали.

— Кто?

— Ну, Саш...

— Хорошо, неважно.

— Вставай! Пойдем-ка!

Никса привел его в свой кабинет. Усадил за письменный стол и выдал бумагу.

— Пиши все, что помнишь, — приказал он. — А то я тебя не поймаю. Кстати, для тебя будет подарок.

Что-то в этом было не так. Что-то насторожило и кольнуло.

— Что ты задумался? — спросил Никса. — Испугался?

— Нет, — сказал Саша.

И взял перо.

— Только прячь получше, — добавил он.

— У меня портсигары не находят, — заметил брат.

До обеда Саша исписал страниц десять.

— Все? — спросил Никса.

— Все, что помню.

Николай просмотрел бумаги, поусмехался, поподнимал брови.

— Ладно, — резюмировал он. — Потом повнимательнее прочитаю. Почерк у тебя — ужас!

И отнес написанное куда-то в другую комнату.

Вернулся с двумя деревянными боккэнами.

— Наконец-то! — восхитился Саша.

И получил один из деревянных мечей.

Он был сделан вполне прилично, с красивой черной оплеткой рукояти и качественно отшлифованным деревянным клинком.

Любуясь подарком, Саша немного успокоился. И чего всполошился? Вручил брату собственноручно написанный компромат на десяти листах? И что? Никса пока не предавал. Под угрозой показа папá потребует покорности? Тут требовать не надо. Уж чего Саша не собирался так это бунтовать против отца и брата. Гнуть свою линию — да. Но желательно на позиции системного либерала. Бунтовать? После того как шанс на сотрудничество появился? После двадцати лет в глухой оппозиции. Наконец-то!

Если правительство хоть отчасти ведет страну в правильном направлении, уважающий себя либерал должен построиться и помогать правительству.

Ломишься в открытую дверь, братец Лис!

Они вышли в сад и до обеда сражались на боккэнах на садовых песчаных дорожках. Двигался Никса классно. Не зря же его с детства учили танцевать мазурку и ездить верхом.

Первое сентября порадовало Сашу девятым номером «Морского сборника» с патентным проектом. Журнал был увесистым, страниц этак пятьсот, на обложке имел изящный якорь и ссылку на «Морской ученый комитет», а на первой странице — отметку о допуске цензурой: «Печатать позволяется». И фамилии цензоров.

Сашин опус располагался ближе к концу в разделе «Смесь». Где-то между «Порядком снабжения хронометрами Великобританского флота» и статье о «Поднятии кораблей, затопленных в Севастопольской бухте».

В сопроводительном письме к «Сборнику» дядя Костя писал, что гонорары за переводы колеблются от 20 до 30 рублей за статью, в зависимости от объема.

Двадцать пять рублей гонорара за проект дядя Костя прислал с лакеем. Гораздо меньше цены велосипеда, но куда больше, чем ожидал Саша.

Бли-ин! На эти деньги жить можно! Статья в месяц — и жалованье титулярного советника. И о чем только думал этот самый Раскольников, ютясь в своей нищей каморке? Он что языков не знал? Да, переводы, конечно, прозаичнее философских трактатов о том, кому что позволено, и заточки топора для старушки!

Статья о «Великобританском флоте», кстати была переводная и подписана инициалами «А. Л.». И еще один перевод с голландского тоже подписан инициалами: «А. В.» Так что его «А. А.» благополучно терялись на этом фоне...

Господа Фребелиусы за велосипед взялись, но закончить работу к восьмому сентября — Дню рождения Никсы не представлялось возможным.

На следующий день, второго, он добрался до каретной мастерской. Зиновьеву этот визит не понравился, но удался при поддержке дяди Кости. Дело осложнялось тем, что Константин Николаевич притащил шкодливого Николу, и Саша ждал с его стороны какого-нибудь хулиганства, но, вроде, все обошлось.

Колеса для велосипеда сделали, как передние у ландо, те, которые пониже. Сложнее было с рамой, цепью и педалями. Последние, вместе с седлом, заказали в Англии, что затягивало дело по крайней мере недели на две. А потом еще педали надо будет под цепную передачу переделывать.

Вечно в нашем российском производстве какой-нибудь ерунды не хватает. Впрочем, зачем свои педали изобретать, если на Великобританских велозаводах есть?

Саша рассмотрел колесо, повернул вокруг оси, как волчок, попробовал поднять. Деревянный обод, обитый железом, редкие и толстые деревянные спицы. Тяжелое, как

сволоочь! Уж не стоило ли и колеса в Англии заказать?

— Господин Фребелиус, можно облегчить конструкцию? — спросил Саша. — Спицы тонкие и железные, ну, пусть их будет больше. Как я вам рисовал. Ну, как у «костотряса».

— Постараемся, Ваше Высочество, — сказал мастер.

— Размер колес, что надо, — подсластил Саша пилюлю.

Сообразительный Никола вникнул в цель визита и безапелляционно заявил:

— Папá, я тоже такой хочу!

Дядя Костя обреченно кивнул.

Саше что-то подсказывало, что с импортными деталями цена велосипеда возрастет рублей до пятисот.

— Сначала надо сделать опытный образец, — сказал Саша. — Еще посмотрим, как будет бегать.

Дядя Костя посмотрел с благодарностью.

Шестого сентября, за два дня до Никсова ДР, Саша размышлял за завтраком та тему, что подарить, если велик накрылся. Ничего дельного как на зло не приходило в голову.

Можно, конечно, сделать какой-нибудь особый небесный фонарик, написать «Милому Никсе» и запустить над морем. Но повторяться не хотелось.

Можно что-нибудь купить. Денег было 27 рублей 40 копеек.

— Григорий Федорович, а сколько стоит пистолет системы Лефоше? — спросил Саша.

— Рублей сорок, — предположил Гогель.

— Понятно, — вздохнул Саша.

Впрочем, даже сорокорублевому Лефоше трудно было бы конкурировать с Кольтом дедушки и катаной от Голландской королевы.

— А вам зачем? — спросил воспитатель.

— Думаю, что Никсе подарить.

Саша взял лист бумаги и стал выписывать варианты: оружие, книга, картина или фотография...

Вздохнул и сложил из листка самолетик. Запустил в сторону Володьки.

— Вот это да! — отреагировал брат. — Он летает!

— А что бы ему не летать, — задумчиво проговорил Саша. — Он же самолет. Никогда не видел?

— Никогда! — сказал Володя.

Гогель тоже смотрел с удивлением.

Володька поднял самолетик и запустил в Сашу.

Однако не рассчитал. В комнату как раз вошел Зиновьев, и летательный аппарат врезался ему прямо в грудь.

— Что это? — спросил Николай Васильевич.

— Самолет, — отчитался Володя. — Сашка придумал.

Зиновьев поднял самолетик, бросил на него рассеянный взгляд и доложил:

— Александр Александрович, вас зовут во дворец Коттедж.

Дворец Коттедж — это тот самый готический дворец королевы эльфов, где Саша часами просиживал в библиотеке и впервые сыграл «К Элизе».

Версий о том, что от него хотят в этом великолепном месте, у Саши родилось сразу две: пессимистическая и оптимистическая.

Первая заключалась в том, что папá все-таки донесли про кадетскую пирушку, и значит, Саше придется стоять перед государем по стойке смирно и выслушивать очередной выговор. И хорошо, если папá ограничится выговором.

Но почему дворец Коттедж? Воспитательные мероприятия папá любил проводить в Фермерском дворце, в своем синем кабинете.

Суть второй версии была в том, что из Ниццы вернулась бабинька — императрица Александра Федоровна — и жаждет обнять внука и послушать «К Элизе» в авторском исполнении. В этой милой теории имелась ложка дегтя: бабинька, по словам родственников, изъяснялась исключительно по-немецки, так что Саша предпочел бы отложить знакомство до освоения этого языка хотя бы на базовом уровне.

Странно, что его не предупредили о ее возвращении, и никто не говорил об этом. Ну, он бы знал!

— А что случилось? — спросил Саша Зиновьева по дороге. — Что там в Коттедже?

— Не знаю, Александр Александрович, — сказал воспитатель. — Государь за вами послал.

Значит, папá. Это говорило скорее в пользу первой версии.

Они миновали библиотеку и поднялись на третий этаж, где Саша никогда не был. Здесь был пост, точнее солдат с легендарной шестилинейной винтовкой, которую бы теперь Саша узнал среди любого оружия. Солдат поднял ружье и взял на караул.

Что он тут охраняет интересно?

Учитывая крайне легкомысленное отношение августейшей фамилии к своей безопасности, было странно, что вообще что-то охраняют.

«Никак филиал Алексеевского равелина», — мрачно подумал Саша.

В довольно просторной комнате сидел папá в генеральском мундире и мамá в нежно-голубом атласном платье. У стола возле стены стоял незнакомый человек в штатском. Он был грузен, лицо имел широкое, чисто выбритое, с крупным носом, ямочкой на подбородке и глубокими темными глазами. На шее у него был повязан галстук, который Саше по привычке хотелось назвать «бабочкой», но местное население предпочитало слово «лавальер» в честь фаворитки Людовика Четырнадцатого, которая впервые завязала бантом шейный платок своего возлюбленного и государя.

На столе стоял прибор, который Саша уверенно опознал как телеграфный аппарат, суда по бобинам с бумажной лентой и ключу.

Телеграф прочно ассоциировался с Лондоном, а Лондон — с Герценом. И Саша подумал, что Александр Иванович опять что-то про него написал. Или (не дай Бог!) что-то его напечатал.

Но папá смотрел доброжелательно, а мамá — с восторгом.

На ноги поднялись оба. Сначала ужасно нежно обняла мамá, а потом — крепко — папá.

И мягко повернул его к незнакомому штатскому.

— Вот он, изобретатель, — сказал папá.

— Ваше Высочество... — сказал штатский, — это удивительно...

— Знакомься, Саша, это академик Борис Семенович Якоби, — представил папá.

Саша несмело протянул академику руку.

— Это большая честь для меня, — сказал Якоби.

— Ну, что вы! — улыбнулся Саша. — Это для меня честь. Я много о вас слышал.

Честно говоря, на ум приходил только якобиан. Что это, Саша помнил смутно и всегда пугал его с лапласианом.

Да, Никса же рассказывал! Там, на железнодорожной станции Новый Петергоф.

— Вы изобретатель электродвигателя? — спросил Саша.

— Да, одного из многих.

— И почему мы до сих пор ездим на лошадях?

— Мощность маленькая, — объяснил Якоби, — скорость электрохода оказалась около двух верст в час.

Саша посмотрел вопросительно.

— Шлюпка на электрической тяге, — пояснил ученый. — Испытывали на Неве двадцать лет назад.

— А как это сделали? — удивился Саша. — Над рекой же провода не протянешь.

— От гальванических элементов.

— Понятно. Не с этого надо было начинать. Есть пароход, значит надо сделать электроход. Почему не электровоз?

— Гм... — сказал Якоби.

— У воды большое сопротивление, — заметил Саша. — Почему не пустить по рельсам?

— Это стоит обдумать, — сказал академик.

— И провода можно подвести, — добавил Саша, — а не тащить тяжеленную батарею.

— Ток все равно от батареи, — возразил Якоби.

— Почему не от генератора?

— Генераторы не дают такой мощности, Ваше Высочество, — заметил Якоби. — И они еще тяжелее батарей. И питать их надо от паровой машины.

— Борис Семенович, а вы можете сделать для меня обзор современных генераторов? Как устроены? Принцип работы? Мощность? Может быть, я что-нибудь придумаю.

— Хорошо, — улыбнулся Якоби.

— Простите, Борис Семенович, а якобиан — тоже ваше изобретение? — все-таки полюбопытствовал Саша.

— Нет, моего брата Карла. Он был математиком. Вам знакомы матрицы и частные производные, Ваше Высочество?

— Очень поверхностно. Читал где-то.

— В вашем возрасте и это много.

— Как тебе мой сын, Борис Семенович? — поинтересовался папá.

Якоби только покачал головой.

Это «ты» академику здорово резануло Саше слух. Папá тыкал Зиновьеву, но Николай Васильевич все-таки близкий к семье человек.

— Я признаться не верил, что это мог нарисовать тринадцатилетний мальчик, — поговорил Якоби.

— Теперь веришь? — спросил папá.

— Да, государь.

Саша посмотрел с недоумением.

— Что нарисовать? — спросил он ученого.

— Телефон и радио, — объяснил Якоби.

— А-а...

И Саша вспомнил листок со схемами, которые набросал для доктора Балинского, когда еще плохо понимал, что происходит.

— Господин Балинский переслал мне твои рисунки, — сказала мамá, — и посоветовал послать их академику Якоби, потому что ничего в них не понял. Я не сразу решилась. Только когда увидела, как парит в небе твой небесный фонарик. Тогда я поняла, что это может быть не совсем...

— Бред сумасшедшего, — с усмешкой закончил Саша.

— Оказалось, что совсем не бред, — заметил папá. — Борис Семенович, расскажи, что было дальше.

— Я получил письмо от государыни, где она просила посмотреть на ваши рисунки, Ваше Высочество, и ответить ей, есть ли в них какой-то смысл или это просто детские фантазии, — начал Якоби. — Что это не детские фантазии я понял сразу.

Академик отошел от стола, и Саша увидел еще несколько приборов, кроме телеграфного аппарата.

Во-первых, явный прототип телефонной трубки, правда, микрофон и динамик отдельно. Первый напоминал кофейную чашку с дырочками на дне, второй — слуховую трубку местного лекаря.

Но Якоби смотрел на оба предмета в полном восторге.

— Я восстановил конструкцию за три дня, — не без гордости сказал академик.

Саша перевел взгляд на второе инновационное чудо. Оно представляло собой черный горизонтальный цилиндр длиной сантиметров в 20 и толщиной в кулак, а над ним — разорванный провод с металлическими шариками на концах. С цилиндром был соединен телеграфный ключ, а рядом лежал незамкнутый виток провода такой же длины.

— Я уже готов был немедленно писать государыне, что ваш прибор работает, Ваше Высочество, — продолжил Якоби, — но меня так заинтересовала ваша вторая идея, что я просто не смог отвлечься. Но реализовать ее оказалось, куда сложнее. Я не совсем понял, что такое «электрическая машина». Сначала подумал, что вы имели в виду электрофор Вольты. Но он совсем сюда не подходил.

Честно говоря, именно электрофорную машину Саша и имел в виду. Схему вибратора Герца он помнил по школьному учебнику физики, но как там извлекали искру, не представлял вообще. То ли схема была очень упрощенной, то ли забыл. И решил, что электрофор вполне годится.

— Почему не подходил? — спросил Саша. — Там же искра.

— Но нет провода, — улыбнулся Якоби. — Искру извлекают пальцем из наэлектризованной смолы.

— Там разве ничего не вращается? — удивился Саша.

— Нет, — сказал академик. — Я так и понял, что вы имели в виду, скорее какой-то генератор. И я подумал о катушке Румкорфа, потому что она тоже дает искру.

На столе очевидно стояла именно она.

— Вы гений, Борис Семенович, — сказал Саша. — Я не знал про катушку Румкорфа

Хотя должен был догадаться! Там еще конденсатор наверняка.

— Да! — воскликнул Якоби. — Конечно! Какая катушка Румкорфа без конденсатора!

— Работает?

— Да! — сказал Якоби.

И повернулся к папá.

— С чего начнем, Ваше Величество?

— По порядку, — сказал царь. — С телефона.

Академик дал ему микрофон, а Саше слуховую трубку.

— Саша, — сказал папá в микрофон.

Динамик повторил слово с ужасающим скрежетом. Но повторил!

Они поменялись. Теперь у Саши был микрофон, а у царя — трубка.

— Папá, — сказал Саша.

Император был в восторге.

— Так ведь можно и с Англией поговорить. Не выходя из дома!

— Хоть с американским президентом, — сказал Саша. — Если конечно протянут трансатлантический кабель.

— А если не протянут?

Саша перевел взгляд на катушку Румкорфа.

— Сейчас, — сказал Якоби.

И замкнул телеграфный ключ.

В разрыве провода над катушкой сверкнула искра. И точно такая же пролетела между контактами второго провода.

— В который раз сегодня это вижу и все не верю глазам! — сказал папá. — Это же беспроводной телеграф!

— Конечно, — сказал Саша. — Он самый.

— Боюсь, что через Атлантику работать не будет, — заметил Якоби.

Взял виток и отнес на подоконник.

— Не могли бы вы замкнуть ключ, Ваше Высочество? — попросил академик.

Саша надавил на ключ и замкнул цепь. Искра во втором проводе проскочила, но была едва видна.

— С Фермерским дворцом уже не поговорим, — подытожил Якоби.

— Еще как поговорим! — возразил Саша. — Мощности передатчика не хватает. И нужна высокая башня, чтобы его туда поставить, чтобы дома не мешали. А в приемнике искра не обязательна, главное, чтобы ток возникал в цепи. Для этого нужно меньшее напряжение.

— И какая дальность по-твоему? — спросил папá.

— Не ограничена, — сказал Саша. — Со звездами можно разговаривать, не то, что с Фермерским дворцом!

— Все-таки ты фантазер, — заметил папá.

— А причем тут дома? — задумчиво проговорил Якоби. — Почему они могут помешать?

— Ну, волна же! — сказал Саша.

— Волна?

— Электромагнитная, — объяснил Саша. — Я сказал что-то новое? Разве Фарадей об этом не писал? Электромагнитная индукция. Переменное магнитное поле порождает

электрическое, а переменное электрическое — магнитное. Их чередование — это и есть волна. Мне казалось, что Фарадей — современник Пушкина...

— Он и сейчас жив, — сказал Якоби. — Я не помню у него про волны, но могу списаться.

— Борис Семенович, — сказал папá, и в его голосе зазвучали властные нотки, — не надо никому об этом писать без моего позволения.

— Конечно, государь, — кивнул академик. — Про волны интересно, Ваше Высочество. Как камертон. Я сразу подумал о камертоне, когда прочитал ваше пояснение, что провода должны быть одинаковыми.

— Резонанс, — сказал Саша. — И резонансную частоту считаем по формуле Томсона. И прикусил язык. Он в упор не помнил, в каком году Томсон написал свою формулу. Еще не хватало походя, во время светского разговора, сделать открытие нобелевского уровня.

— Вы читали работы Уильяма Томсона? — поразился Якоби.

— Я много читаю, — скромно признался Саша.

— Гувернеры поражаются, насколько много, — похвастался папá.

Саша вздохнул с облегчением. Ну, хоть формула Томсона известна.

— А через частоту определяем длину волны, — осторожно продолжил он.

— Для этого надо знать ее скорость, — заметил Якоби.

— Разве она не известна? — удивился Саша.

Он смутно помнил, что скорость света определили еще веке в семнадцатом.

— Триста тысяч километров с секунду, — сказал он. — Разве нет?

— Я тоже всегда ратовал за метрическую систему, — заметил Якоби. — Да, примерно. По последним данным немного больше. То есть вы считаете, что это волны, которые распространяются со скоростью света?

Кажется, открытие нобелевского уровня он все-таки сделал. Но отступить было некуда.

— Да, — кивнул он, — хотя, конечно, все это предположения, которые нуждаются в проверке. Но зато мы сразу будем понимать, что происходит. Например, я считаю, что длинные волны смогут огибать землю, потому что дифракция. Вот и связь через океан. А более короткие — отражаться от стратосферы. И с их помощью тоже можно устроить дальнюю связь.

— Стратосферы? — переспросил Якоби.

— Верхних слоев атмосферы, — пояснил Саша. — Я кажется где-то видел этот термин, но не ручаюсь. Могу ошибаться.

— То есть вы считаете, что эти электромагнитные волны ведут себя также, как свет? — спросил Якоби.

— Это и есть свет, — сказал Саша. — Отличие только в длине волны.

— Это нуждается в проверке, — заметил Якоби. — Все на уровне предположений.

— Конечно, конечно, — кивнул Саша. — Телефон и радио тоже были на уровне предположений. Проверая, может быть, наткнемся еще на что-нибудь интересное. Мне кажется, стоило бы создать команду ученых, которая бы занялась исследованием электромагнитных явлений. Это работа не для одного человека.

И он вопросительно взглянул на папá.

— Я это обдумаю, — пообещал царь.

— А можно мне переписываться с Томсоном и Фарадеем? — спросил Саша.

Такая переписка дала бы ему универсальное объяснение всей его физико-

математической эрудиции. Да и современное состояние науки неплохо бы знать.

— Только не о конструкции телефона и электромагнитных волнах, — сказал папá.

— Конечно, — кивнул Саша.

Когда Саша вернулся в свою комнату, пол был густо завален бумажными самолетиками. В воздушной дуэли, кроме Володьки, участвовал восьмилетний Алексей — красивый живой мальчик — еще один младший брат. И совсем маленькая сестренка Мария, которой не исполнилось и пяти лет. Последняя поднимала самолетики с пола, с любопытством их рассматривала и очень неловко пыталась запускать.

Гогель смотрел на это в некоторой растерянности.

— Так, мелкота! — обратился Саша к младшим. — Никса узнает — отшлепаю лично.

И перевел взгляд на Володю.

— И тебя касается!

— Владимир Александрович! Алексей Александрович! Уберите за собой! — пришел к себя Григорий Федорович.

На следующий день Саша попросил Гогеля купить цветной бумаги и сел за изготовление самолета для Никсы. Формат был больше А4, и игрушка получалась тяжеловата, летала через раз и норовила зарыться носом и уйти в штопор. Саша сложил лист пополам, разорвал по линии перегиба и сделал вариант из половинки листа.

Летные качества сразу пошли на лад, зато подарок выглядел не очень впечатляюще.

Саша написал на крыльях: «N-15» — справа и «Милому Никсе, 8 сентября 1858» — слева. Цвет самолет имел лазурный и прочно ассоциировался с мессенджером «Телеграм».

Саша подумал и сделал еще четыре модели разного цвета.

Испытания были назначены не послеобеденное время в саду Фермерского дворца. Володя принимал в них самое активное участие, а Алеша согласился постоять на шухере и предупреждать о возможном приближении Никсы.

Неизвестное дотоле слово «шухер» было мигом выучено и усвоено.

Маленькие цветные самолеты планировать соглашались и делали это дольше обычных. Так что Саша остановился на подарке: «Набор самолетов разноцветных». И порадовался тому, что здесь радуга ни с чем плохим не ассоциируется.

Близился закат, солнце золотило вершины сосен, становилось холоднее. Медленное парение будущих подарков настраивало на размышления. Начало сентября принесло еще несколько новостей, которые стоило обдумать.

Во-первых, Склифосовский все-таки вернулся в Москву, ибо Московский университет в России самый передовой и самый свободный, не то, что эта ваша Военно-медицинская академия. Саша ждал этого и боялся. Утешало то, что будущее медицинское светило оставило вместо себя заместителя — студента из Петербурга. Лаборатория разделилась на две, и обе повисли на шее у Елены Павловны. Мадам Мишель, впрочем, не протестовала.

За то время, пока Саша развлекался в лагере, Склифосовский успел написать пару статей и отправить их в российские и немецкие журналы. Саше еще предстояло перевести их на английский для «Ланцета». Понятное дело бесплатно.

Клетки Пирогова нашли у большинства больных золотухой, которых смотрел Склифосовский, о чем Николай Васильевич и расписал на две статьи со схемами и рисунками на русском и немецком. И во всех клетках Пирогова нашли туберкулезные палочки.

Статьи Склифосовский послал на отзыв к самому Пирогову. И великий хирург как

минимум заинтересовался.

Саша просил бывшего репетитора порекомендовать его Николаю Ивановичу, чтобы начать переписку со знаменитым доктором. Пирогов, конечно, и так бы ответил Великому князю, но Саше хотелось, чтобы тот воспринимал его не как царского отпрыска, которому делать нечего, а как человека, который что-то понимает, а не просто так марают бумагу.

Относительно Пирогова у Саши были большие планы. Он хотел, чтобы Николай Иванович посмотрел Никсу. Ну, жрет же хлорка эту гадость, а Пирогов дезинфицировал хлоркой раны защитников Севастополя. Может, уже сейчас можно что-то сделать с золотухой брата.

Задача осложнялась тем, что у папá отношения с великим хирургом оставались сложными, а без царского позволения организация встречи казалась нетривиальной задачей.

Эксперимент с морскими свинками Склифосовский начал, но пока не закончил. Бедным животным пропитали подстилку мокротой туберкулезных больных — все, как помнил Саша — но свинкам было хоть бы что — они оставались веселы и здоровы.

Саша посоветовал Склифосовскому набраться терпения. И думал, что у туберкулеза, наверняка, инкубационный период есть, а свинки и не должны были заболеть за две недели. Теперь свинки остались в Петергофе, а Склифосовский — предатель — свалил в Москву.

Так что Саша дал себе слово провести лабораторию. А то как бы зверушки не скончались от чего-то еще, кроме туберкулеза. Например, от голода.

Вырастить культуру бактерий тоже пока не получилось. Но Саша утешал себя: «Ладно, не сразу!»

Алеша кого-то увидел, обернулся и посмотрел вопросительно, и это вернуло Сашу к реальности.

Он на всякий случай сложил самолетик и убрал за пазуху.

К ним приближался Николай Васильевич Зиновьев.

— Александр Александрович! Государь зовет вас к себе!

«О Господи! — подумал Саша. — Ну, сколько же можно! Час от часу не легче!»

Отдал самолет на хранение Володьке и подошел к воспитателю.

— Пойдемте! — сказал тот.

Они вошли во дворец через царский подъезд и повернули налево. Путь лежал в синий кабинет.

Папá встал навстречу, обнял, усадил рядом на синий диван.

И это было ну очень хорошим знаком.

Взял со стола отпечатанный на страницу документ и вручил Саше.

— Читай!

«По указу Его Величества Государя Императора Александра Николаевича, Самодержца Всероссийского и прочая, и прочая, и прочая, — гласил документ. — ПРИВИЛЕГИЯ. Великому князю Александру Александровичу на летающий фонарь».

— Супер! — восхитился Саша.

— Доволен?

— Еще бы! А почему только на меня?

Папá поднял глаза куда-то к потолку и потянулся за сигарой.

— Потому что я прекрасно знаю, кто придумал, — сказал он. — И нисколько не сомневаюсь, что ты своего немца не обидишь.

В общем-то, папá был прав.

И Саша продолжил читать.

«Правительство не ручается ни в точной принадлежности изобретения предьявителю, ни в успехах оногo, и удостоверяет, что на сие изобретение прежде сего никому другому в России привилегии выдано не было...»

Стандартная, видимо, отмазка.

Привилегия была выдана на три года. И за четверть от этого времени изобретение требовалось внедрить и производство наладить, а затем представить в министерство финансов подтверждение от местных властей.

«Пошлинные деньги в размере 90 рублей внесены»,

— утверждал документ.

90 рублей! Саша, конечно, знал про пошлину, но она представлялась ему символической суммой, вроде платы за всякие свидетельства в службе «Мои документы».

— А кто внес пошлину? — спросил Саша.

— Я, — сказал папá.

И зажег сигару.

— Я просто теряюсь и не знаю, как благодарить, — сказал Саша.

Царь усмехнулся.

— Но, — сказал Саша.

Император посмотрел вопросительно.

— Девяносто рублей — это ни в какие ворота! — возмутился Саша. — Не у всех же есть папá, который может внести пошлину в 90 рублей! А если нет, а человек что-то интересное придумал?

— Эти пошлины далеко не все платят.

— Угу! Строгость российских законов компенсируется необязательностью их исполнения.

— Что за цитата?

— Карамзин. Разве нет? — удивился Саша.

— Я у него такого не помню.

Саша пожал плечами.

— Где-то читал.

— И что ты предлагаешь? — поинтересовался папá.

— Высокая патентная пошлина — это гиря на ногах изобретателей и камень на шее промышленности. Я предлагаю снизить раз в десять и платить только после внедрения изобретения. А лучше после выхода на окупаемость.

— Никто не признается, что получает доход, — заметил царь.

— Не признается — прое... потеряет привилегию.

— В «Морском сборнике» про патентное бюро твоя статья?

— Да-а. Там все в порядке, цензура пропустила.

— Не сомневаюсь, что цензура пропустила.

— Хорошо, что я вынес это на общественное обсуждение, — заметил Саша. — Похоже, выдача патентов Госсоветом — еще не самое страшное. Пошлины гораздо хуже. Сколько же еще подводных камней я ни хера не вижу!

— Саша! — одернул папá.

— В упор не вижу, — поправился Саша. — Интересно, а какая статистика? Сколько у нас выдается привилегий в год? А в США, например? Почему-то мне кажется, что мы отстаем раз в десять.

— Я скажу Княжевичу, чтобы он тебе прислал цифры, — пообещал папá.

Александр Максимович Княжевич занимал должность министра финансов. И именно им была подписана привилегия.

— Никому еще так быстро не выдавали привилегии, — заметил царь. — Меньше, чем за полтора месяца! А ты знаешь, были возражения. Не все считали твое изобретение безвредным. Поскольку есть опасность пожаров. Другие не находили в нем пользы — одну остроумную игру ума.

— Мы никогда не знаем, где польза, а где остроумная игра ума, — заметил Саша. — И что, во что выльется. Можно?

— Лист бумаги? Бери!

Саша взял лист, разделил надвое и сложил из половинки самолетик.

Запустил вдоль необъятного царского кабинета.

Самолет долетел почти до противоположной стены и приземлился на письменный стол.

— Вот что это? — поинтересовался Саша. — Что-то полезное или остроумная игра ума?

— Остроумная игра ума, — сказал царь. — Патентовать будешь?

— Ну, что тут патентовать? — спросил Саша. — Каждый может сложить из бумаги.

— И не запатентуют, — заметил царь.

— Однако, это не остроумная игра ума, — заметил Саша. — Представьте эту игрушку увеличенной раз этак в тысячу. И она летает над позициями противника и поливает их картечью.

— На военные изобретения вообще не выдают привилегии, — сказал царь.

— Да? Теперь понятно, почему у нас в армии капсюльные винтовки с дульной зарядкой. И, говорят, гладкоствольные пистолеты. Что американская армия слабее стало от того, что у Кольта патент?

— Американская армия, — поморщился папá. — С кем им там воевать?

— С Великобританией воевали.

Царь затянулся сигарой.

— Ты без этого не можешь, — заметил он. — Обязательно найдешь на солнце пятна.

— Здесь бы солнце найти, — возразил Саша.

Государь усмехнулся.

— Саша, а ты знаешь, сколько папá — твой дедушка — дал на разработку электродвигателей этому жиду Якоби?

Саша поморщился от неполиткорректного слова. Честно говоря, не задумывался о национальности Бориса Семеновича.

— Пятьдесят тысяч рублей, — продолжил папá. — Ты только вдумайся в эту цифру! Пятьдесят! Это мы так науку не поддерживаем! Демидовская премия — пять тысяч всего. И что? Якоби переехал в Россию из Пруссии, перешел в наше подданство, поселился в Петербурге и построил свой электроход, который плелся со скоростью 2 версты в час. За пятьдесят тысяч!

— Некоторым изобретениям просто не пришло время, — заметил Саша. — Не в том смысле, что человечество морально до них не доросло, просто технологий нет. Чтобы построить телеграф, надо было, как минимум, уметь делать проволоку. И мы не знаем, чему пришло время, а чему — нет. Я был просто в шоке, когда Борис Семенович за три дня восстановил телефон. Мне полтора месяца авторучку не могут сделать. Кому только не рисовал! В разных вариантах!

— Я могу тебе дать денег на опытный образец, — предложил папá.

— Не обещаю, что не просажу, — сказал Саша. — Возможно, авторучке не пришло время.

— Попробуй. Телефон и радио того стоят.

— Спасибо. Нужны часовые мастера. В общем, те, кто умеет делать мелкие детали. Лучше всего встретиться.

— Будут, — сказал папá.

— То, что Бориса Семеновича не сослали в Сибирь после истории с грантом на электродвигатели, внушает некоторый оптимизм, — заметил Саша.

— Любишь ты англицизмы! — упрекнул папá. — Все-таки не стоит настолько засорять ими речь.

— С субсидией, — поправился Саша.

— Батюшка считал Якоби гением, так что многое прощал, — сказал царь. — Гальванопластика полезна. Правда, это стоило еще 25 тысяч серебром.

— А где российская компания «Якоби и сыновья»? — поинтересовался Саша.

— Он подавал заявку на привилегию, — сказал папá, — но ему рекомендовали опубликовать описание и выдали вознаграждение. Он не возражал. Издал книгу о гальванопластике, ее тут же перевели на немецкий, потом на английский.

— В Пруссии теперь гальванические копии покупаем? Или в Англии?

— Иногда тебя хочется убить, — сказал папá. — Нет. На заводе герцога Максимилиана Лейхтенбергского, твоего покойного дяди.

— Понятно, — вздохнул Саша. — Изобрел один, а прибыль извлекает другой. Ну, почему у нас всегда так?

— Якоби принимал участие в открытии производства. Максимилиан сначала завел лабораторию прямо в Зимнем дворце, потом гальванический цех. Его очень интересовала электромеханика. А о Якоби зря беспокоишься. Звание академика, потомственное дворянство, деньги.

— Я не о нем беспокоюсь, а о российской промышленности. Никто лучше не сделает, чем изобретатель.

Папá покачал головой.

— Не обязательно. И вряд ли Якоби изобрел бы что-то еще, став промышленником. А так сконструировал несколько моделей телеграфных аппаратов. Последний ты видел в Коттедже. Буквопечатающий.

— Это телеграф Якоби? Я никогда о нем не слышал.

— Батюшка запретил публиковать описание, — сказал царь.

— А привилегия? Ему дали привилегию?

— Нет. Папá решил, что изобретение относится к военному ведомству.

— То есть засекретил, — усмехнулся Саша.

— Да. Но Якоби повел себя не очень хорошо, показав чертежи своему немецкому другу Вернеру фон Сименсу...

— Дальше ясно, — усмехнулся Саша. — Так возникла компания «Сименс», у которой мы еще много что будем покупать.

— «Сименс и Гальске», — уточнил папá. — Уже покупаем.

— Телеграфные аппараты?

— Да. Они несколько отличаются от аппаратов Якоби.

— Это в качестве самооправдания, — заметил Саша. — Я имею в виду господ Сименса и Гальске. Внесли косметические изменения для усыпления совести. Но, честно говоря, их почти не в чем упрекнуть. Засекречивать бессмысленно. Если изобретению пришло время, значит, идея его возникнет не в одной голове, а в сотне голов одновременно. И выиграет тот, кто первым добежит до патентного ведомства.

Папá затянулся сигарой и выпустил дым в потолок.

— Мы с Якоби можем написать заявки на телефон и радио? — спросил Саша.

— Пишите, — кивнул царь. — Рассмотрим.

— Если засекретить телефон, у этого действия будет ровно один результат, — сказал Саша, — мы утратим приоритет и будем закупать аппараты в Англии, Америке или у того же Сименса. Все! Этим кончится. Потому что время пришло. По моим ощущениям изобретение телефона — это вопрос 2–3 лет, пяти — как максимум. Только добежать до патентного бюро и дожидаться привилегии. Радио может продержаться чуть дольше. Но я бы не рисковал.

— Я же сказал: пишите.

— Папá, у герцога Лейхтенбергского была лаборатория в Зимнем дворце?

— Да.

— Можно мне тоже выделить комнату?

— Ладно, посмотрим.

Папá докурил сигару, потушил, положил дымящийся окурок в пепельницу.

Позвонил в колокольчик. Слуга зажег свечи.

— Саша, — сказал папá, когда лакей ушел, — завтра у Никсы День рождения, и там будут ваши друзья детства. Ты кого-нибудь помнишь?

Саша немного запаниковал. Никого естественно! Каких-то ребят упоминал Никса, но слышать имена не значит знать. Ему совсем не хотелось возвращаться к обсуждению вопроса о своем душевном здоровье.

— Нет? — переспросил царь.

— Шереметьев, — сказал Саша. — Сергей... кажется.

— Да, Сережа. Узнаешь при встрече?

— Не уверен.

— Что ты о нем помнишь?

— Потомок графа Шереметьева и, видимо, Прасковьи Ковалевой-Жемчуговой, крепостной актрисы.

— Почти хорошо, — сказал папá, — только ты ему об этом не напоминай.

— Не думаю, что это позорно. Она была красавица, играла героинь и умерла молодой, кажется, от туберкулеза, сразу после рождения сына. Я помню ее портрет в шлеме с огромным султаном из перьев и плаще с фибулой. Где-то видел...

Саша прекрасно помнил, где он его видел. В музее Кусково, естественно. Все его детство, там в будущем, прошло на улице Аллея Жемчуговой, рядом с бывшим графским имением. И интеллигентные родители регулярно таскали туда на экскурсии.

— Значит, помнишь! — обрадовался папá. — Мы у них гостили.

— Он праправнук?

— Нет. Почему ты так думаешь?

— В Кусково есть стела, посвященная визиту прапрабабушки. Я ее помню. Поэтому подумал, что, наверное, праправнук.

— Она раньше поставлена, — заметил царь. — Саш, ты никогда не был в Кусково. Два года назад мы неделю жили у них под Москвой. Но в Останкино. Ты там мог видеть портрет.

Саша пожал плечами.

— Может быть, читал о Кусково или видел на картине, или мне кто-то рассказывал. Например, Сережа. Он мог ее видеть?

— Да, конечно.

— Я еще помню, что у графа Шереметьева и Прасковьи Жемчуговой был сын Дмитрий.

— Это отец Сергея, — сказал папá. — И ты видел Дмитрия Николаевича. В Останкино.

— Боже мой! Всего лишь внук! Эта история казалась мне такой далекой. Совсем из другой эпохи.

— Совсем не помнишь его отца?

— Нет, — признался Саша.

— А Останкино?

— Смутно.

Честно говоря, так и не довелось побывать. Там в будущем — это был другой конец Москвы.

— То есть ты помнишь Кусково и не помнишь Останкино? — продолжал допрашивать папá.

— Да, — признался Саша.

— Мейендорфов помнишь? Федю и Сашу?

— Фамилия знакома. Но это все.

Царь вздохнул.

— Я уже надеялся, что все в порядке, — сказал он. — И опять эта мистика. Ты иногда мыслишь просто блестяще, пересказываешь то, что мало, кому известно, а иногда вдруг не помнишь друзей, с которыми в разбойники играл.

— Наверное, мозг — это как лист бумаги с записями: если что-то стерто, природа не терпит пустоты и тут же записывает что-то другое.

— Мы стараемся не распространяться о твоей болезни, — сказал папá. — Постарайся, чтобы никто ничего не понял.

— Вряд ли это возможно. Где-нибудь я себя выдам.

— Говори поменьше, побольше слушай. Никса тебя подготовит. Завтра утром. Праздник в пять.

Было утро восьмого сентября.

После завтрака Никса ждал его на веранде Соснового дома. На столе, рядом с самоваром, лежал толстый альбом в кожаном переплете.

— Тебя как уже поздравлять? — спросил Саша.

— Вечером, со всеми поздравить.

И Никса раскрыл альбом.

В нем были фотографии, в основном студийные, на фоне драпировок и портьер. Многие подписями и датами.

— Это Сережа Шереметьев, — начал Никса. — Внук графа Николая Шереметьева, сын Дмитрия Шереметьева, владельца Кускова, Останкина, Михайловского и много чего еще. В Останкино мы у них были. В год коронации папá. Сережа на год младше меня, в ноябре ему четырнадцать.

С фото смотрел красивый мальчик с большими глазами и тонкими чертами лица. Кажется, осталось что-то от утонченной болезненной красоты крепостной актрисы.

— Это Мейендорфы, — продолжил Никса. — Федя на год старше меня, ему уже шестнадцать. Сын барона Егора Мейендорфа. Это его брат Саша, ему всего десять.

Еще два правильных аристократических лица.

— Запомнил? — спросил Никса.

— Кажется. Я потом еще посмотрю.

Никса перевернул страницу.

— Саша Олсуфьев, — продолжил он. — У него зимой умер отец: граф Василий Олсуфьев. Саша всего на полгода старше меня. Ниже — Адлерберги. Николай на год старше тебя. И его брат Владимир двенадцати лет.

— Адлерберг — это партнер папá по картам, — вспомнил Саша.

— Да, — кивнул Никса. — Флигель-адъютант, генерал-майор.

— Все они красавцы, все они таланты, все они поэты, — процитировал Саша. — Никса, не запомню! Они все как на подбор!

— Поэт один Паша Козлов, — заметил Никса и показал очередную фотографию. — Но он пока не публиковался.

— Козлов? Фамилия простая. Может, запомню.

— Он самый старший из нас, ему уже семнадцать.

— Князь, граф, барон?

— Нет.

— Как он тогда попал в нашу компанию?

— Он внук героя Отечественной войны, Павла Федоровича Козлова. Дедушка очень к нему благоволил. И Козловы в родстве с Лермонтовыми. Правда, дальнем.

— Это запомню, — кивнул Саша.

— Володя Барятинский, — продолжил Никса, — сын князя Анатолия Барятинского. Володя мой ровесник.

Князей Барятинских оказалось еще двое: двенадцатилетний Саша и еще один, тоже Саша, но с другим отчеством, десяти лет.

— Как ты их не путаешь! — восхитился Саша. — Их еще всех зовут одинаково!

Далее следовал Федя Опочинин двенадцати лет. Саша попытался запомнить его по особой примете — отсутствию титула, какой-то уж совсем утонченной красоте и оригинальной фамилии. Как раз на нем было самое время опочить.

— Вот этого ты точно запомнишь, — беспощадно продолжил Никса. — Яков Ламберт, сын графа Иосифа Ламберта. Яша очень умный, почти как ты. И любит пошутить.

Следующим был Сашин ровесник Миша Толстой. Да, граф. Нет, не сын писателя. Ни Льва Николаевича, ни Алексея Константиновича. Но из того же рода. Зато его родители — друзья Тютчева.

— И наконец, оркестр играет туш! — продолжил Никса. — Владетельный князь Мегрелии Нико Дадиани. Иначе Николай Первый. Одиннадцати лет.

— Да, этого ни с кем ни спутаешь, — заключил Саша, разглядывая фото черноволосого грузинского мальчика. — Но по возрасту его надо, скорее, в друзья к Володьке.

— Так они и дружат, — сказал Никса. — У него еще есть младший брат Андрей. Ему скоро восемь.

Саша вернулся к началу альбома и попытался вспомнить всех. Получалось не очень, то и дело приходилось переспрашивать Никсу.

Потом еще и еще раз. Наконец, брат устроил экзамен. Саша ответил. Кажется, сносно.

Но беспокойство не проходило. А если они вспомнят какой-нибудь эпизод, только им известную деталь, событие или историю? Что он будет отвечать?

Саша успел забежать к себе за подарком.

— Александр Александрович, вы подпишите от кого, — подсказал Гогель. — Подарки на стол складывают.

Минут десять Саша потратил на украшение самолетных крыльев надписью: «От Саши», панически боясь поставить кляксу.

Но обошлось.

Гости собрались в столовой Фермерского дворца, где в июле был семейный ужин с участием дяди Кости и шkodливого Николы. Последний присутствовал. Константин Николаевич, понятно, — тоже.

Обеденный стол был раздвинут на максимальную длину, и в центре его красовался трехэтажный белый торт с пятнадцатью темно-желтыми свечами. Они неровно горели и благоухали воском и медом.

Для подарков был отведен отдельный стол. Саша скромно пристроил свой набор самолетов рядом с подарочной горой высотой метра этак в полтора. Возвышенность состояла из картин, фотографий, рисунков, полного собрания сочинений Вальтера Скотта в русском переводе, гусарской сабли, кавказского кинжала и золотой пороховницы с выгравированном на ней оленем.

Саша вздохнул и отошел к гостям.

Большую часть присутствующих он узнал по фотографиям: юного графа Шереметьева, баронов Мейендорфов, князей Барятинских, поэта Пашу Козлова, Адлербергов, Якова Ламберта и десятилетнего владетельного князя из Мегрелии Нико Первого. Остальных помнил смутно, но надеялся, что вспомнит по ходу дела.

Зато еще четверых гостей не знал совсем. О чем думал Никса, спрашивается!

А эти четверо были весьма примечательны.

Первый был в возрасте Никсы и представлял собой весьма точную его копию. Вплоть до роста, черт лица и цвета глаз. Второй был чуть младше и обращался к первому: «Коля». То есть, собственно, имя тоже совпадало.

И этот второй был копией самого Саши, хотя и менее аккуратно сработанной. При некотором упорстве их можно было отличить друг от друга. В основном по более высокомерному выражению лица Сашиной копии. Однако кровь покойного императора Павла Петровича явно присутствовала в обоих и придала их носам форму, как у сего знаменитого Великого магистра Мальтийского ордена.

Ситуация осложнялась тем, что первый, который Коля, называл второго: «Саша».

Рядом с Колей и Сашей стояли нимфетки двенадцати-тринадцати лет в количестве двух штук. О нимфетках Никса-сволочь вообще не предупредил.

Нимфетка помладше была в высшей степени нимфеткой, то есть обладала хрупкой фигуркой, огромными синими глазами, темными волосами и задорной улыбкой.

Саша поймал себя на том, что в его взгляде на нее есть, пожалуй, что-то от Гумберта, но осознал, что она младше него от силы на год, и успокоился.

Нимфетку звали Тина.

Вторая нимфетка была чуть старше и до нимфетки немного не дотягивала. Была менее изящной, в лице присутствовала некая властность, и вообще она смахивала на мальчишку.

Но в больших серых глазах, пожалуй, что-то было, как минимум, ум. Звали ее Женя.

Из взрослых, кроме дяди Кости, присутствовала Елена Павловна и еще двое братьев папá, которых Саша уже видел: дядя Низи и дядя Миша. Обоим не было и тридцати.

За дверями послышались шаги, в комнату вошел Никса в сопровождении мамá и папá. Глаза у Никсы были завязаны белым шелковым платком, так что мамá поддерживала его под руку.

Все закричали: «Ура!»

Брата подвели к столу с подарками, и мамá сняла повязку.

— О! — сказал Никса. — Я всех благодарю от всего сердца!

Присутствующие зааплодировали.

Проследив за его взглядом, Саша решил, что самолетики брат заметил сразу. Но вида не подал, и стал увлеченно перебирать фотографии, картины, Вальтера Скотта, саблю, кинжал в серебряных ножнах и золотую пороховницу.

Наконец, очередь дошла и до самолетов.

Никса взял зеленый и изучил надпись на крыле.

Улыбнулся и спросил:

— Саша, а что с этим делают?

И Саша по голосу понял, что Никса прекрасно знает, что с этим делают. Кто выдал интересно? И перевел взгляд на Володю, который стоял рядом. Володька опустил глаза.

— Запускают, — ответил Саша. — Мне показать?

— Нет, — улыбнулся Никса. — Я понял.

Поднял самолет и запустил его прямо в толпу подростков.

И тут началось безумие.

Самолет поймала нимфетка Тина и запустила обратно в Никсу, при этом одарив брата таким взглядом, что Саша понял, что на этом поприще его Сашины шансы примерно ноль. Никса же со свойственной для пятнадцатилетнего олуха эмоциональной тупостью не заметил ровно ничего.

И запустил в публику остальные четыре самолета.

Публика отправила их обратно под шутки и смех. Не все долетели. И те, кто помладше бросились их подбирать и запускать снова.

— Это конечно не золотая пороховница, — сказал Саша брату, — но я тебе гарантирую, что на всем земном шаре от Америки до Индии, и от Южного полюса до Северного ни у кого больше нет ни одного такого самолета. Так что стоят примерно столько же.

— А что ты так мало сделал? — упрекнул брат.

— Бумага нужна, — сказал Саша, — можно еще наделать.

Никса обернулся и кинул дежурившему у двери лакею:

— Бумаги принеси!

А Саша поймал себя на том, что совсем перестал замечать лакеев.

Бумага прибыла, и подоконник, часть стола, пианино и стулья были оккупированы для нужд авиастроения. Саша показывал этапы производства для всех желающих и чувствовал себя культурным героем, вроде Прометея.

А потом начался бумажный воздушный парад, немедленно сменившийся серией воздушных боев.

Самолеты усеяли пол.

Гогель с Зиновьевым смотрели на это в некоторой растерянности, однако, так как

государь сидел и улыбался, безобразия не пресекали.

— Ну, я спокоен за будущее российской авиации, — прокомментировал Саша.

— А что такое авиация? — спросил копия Никсы Коля.

Саша не был уверен, на «вы» они с Колей или на «ты», но Никса говорил «ты», так что решил, что и ему можно.

— Вот, Коля, представь себе, что каждая из этих игрушек сделана из металла и размером с эту комнату, — сказал Саша. — И над этим парком Александрия, Финским заливом и Петербургом кружат в небе штук сто. Это и называется «авиация».

— Металлическая точно не полетит, — заявил Коля.

— Ну, не железная же! — возразил Саша. — Алюминиевая, например.

— Саш, алюминий дороже золота, — проинформировал Коля.

— Почему? — спросил Саша. — Электролиз же известен. Гальванопластика — это же электролиз...

И прикусил язык.

Он смутно помнил из школьной программы, что алюминий получают электролитическим способом из расплава бокситов, но совсем не помнил, в каком году это придумали.

— Электролиз? — переспросил Коля. — Я кажется что-то слышал.

— Мне казалось, что алюминий получают электролизом, — проговорил Саша. — Может быть, ошибаюсь.

— Не ошибаешься, — уверенно сказал Коля. — Мне кто-то из учителей рассказывал.

Наконец, всю буйную компанию пригласили к столу. Никса встал перед тортом и старательно задул свечи.

За чаем Саша изучал расклады. Сережа Шереметьев явно симпатизировал младшей нимфетке Тине, по крайней мере, украдкой поглядывал на нее. Зато старшая нимфетка Женя с интересом посматривала на Сашу. Ну, как всегда: «я опять гляжу на вас, а вы смотрите на него, а он глядит в пространство».

Хотелось построить граф отношений. Года через два-три точно придется утешать весь этот детский сад.

Все-таки, чтобы управлять людьми IQ не так важен, как EQ. В общем-то, первый только для того, чтобы уметь отличить гения от мошенника и истину от полной лажи. На остальное можно людей найти. Главное понимать, что во всем ты корифеем быть не можешь, и твои подчиненные будут все равно компетентнее тебя, хотя бы в своих областях.

А эмоциональный интеллект нужен для того, чтобы это терпеть и при этом не дать им съесть друг друга.

Между прочим, ко всем четырем не упомянутым Никсой подросткам присутствующие обращались «Ваше Высочество». Кроме того, младшую нимфетку периодически называли «Екатерина Петровна», а старшую «Евгения Максимильяновна». А Сашу и Колю «Александр Петрович» и «Николай Максимилианович».

И только для Никсы и Володи они были Тиной, Женей, Сашей и Колей.

Саша подозревал, что привилегией называть их по именам обладает еще он сам и князь Мегрелии Нико Первый, но десятилетний Дадиани стеснялся и помалкивал.

После чая Саша спел под гитару что побезобиднее: «Марию», «Балаган» и «Город золотой».

— У этих стихов один автор? — спросил семнадцатилетний поэт Паша Козлов. —

Кажется, что разные.

— Разные, — признался Саша. — Про второе даже есть версия, что это перевод с французского. Что автор из средневековых вагантов. Но не уверен, я не видел французского оригинала. И перевод не мой. Андрея... или Анри... Волохонского, кажется. Я почти ничего не знаю про автора, кроме того, что он, вроде, действительно увлекался средневековьем.

— А первый?

— Михаил Щербаков, — сказал Саша. — Что про него известно? То ли из провинциальных дворян, то из попов. Окончил историко-филологический факультет Московского университета.

— Заметно, — прокомментировал Козлов.

— Щербаков — дворянская фамилия, — прокомментировал старший из Мейендорфов. — И действительно провинциальная.

— Значит, так и есть, барон, — кивнул Саша.

Он не был уверен, что обращение в духе «Войны и мира» прокатит. Но обращение прокатило.

— Я думал, что стихи твои, — заметил Никса.

— Я никогда этого не говорил, — сказал Саша. — И не то, чтобы у меня совсем нет совести.

— Странно, — заметил Козлов. — Стихи отличные, а автор совсем неизвестен.

— Не вижу ничего странного, — возразил Саша. — Многих гениев открывали после смерти. И скольких еще мы совсем не знаем! Кто-то нашел в библиотеке сборник забытых пьес некого Шекспира, и — вуаля — вот он величайший бард всех времен и народов.

— Театр «Глобус» был известен при жизни Шекспира, — возразил Козлов.

— Но забыт после смерти, — заметил Саша. — Честно говоря, я не помню годы жизни Щербакова.

— Я слышал про песню под названием «Трубач», — тихо сказал четырнадцатилетний Николай Адлерберг.

— Боже мой! — удивился Саша. — Откуда?

— В Пажеском корпусе ходит список, — еще тише сказал Адлерберг. — Говорят, пришел из кадетского. Но он неполный.

— У меня есть личный цензор, граф, — заметил Саша.

И посмотрел на Никсу.

— Не здесь и не сейчас, — тихо сказал брат.

— Так точно, — вздохнул Саша. — Но цензура — зло.

— В данном случае точно нет, — возразил Никса.

И покосился сначала на папá, потом на Зиновьева, а потом на Гогеля, как бы измеряя расстояние. Результаты измерений были признаны неудовлетворительными: брат недовольно поморщился.

Самое прикольное началось после чая. Собственно, компанию пригласили в сад играть в «Разбойников». И Саша с ужасом осознал, что не знает правил.

Они вышли на улицу.

Был теплый сентябрьский вечер. Тихо и солнечно. Желтые березы у леса, желтые листочки подстриженных кустов, желтые листья на дорожках.

— Ты кем хочешь быть: казаком или разбойником? — поинтересовался Никса.

Ах, вот оно что!

Дворовых игр там в будущем Саша почти не застал, эта традиция сходилась на нет с начала восьмидесятых. Но в «Казачьи-разбойники» поиграть довелось.

— Казачком, — сказал Саша.

Не то, что бы ему так хотелось быть на стороне закона, но он подозревал, что этих бандитов придется удерживать от того, чтобы не заигрались. И чувствовал себя пионервожатым.

— Ну, как всегда, — прокомментировал Никса.

Николай поколебался и тоже решил стать казачком.

Володька и Никола заделались разбойниками, что было для них совершенно естественно. Тина тоже присоединилась к разбойникам. Женя ушла с ней.

Юный граф Шереметьев свалил за Тиной. Грузинский князь убежал со сверстниками.

Старшая часть компании оказалась по большей части в одной команде с Сашей и Никсой. И поэт Паша Козлов, и Федя Мейендорф, и обе августейшие копии: и Сашина, и Никсова. То есть Саша и Коля.

Графы Адлерберги остались под сенью власти. Остальные разбрелись, кто куда.

И казачки облюбовали лавочку в саду в качестве будущей тюрьмы для пойманных. Саша сел и пристроил рядом гитару.

— Правила помнишь? — спросил Никса.

— Примерно, — сказал Саша. — разбойники убегают, рисуют на дорожках всякие стрелочки, мы их ищем и ловим. Пленников сажаем на лавочку. Все так?

— Примерно, — кивнул Никса. — Разбойники еще загадывают пароль, который мы должны у них выпытать. И когда ты кого-то салишь, надо сказать: «Красная печать — нельзя убежать». А они могут освобождать своих. При этом они должны прикоснуться к пленнику и сказать: «Зеленая печать — можно убежать».

Про пароль и печати Саша в упор не помнил. То ли игра упростилась за сто с лишним лет, то ли просто забыл.

«Разбойники» разбежались, и «казачки» пошли изучать стрелочки. Круг со стрелочками во всех направлениях, выведенный палочкой на песке, встречался, пожалуй, чаще всего.

Вместо небольшого московского двора в распоряжении участников был огромный парк, так что Саша терялся в догадках, как тут вообще кого-то поймать.

Компания разбрелась по стрелочкам.

И они с Никсой остались вдвоем.

— Слушай, а что у нас в гостях за «Высочества»? — спросил Саша. — Почему ты мне о них ничего не сказал?

— Потому что они родственники, — объяснил Никса. — Я тебе раньше про них рассказывал. Коля — герцог Лейхтенбургский, наш кузен, старший сын тети Мэри, папиной сестры.

— Твоя копия, — заметил Саша.

— Да, мы немного похожи, — согласился Никса.

— А Тина?

— Тина — сестра Саши, он на тебя похож. Саша — принц Ольденбургский, наш троюродный брат. А Женя — сестра Коли.

— То есть Тина — принцесса Ольденбургская?

— Да, совершенно верно.

— А к ним можно обращаться: «принц», «принцесса», «герцог»?

— В принципе, да. Нам можно. По титулу — это обращение равных. Но лучше по имени. Все-таки родственники.

— Я что-то не так сказал, когда обратился к Мейендорфу «барон», а к Адлербергу «граф»?

— Ты их поднял до себя. Но никто не удивился, все наслышаны о твоём демократизме. Ну, там «вы» лакею. Да пусть радуются!

За деревьями что-то мелькнуло. Никса среагировал мгновенно и бросился в лес. У толстенького Володьки шансов не было. Так что довольный Николай привел младшего брата, держа под локоть.

Когда они вернулись, на скамейке уже скучал юный граф Шереметьев под охраной Паши Козлова.

— Как там насчет пароля? — поинтересовался Саша.

— Пока никак, — развел руками Козлов.

— Ну, что, будем говорить, граф? — спросил Саша.

— Нет, Ваше Высочество, — бойко ответил Сережа Шереметьев.

— Как так? — удивился Саша. — А если цесаревич прикажет?

— Не прикажу, — сказал Никса. — Игра сразу кончится. Что за интерес?

— В девять фейерверк, — напомнил Козлов.

— Еще много времени, — возразил Никса.

— Вы еще не государь, Николай Александрович, — заметил Сережа.

— Да? — переспросил Никса. — Ничего, есть простой способ. Они нам все расскажут за две минуты.

И перевел взгляд на Володю. Тот как-то сжался на своей лавочке.

А в движениях Никсы появилось что-то кошачье-ленивое. Может быть, так держался Николай Павлович, когда лично допрашивал декабристов. Но Николай Первый мог и наорать, а Никсу вообще невозможно было представить вышедшим из себя.

От него скорее повеяло холодом, чем яростью.

Николай подошел к Володе и начал его щекотать. Младший брат завизжал.

— Никса! — сказал Саша. — Заигрываешься.

Никса недовольно обернулся. Володя посмотрел с благодарностью.

— Щекотка по правилам разрешена, — заметил Паша Козлов.

— Мало ли что по правилам, — возразил Саша. — Есть же милосердие. С арестантами надо ласково, по-европейски: кормить, выгуливать, не запирают в одиночках и дают читать и писать. У нас не азиатская деспотия!

— Ну, знаешь, Сашка! — усмехнулся Никса. — С тобой играть все равно, что с Зиновьевым.

И снова принялся за Володьку.

— Ладно, я скажу, — сдался младший брат. — Пароль: фрегат.

— Врет, — машинально отреагировал Саша.

— Ага! — сказал Никса. — Все-таки от тебя, Сашка, иногда есть толк.

И перевел взгляд на графа Шереметьева.

— Добром скажи!

— Нет, — бросил Сережа.

— Ну, хорошо, — притворно вздохнул Никса.

И перевел взгляд на Козлова.

— У тебя перчатки есть?

Тот кивнул.

— Пойдем! — приказал Никса.

Глава 17

Никса с Козловым углубились куда-то в лес, а Саша остался на лавочке с двумя пленниками.

Похоже, Сергей и Володя поняли, куда отправился цесаревич в сопровождении семнадцатилетнего поэта. И цель этой экспедиции двум первым категорически не понравилась.

— Са-аш, — протянул Володя, — отпусти, а? Ты же добрый! Ты же понимаешь, что сейчас будет! Никса не шу-утит!

Граф Сережа ожег Володьку презрительный взглядом.

Честно говоря, Саша довольно плохо понимал, что сейчас будет. Что они там ищут в лесу?

Его отвлек шорох за спиной.

Возле лавочки как из-под земли возник Никола и молниеносно осалил сначала Володьку, потом Сережу.

— Зеленая печать, можно убежать, — победно провозгласил он.

И бросился наутек.

Что этого зайца ему не поймать, Саша понял сразу.

Из двух остальных он выбрал Шереметьева, потому что Володьку надеялся догнать и потом.

Юный граф даже не успел вскочить с лавочки, как Саша дотронулся до его плеча.

— Красная печать — нельзя убежать.

Зато Володя успел утечь с лавочки и куда-то исчезнуть.

Саша оглянулся вокруг. Младшего брата нигде не было.

Наверняка ведь где-то здесь!

Зато из леса показались Никса с Козловым. Последний нес здоровый пук крапивы.

— Я Володьку упустил, — признался Саша. — Плохой из меня тюремщик!

— Не оправдывайся, — сказал Никса. — Кто его освободил?

— Никола, — вздохнул Саша.

— А! — усмехнулся Никса. — Наш драгоценный кузен.

— Зато теперь мы знаем, кого посылать с рейдами в тыл противника, — заметил Саша.

— Тоже мне новость! — фыркнул Николай. — У нас сейчас с графом будет интересный разговор.

И кивнул Козлову.

— Давай!

Паша водрузил крапивный букет рядом с Шереметьевым, взял три растения покрупнее и хлестнул юного графа по рукам.

Сережа сжал губы, но не издал ни звука.

— Это тоже по правилам? — поинтересовался Саша.

— Конечно, — кивнул Никса.

— Граф, это по правилам? — спросил Саша Шереметьева.

— Да, — тихо сказал Сережа.

— Иногда надо менять правила, — заметил Саша.

— Паш, давай Сашку арестуем, — предложил Никса. — За измену и переход на сторону

разбойников.

— Это где измена? — возмутился Саша. — Никто никуда не переходил! Защищать права пленников — не значит предавать.

— Отойди! — сказал Никса.

И надел перчатки.

Бросил Козлову:

— Что-то ты с ним слишком ласково.

Взял оставшийся пук крапивы и начал хлестать Сережку по рукам. На красивом лице Никсы появилось жестокое выражение.

Запястья Шереметьева покраснели, и на них появились волдыри.

— Никса, прекрати! — сказал Саша.

Николай выпрямился и обернулся.

— Как ты смеешь меня останавливать?

— Никса, ты мне таким совсем не нравишься, — сказал Саша. — Не дай мне разочароваться в тебе окончательно. Прямо больно. Крушение идеала.

— И что ты предлагаешь? — спросил Николай.

— Дедушка как-то обходился, — сказал Саша. — Декабристов не пытали, исторический факт. Они как-то сами все выкладывали. Вот как? Материалы дела что ли поднять?

— У дедушки была Петропавловская крепость с Алексеевским равелином, — заметил Никса.

— Это не объяснение, — сказал Саша. — Они были крепкие ребята.

— Хочешь поиграть в Николая Павловича? — спросил Никса. — Давай!

Саша опустил на корточки перед Шереметьевым, поднял глаза и внимательно посмотрел на него.

— Как насчет должности моего адъютанта, граф? — спросил Саша.

— За пароль? — поинтересовался Сережа.

— Нет, — сказал Саша. — Я же вижу, что ты не продаешься.

— Кто бы отказался! — воскликнул Шереметьев.

— Принято?

— Да.

— Понимаешь, Никса, — сказал Саша. — Когда человек, чувствует за собой вину, он начинает оправдываться и в результате полностью себя топит. А здесь, какая вина? Выпытать слово, ни с чем не связанное, это гораздо сложнее.

— Как я понял, ты пас? — спросил Никса.

И шагнул к Шереметьеву с пучком крапивы.

— Не трогай моего адъютанта! — остановил Саша. — Вассал моего вассала не мой вассал.

— В России никогда не было этого принципа, — заметил Никса.

— Дай мне еще немного времени, — попросил Саша. — Будет гораздо интереснее, чем пытки. Отхлестать друг другу крапивой вы и без меня успеете.

— Хорошо, — согласился Никса.

— Ну, что у нас еще есть, кроме самооправданий и подкупа... — проговорил Саша. — Благородные чувства. Например, обвиняемый хочет показать правительству масштаб общественного недовольства для чего выдает всех ему известных членов заговора.

— Не сработает, — заметил Козлов.

— Конечно, — согласился Саша. — Мы и так знаем всех наших разбойников: по именам. Но это не все. Еще есть дружба...

— Если сейчас поймают еще кого-нибудь, — заметил Никса.

— Ну, граф, кто твой лучший друг? — спросил Саша.

Шереметьев молчал.

— И еще есть любовь, — сказал Саша. — Где Тина, граф?

— Не пойдет, — сказал Никса. — Что бы ты обо мне не думал, я не буду пытаться девочку.

— Ну, зачем же обязательно пытаться? — поинтересовался Саша. — Тина к тебе равнодушна.

— Да? — удивился Никса.

— Александр Александрович, вы действительно думаете, что это лучше пытки? — спросил Шереметьев.

— Ладно, — вздохнул Саша. — Сильный инструмент, оставим на крайний случай. Есть еще благодарность.

— И то верно, Сережа, — подхватил Никса, — после всего, что сделал Саша, молчать с твоей стороны — это полное бесстыдство!

— А выдавать тайны не бесстыдство? — спросил Шереметьев.

Саша поднялся на ноги.

— Кажется, я не ошибся в выборе адъютанта, — заметил он.

— Сдаешься? — спросил Никса.

И взялся за крапиву.

— Не поможет, — сказал Саша. — Ты его хоть огнем жги. Железный парень.

— Лесть входит в число твоих инструментов? — поинтересовался Никса.

— Один из основных.

— Буду знать, — сказал Никса.

— Не против тебя, — возразил Саша.

— Ну, конечно!

Саша оглянулся к Шереметьеву.

— А как насчет сделки со следствием, граф?

— Чем это от подкупа отличается? — спросил Шереметьев.

— Всем, — сказал Саша. — Сделка — это равноправный договор.

— И что ты предлагаешь? — спросил Никса.

Предложить Саша не успел, потому что услышал за спиной разговоры и смех.

Обернулся.

К лавочке вели нового арестанта. Это бы Яков Ламберт, ровесник Никсы. Тонкие черты лица, светло-русые волнистые волосы, умные голубые глаза. Саша помнил, что Ламберты — по происхождению французский род, и про себя окрестил его «Арамисом».

Конвой состоял из Коли Лейхтенбергского и Феди Мейендорфа.

— О! — сказал Саша. — Надежда есть. А то у нас тут Василий Шибанов завелся. В общем: «Слово его все едино, он славит своего господина».

*— День меркнет, приходит ночная пора,
Скрипят у застенка ворота,
Заплечные входят опять мастера,*

— процитировал Ламберт.

— Оно издано? — удивился Саша.

— Эээ... нет, — признался Яков. — Ходит в списках.

— Никса, а можно мне взять еще одного адъютанта? — спросил Саша.

— Яшу я тебе не отдам, — отрезал Никса.

— Александр Александрович берет себе пленников в адъютанты, а потом, на правах сюзерена, не дает пытаться, — объяснил Козлов.

— Да? — заинтересовался Ламберт.

— А что за Василий Шибанов? — спросил Шереметьев.

Ламберт поднял глаза куда-то к ветвям деревьев.

— Почитайте хотя бы Карамзина, граф, — посоветовал Козлов.

— Прочитает в свое время, — вступился Саша. — Василий Шибанов — это стремянный князя Курбского, который привез его письмо Ивану Грозному.

— Да, кажется вспомнил, — сказал Шереметьев. — Его убили?

— Запытали до смерти, — уточнил Саша.

— Так что за сделку ты хотел предложить? — напомнил Никса.

— Граф, — обратился Саша к Шереметьеву, — я ведь у вас в Кусково никогда не был?

— Нет, — сказал Сережа, — только в Останкино.

— Давай так, — предложил Саша. — Ты у меня спрашиваешь что-нибудь про Кусковский парк, и, если я отвечаю правильно больше, чем на половину вопросов, ты говоришь пароль.

— Любопытно, — прокомментировал Ламберт.

— Александр Александрович наверняка видел схему или план, — предположил Шереметьев, — потому и предлагает Кусково.

— Конечно, — кивнул Саша. — Но не факт, что я его помню. С собой нет. Зато ты знаешь свое Кусково как свои пять пальцев. И, если соврешь, мы увидим. Вопросы по плану. То есть не «какой сорт роз у нас растет вокруг стелы, посвященной визиту Екатерины Великой».

— Мне затея нравится, — сказал Никса. — Интересно.

— Не помню, какой сорт роз, — сказал Шереметьев. — Я там давно не был.

— Значит, мы почти в равном положении, — заметил Саша.

— Ладно, — сказал Сережа. — Попробуем. Если вы, Ваше Высочество стоите спиной к дворцу, а лицом к стеле, что у вас справа?

— Грот, — сказал Саша. — Милое, кстати, место. Как ни странно, отдельное здание с куполом, а не пещера. Прохладно, панно из ракушек. Это я напрашиваюсь.

— У папá спрошу, — сказал Сережа. — Но, думаю, что он будет очень рад.

— Он угадал? — спросил Ламберт.

— Да, — кивнул Шереметьев. — А дальше?

— От большого пруда?

— Да.

— Пруд поменьше, — сказал Саша. — Потом Итальянский домик.

— Правильно? — спросил Никса.

— Да, — подтвердил Шереметьев. — Но Великий князь кое-что забыл...

— Крепостной театр? — предположил Саша. — Он тоже там?

— Да.

— Ошибку не засчитываем. — резюмировал Никса. — Он поправился.

— Ладно, — кивнул Сережа. — Вы стоите спиной к дворцу. Что перед вами?

— Французский парк, стела, о которой я уже говорил, две больших лиственницы, а за ними — оранжерея.

— Да, — сказал Шереметьев. — Разве лиственницы могут быть на плане?

— Бывают и подробные планы, — заметил Саша.

— Я не видел таких, — засомневался Сережа. — И панно из ракушек в гроте на схемах не бывает.

— Бывают схемы с описаниями, — сказал Саша.

Никса усмехнулся.

— Я тебе потом объясню, Сереж. Если, конечно, скажешь пароль.

— Хорошо, — кинул Шереметьев. — Что у вас слева, Ваше Высочество?

— Швейцарский домик, — сказал Саша.

— Нет! — воскликнул Сережа. — Нет там никакого швейцарского домика!

— Ну, как же! — удивился Саша. — Нижний этаж кирпичный, верхний деревянный, на втором этаже — красивый резной балкон, деревянная лестница на второй этаж и резные деревянные колонны.

— Нет! — сказал Сережа. — Ошибка!

— Саш, он врет? — спросил Никса.

— Нет, он не врет. Моя ошибка. Пригласишь, когда построишь, граф. Если швейцарского домика еще нет, дальше голландский домик, а перед ним еще один пруд. Да?

— Да, — кивнул Шереметьев.

— В голландском домике, кажется, три этажа, наверху надпись с годом постройки, по моему, восемнадцатый век. Самый старый да?

— Да, — сказал Сережа. — Но в нем два этажа.

— Мне казалось, что он довольно высокий, — заметил Саша. — Это, наверное, чердачное окно.

— Да, — сказал Шереметьев. — Но этажей два.

— Ошибка не засчитывается, — сказал Никса. — Сережа про число этажей не спрашивал. И это невозможно увидеть на плане. Надпись с годом есть?

— Да, — кивнул Сережа. — 1749-й.

— Этого достаточно? — спросил Никса. — Как насчет пароля?

— Никса, Саша действительно не был в Кусково? — спросил Коля Лейхтенбергский.

— Нет, — улыбнулся Никса. — Никогда.

— Он что ясновидящий? — спросил Коля.

— Ответ на этот вопрос после пароля, — отрезал цесаревич.

Сережа Шереметьев колебался.

— Ну, давай я дальше расскажу, — предложил Саша. — Обойдем вокруг дворца. Встанем к нему спиной, а лицом к большому пруду. Слева будет церковь. Прямо напротив — канал с двумя серыми колоннами на левом и правом берегу.

— Это маяки, — уточнил Сережа.

— Скорее всего, — согласился Саша. — Я не видел их горящими. Если посмотреть

налево, на пруду маленький остров, круглый, кажется. У вашего дворца два мощных брусчаткой съезда для карет, а между ними — широкая лестница. Сам дворец деревянный, с высокими окнами, а лепнина в нем из папье-маше...

— Цесаревич, — сказал Шереметьев.

— Что? — спросил Никса.

— Пароль: цесаревич, — вздохнул Сережа.

— И то правильно! — отреагировал Саша. — А то бы я сейчас начал рассказывать о скелетах в шкафах и замурованных в стены племянниках.

— Нет, такого! — возмутился Шереметьев.

— Конечно нет, — согласился Саша. — Шучу.

— Не врет про пароль? — спросил Никса.

— Нет, — сказал Саша. — Так ведь, Яков?

— Так, — кивнул Ламберт. — Вы выиграли.

— А мой вопрос? — спросил Коля. — Про ясновидение.

— Ответ: да, — сказал Никса. — Саша как-то описал Зиновьеву набережную Ниццы и побережье Болгарии. В каком-то совершенно конкретном месте.

— Раньше я об этом не слышал, — сказал Ламберт.

— С лета, — объяснил Никса. — Раньше и не было.

— А зачем тогда крапива была нужна? — спросил Шереметьев.

— Я же не знал, что Саша слетает в духе в твоё имение, — объяснил Никса. — Он мне не сказал. Хотя, конечно нетрудно было догадаться. Что тут лететь до Москвы!

— А почему Саша ошибся со швейцарским домиком? — спросил Коля Лейхтенбергский.

— Я не всегда вижу то, что сейчас, — объяснил Саша. — Я могу видеть то, что будет через несколько десятков лет, иногда через сотню. Например, ваши лиственницы, Сережа, мне представляются гигантскими старыми деревьями со стволами в три обхвата. Наверняка ведь не так сейчас. Обычные деревья, да?

— Да, толщиной не больше локтя.

— И крепостного театра я не увидел, потому что в том времени, куда я летал, он разрушен. И огонь не видел на маяках, потому что там больше не зажигают огня. А остров на большом пруду я вижу полностью заросшим деревьями. Он сейчас какой?

— Такой же.

— Ну, что-то есть постоянное.

— Так что, Сереж, не огорчайся, — заключил Никса, — у тебя не было шансов.

По дорожке к ним приближались Зиновьев с Гогелем в сопровождении остальной части компании.

— Ах, вот вы где! — сказал Зиновьев. — Пойдемте, сейчас начнется фейерверк.

И они пошли к Сосновому дому.

— Саш, ты министром иностранных дел хотел? — спросил Никса по дороге.

— Да, — кивнул Саша.

— Ты знаешь, я передумал. Лучше я отдам тебе Третье Отделение.

— О, Боже! Никса! Только не это!

Четверг Саша посвятил переводам. «Имперские стандарты на Великобританские якоря» для дяди Кости. И две статьи про туберкулез для Склифосовского. Первая с английского, остальные — на английский.

«Якоря» были готовы к обеду.

Саша послал перевод Константину Николаевичу.

«Дядя Костя, — писал он. — А можно мои стихи опубликовать под псевдонимом „Михаил Щербаков“? А то мне кажется не стоит валить все в одну кучу и печатать „Якоря“, проект о патентном ведомстве и песенки под одним именем».

Дядя Костя ничего против не имел.

Времени оставалось мало, ибо с понедельника их всех: Никсу, его самого, Володьку и даже мелкого Алешку загоняли учиться. А уже завтра, в пятницу, намечался предварительный экзамен на тему: «Что у вас, Ваши Императорские Высочества, осталось в головах после счастливого лета?»

Экзаменатора звали: Яков Карлович Грот. И был он, разумеется, академиком.

— А по каким предметам будет экзамен? — спросил Саша Гогеля.

— Русский язык и русская словесность, церковно-славянский язык, история, география и немецкий язык, — перечислил Григорий Федорович.

— А Яков Карлович знает... что я не все помню?

— Да, конечно, — сказал Гогель. — Не волнуйтесь, Ваше Высочество!

— Может мне подготовиться? — спросил Саша. — Учебники почитать?

— Яков Карлович сам для вас пишет пособия, — сказал Гогель.

— А они где?

Синдром отличника — все-таки очень стойкая вещь, с годами не проходит.

— Яков Карлович сказал, что ничего не надо, — подытожил гувернер.

До вечера Саша еще успел переписать для Никсы «Трубача». В двух экземплярах (Ламберт просил, и Паша тоже просил). Ну, если с разрешения цесаревича — тогда конечно.

И отправить первый перевод для Склифосовского.

И записку аптекарю на тему: «Ура! У нас привилегия!»

Жаль, что сфоткать нельзя.

На столе у Саши лежали неоткрытыми три книги от Якоби: «Электромагнитные телеграфы» некоего Б. Лампе, «Электро-магнитный телеграф, его теория и устройство», изданная в Варшаве два года назад, и «Генераторы».

А также задачи от Остроградского, любезно переданные кадетом Скалоном. Саша даже не успел посмотреть, что там.

Не говоря о статистических сборниках от Милютинна.

А также «Записках охотника» господина Тургенева. С авторской надписью.

Ну, почему у него всегда так? Количество дел зашкаливает и вгоняет в депрессию. И ведь никто не заставляет! Абсолютно все он выдумывает себе сам!

Как будто в будущем было иначе!

В пятницу его разбудили в 7 утра.

Занятия начались в девять.

Учебная комната располагалась в восточном флигеле Фермерского дворца, рядом с детскими, на втором этаже, примерно над приемной мамá. Светлые стены, украшенные пейзажами, шкаф с книгами, утреннее солнце повторяет квадраты окон на полу. Запах осени из сада.

Яков Карлович уже ждал его. И Саша сел за парту, точнее за письменный стол.

Академик был гораздо моложе Якоби, примерно под пятьдесят.

Прямой нос, гладко выбритый подбородок, бакенбарды. На шее — модный галстук «лавальер», но таких скромных размеров, так что язык не поворачивался назвать его «бабочкой». Гражданский сюртук, под ним — жилет.

Учитель сел в кресло напротив.

— Ну, что, Александр Александрович, начнем с географии? Встаньте, подойдите к карте, возьмите указку...

Собственно, карт было две. Обе большие, как в школе его детства. Но висели они не на доске, а на подставках.

Первая была политической, и все бы ничего, но на месте Германии помещалось лоскутное одеяло из княжеств, и Италия была не лучше, разве что нарезана более крупными фрагментами.

Так что Саша направился к физической, где вроде все было привычно.

Яков Карлович не возражал, видимо, политическая география еще не началась.

Впрочем, главным кошмаром в школе для Саши была география экономическая. Его зачем-то заставили выучить грузинские месторождения угля: Ткибули и Ткварчели. А потом они оказались за границей. Ни разу не понадобились.

Начал учитель с морей, что было прямо совсем просто. Черное, Каспийское, Северное... Саша чуть подтормозил на Адриатическом, поскольку не помнил, с какой стороны оно от Италии, но вспомнил, где Черногория, и справился.

Грот был доволен.

— А теперь, Александр Александрович, покажите мне Ледовитое море.

Такого моря Саша не знал, но нетрудно догадаться, что оно являлось частью Северного ледовитого океана. И море нашлось на месте моря Лаптевых.

— Отлично, — сказал Яков Карлович. — Теперь реки...

Это тоже было просто, не будешь же ты искать Рейн в Африке.

— Покажите реку Рио-Гранде, — попросил Грот.

Все-таки в последние 30 лет Саша изучал географию на практике. Если побывал в Южной Франции, никогда не забудешь, где Пиренеи. А вот до Испании так и не добрался.

И попытался найти Рио-Гранде там.

Грот победно усмехался.

— Не там ищите, Александр Александрович, — заметил он.

Саша осознал ошибку и начал поиски в Южной Америке, но тоже безуспешно.

— Ладно, это сложно, — смирился Грот.

Но Саша уже дошел до той части карты, где должна быть Мексика.

— Вот, — сказал он.

— Хорошо, — кивнул Грот. — Хотя и не сразу. А теперь возьмите бумагу и напишите названия пятнадцати самых больших российских городов.

Саша послушался и начал писать:

«Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Казань, Новосибирск, Краснодар...»

И задумался. «Краснодар» — это советское название? Или просто красивый город?

«Нижний Новгород, Самара, Томск, Омск, Ростов-на-Дону, Владивосток, Хабаровск, Воронеж, Уфа».

Пересчитал — вроде сошлось, расставил «еры» — и отдал Гроту.

— Та-ак, — сказал Грот.

— Честно говоря, уверен только в первых пяти, — попытался оправдаться Саша. — Остальные могут быть не самыми крупными.

— Вы зря уверены, Александр Александрович, — заметил Грот. — Что это за город такой Новосибирск?

— В Западной Сибири, — удивился Саша. — Разве нет?

Он вспомнил про Новосибирский Академгородок, где у него были знакомые. Но решил не упоминать.

— Нет, — вздохнул Грот.

И вычеркнул Новосибирск красными чернилами.

— Краснодар — это где? — продолжил Яков Карлович.

— По пути в Крым, — пояснил Саша. — На юге.

И чуть не добавил, что на трассе М4 «Дон», среди полей подсолнухов. Но вовремя остановился.

— Возможно, я перепутал название, — предположил Саша. — Екатеринодар?

— Да, — кивнул учитель. — Екатеринодар. Владивосток покажите мне на карте, пожалуйста.

Владивосток почему-то не был обозначен, но Саша подошел к карте и показал куда-то на побережье Японского моря.

— Где-то здесь, напротив Японии, — пояснил он. — Слишком маленький, да?

— Его вообще нет, — сказал Яков Карлович, — вы что-то путаете.

— Может быть, — вздохнул Саша.

— И Хабаровска нет, — сказал Грот. — Где вы думали, он находится?

— На Амуре... кажется. На другом берегу — Китай.

— Был такой землепроходец Хабаров, как раз там воевал, — заметил учитель. — Помните это имя?

— Нет, — признался Саша.

— Погодите, погодите... генерал-губернатор Муравьев основал пост Хабаровка в мае этого года. Примерно там, где вы показываете. Но это не город, даже не село — это военный пост.

— Я, наверное, где-то слышал и перепутал, — предположил Саша.

Не думал, что города растут так быстро. Особенно впечатлял огромный, но неизвестный

здесь Новосибирск.

— У вас странные ошибки, Александр Александрович, — заметил Грот. — Раньше вы бы столько не назвали. Зато теперь три выдуманных города. И один с искаженным названием.

— Я еще забыл Иркутск и Оренбург. Они есть?

— Да, — улыбнулся Яков Карлович.

— Пермь, Тобольск, Тюмень. Чтобы полностью реабилитироваться. Ничего не выдумал?

— Нет, все правильно. А почему вы так упорно Одессу не называете?

— Потому что это Украина. Вы сказали «российские города».

— Это не Украина, это Новороссия, — вздохнул Грот. — Хорошо. Города Российской Империи.

— Киев, Варшава, Хельсинки, Баку, Тбилиси...

— Погодите, погодите, — остановил Грот.

— Тифлис, — поправился Саша.

— Не в этом дело... «Хельсинки» — это по-фински.

— Гельсингфорс, — поправился Саша.

— Я вам, наверное, когда-то говорил финский вариант... но почему вы вспомнили именно его?

— Перепутал. Мне продолжать?

— Да.

— Ташкент, Алма-Ата, Самарканд, Бухара...

Честно говоря, Саша не был уверен, что вспомнит столицы всех пятнадцати республик.

— Погодите, погодите! Ташкент — это не Россия, это Кокандское ханство.

— Я выучу, Яков Карлович, — пообещал Саша.

— Алма-Ата нет такого города. Самарканд — пока не Россия. И Бухара — не Россия.

— Физическую географию я знаю лучше, — заметил Саша. — Она проще как-то и... постоянно. Горы растут медленнее городов.

— Да вы философ, Александр Александрович, — сказал Грот. — Но, в общем, неплохо. Четыре.

— Намного хуже, чем было?

— С географией у вас всегда было прилично, — заметил Яков Карлович, — но отчасти даже лучше. С физической.

С историей неожиданно оказалось гораздо хуже. Русскую он еще вытянул на ту же четверку. Все-таки основные даты, войны и последовательность монархов он помнил. Да и Историю СССР в МГУ сдавал.

От школьной истории 20-го века местная отличалась разве что отсутствием цитат из классиков марксизма-ленинизма и рассуждений об общественно-политических формациях. Ну, и хорошо. Зато больше про людей.

Саша выехал на том, что когда-то не поленился прочитать Карамзина и отчасти Костомарова и Ключевского, но срезался на событиях Северной войны. Помнил только, что со Швецией, но даже годы приблизительно.

Некоторым открытием для него явилось то, что у России было до хрена союзников. Он в упор не помнил эту деталь из советской школы.

Самой обидной оказалась тройка по истории средних веков. Он весьма неплохо помнил

альбигойские войны, поскольку когда-то участвовал в ролевой игре «Альбигойский поход», знал, сколько было крестовых походов, учитывая Крестовый поход детей, но уже без дат, и помнил год падения Константинополя.

Зато из всей столетней войны мог прилично воспроизвести только историю Жанны д'Арк, ибо читал книгу про то, что она была не крестьянской девушкой, а сводной сестрой дофина.

А Священная Римская империя ассоциировалась ровно с одним именем: Карл Великий. А имя — с памятником у Собора Парижской Богоматери. И все!

— Империя Карла Великого и Священная Римская Империя — это разные государства, запомните! — процедил Грот.

Такого кощунства академик не стерпел. И вклеил тройку.

Тройка была непривычной отметкой. В советской школе исправно ставили пятерки.

По подуду немецкого и церковнославянского Саша честно сказал «пас» и попросил учить его сначала. Может, что-то вспомнит по ходу дела.

Но оставался еще русский.

— Берите тетрадь, Александр Александрович, напишем небольшой диктант.

Диктанты Саша не любил с детства, но тетрадь взял.

И Грот начал диктовать:

*— Белый, бледный, бедный бес
Убежал голодный в лес.
Лешим по лесу он бегал,
Редькой с хреном пообедал.
И за горький тот обед
Дал обет наделать бед.*

Саша написал, расставил твердые знаки. Он не понимал, в чем прикол. Диктант казался легким.

*— Наши веки и ресницы
Защищают глаз зеницы,
Веки жмурит целый век
Ночью каждый человек.
Ветер ветки поломал,
Немец веники связал,
Свесил верно при промене,
За две гривны продал в Вене,*

— продолжил учитель.

Саша дописал, пробежал глазами еще раз. Смысла в стихотворении было мало. И вообще оно выглядело странным и что-то напоминало.

— Давайте, Александр Александрович!

Грот протянул руку за тетрадью.

Взял, окинул взглядом текст, помрачнел и глубоко вздохнул.

— Александр Александрович! Ну, как так можно!

И тут до Саши дошло. Он понял, что напоминает. Это! Ненавистное! Про спряжения «Гнать, держать, смотреть и видеть...»

— Яков Карлович, это мнемоническое правило, да? — спросил Саша. — На «ять»? Давайте, я исправлю. Я понял. Я уже знаю, как ее писать.

— Уже? Знаете, как писать?

— То есть просто знаю.

Знал он в основном по переписке с дядей Костей, Еленой Павловной и остальными многочисленными корреспондентами.

— Ладно, — смилостивился академик, — исправляйте!

Саша легко исправил первое шестистишие, но подвис на словах, где «е» было по две штуки. И какое из них «ять»? Вряд ли оба.

— Яков Карлович, а в слове «человек» «ять» после «ч» или после «в»?

— Под ударением.

— А! Понятно.

И исправил на «ять» все ударные «е».

Грот проверил.

— В слове «Вене» «ять» два раза.

— Значит, не всегда под ударением.

— Просто запомните.

— А зачем, Яков Карлович? Она же совсем от «е» неотличима.

— Государь Николай Павлович тоже хотел ее упразднить, и сам писал без «ятей». Но Греч, автор книг по русской грамматике, возразил, что «ять» — это знак отличия грамотных от неграмотных. Государь, ваш дедушка, устыдился, и передумал.

— В русском языке и так довольно тонких мест, чтобы отличать грамотных от неграмотных. Зачем создавать лишние трудности? И «ер» в конце каждого второго слова — это только перевод чернил. Зачем это нужно? И «и десятеричное» совершенно лишнее.

— А как вы отличите слово «мир», как состояние, противоположное войне, от слова «мир», как общество?

— По контексту.

— Не всегда это возможно.

— Зато сколько новых оттенков смысла в названии «Война и мир»!

— Есть такая книга?

— Роман Льва Толстого. В четырех томах. Или я что-то путаю?

— По-видимому, да, — сказал Грот. — Путаете, я такого романа не знаю.

— Ладно, — смирился Саша. — Выучу ваши лишние буквы хотя бы для того, чтобы иметь моральное право их отменить. Гимназисты мне памятник поставят. При жизни. Из чистого золота.

— А пока — три, — сказал Грот.

Саша вздохнул.

Экзамен занял почти четыре часа, и Саша вернулся к себе, нагруженный домашками в промышленных количествах, коллекцией трояков и решимостью вернуть успеваемость на советский уровень.

Завтра была суббота, и это обнадеживало.

Вечер он посвятил переводу второй статьи для Склифосовского.

И добрался, наконец, до задачек Остроградского. Они и правда были не то, чтобы очень простыми. Решил текстовую, тригонометрию, логарифмы, довольно заковыристую алгебраическую систему и уравнение с параметром.

Результатом остался доволен — супер, что-то помнит! Так что остальное оставил на вечер субботы. Утром намечался поход в лес за грибами.

Саша никогда особенно не любил этот вид охоты, но осенний лес — место довольно приятное, если еще не холодно и нет дождя. И была надежда переговорить с Никсой.

В восемь утра выдвинулись в составе Саша, Никса, Володя, Алеша и все трое гувернеров: Зиновьев, Гогель и Казнаков.

— Тебя тоже Грот пытал? — спросил Саша, когда гувернеры и младшие братья немного отстали.

— А как же! — усмехнулся Никса.

— И?

— Все пятерки.

— Поросенок, — сказал Саша. — А я когда-нибудь что-то, кроме троек получал?

— Как-то неплохо рассказал о Троянской войне на Древней истории. А года три назад сдал географию на отлично. Тебе сразу дали поручика и зачислили в гвардию.

— Да? За это чины дают?

— Еще как!

— Ну, держись, Никса, обойду тебя по чинам.

— Что-то мне подсказывает, что пока мне опасаться нечего.

— А математика у нас когда?

— В понедельник.

— Держись!

— До болезни у тебя была твердая тройка с минусом, — заметил Никса. — Никак, тебе проснулось честолюбие?

— А раньше?

— Раньше ты считал, что три — это не так плохо. Не двойка же!

— Они удивятся.

— Это только начало, — заметил Никса. — По девять часов в день не хочешь? С учетом домашних заданий. И ровно час свободного времени.

— Мать! — возмутился Саша. — А делом, когда заниматься? Заявки на патенты, бизнес, лаборатория, физмат школа, вечера у Елены Павловны! Надо что-нибудь экстерном сдать.

— Ну-ну! — усмехнулся брат.

Вечером Саша дорешал задачки от Остроградского. Ну, кроме двух последних, которые до боли напомнили ему «Турнир городов».

Преподаватель математики Сергей Петрович Сухонин оказался не старым еще полковником в возрасте примерно Казнакова. Он был высок, подтянут, выправкой обладал военной, и на ученика смотрел скептически.

Написал в тетрадь Саше с десятков примеров на натуральные и десятичные дроби.

— Попробуйте решить, Александр Александрович!

Примеры были, в общем простые, но калькулятора остро не хватало. Так что пришлось вспоминать, как это делается в столбик.

Мда, калькулятор он еще не скоро изобретет. Без транзисторов и диодов — никак. А для

диодов и транзисторов необходимы полупроводники. Кремний есть, мышьяк есть, фосфор есть. А индий? Без индия никак. Как ты p-n-переход сделаешь?

— Не отвлекайтесь, Александр Александрович! — попросил Сухонин.

— Сергей Петрович, а вы знаете такой химический элемент индий? — спросил Саша.

— Нет, — сказал Сухонин. — Но я не химик. Вам лучше спросить об этом у Владимира Петровича Соболевского.

Сашу уже предупредили, что инженер Соболевский будет преподавать им физику и химию.

«Да наверняка не знают они ни про какой индий, — думал Саша. — Ну, и чем его заменить?»

— Решили, Александр Александрович?

— Сейчас, сейчас...

Посчитал, проверил, вручил преподавателю.

— Гм... — сказал Сухонин.

— Много ошибок? — забеспокоился Саша.

— Совсем нет, — сказал учитель. — Даже одну вторую с одной третьей сложили правильно.

— Еще помню, как к общему знаменателю приводить, — улыбнулся Саша.

— Да, очень хорошо! Вот это попробуйте!

И положил перед Сашей листок с написанной от руки текстовой задачей. И Саша похвалил себя за то, что порешал Остроградского. Эта задачка казалась гораздо проще:

«Спросил некто учителя: поведай мне, сколько учеников у тебя в училище, так как хочу отдать к тебе в учение своего сына и узнать о числе учеников твоих. Учитель ответил: если придет еще учеников столько же, сколько имею, и пол столько и четвертая часть и твой сын, тогда будет у меня в учении 100. Сколько было у учителя учеников?»

Ну, чего тут? Обозначаем число учеников за «х»...

И Саша молниеносно набросал решение. Расчеты были еще проще, поскольку 99 прекрасно делится на 11.

— Тридцать шесть, — сказал Саша.

— Да-а, — несколько удивился Сухонин. — Можете решение показать?

Саша протянул учителю свои корявые пять строчек.

— Через «х»? — удивился учитель.

— А как же?

— Ладно, — кивнул Сухонин, — можно и так. Просто я вас этому не учил...

И по тону Саша понял, что преподаватель так намучился с ним прежним, что давно перешел к принципу: «Как бы ни решал — лишь бы решал».

— Я летом позанимался, — соврал Саша. — В основном французским, но еще немногo математикой.

— Самостоятельно? — поразился учитель.

— Да.

— Это очень достойно, Александр Александрович.

— Ну, почти самостоятельно, — признался Саша. — Иногда просил Зиновьева

поговорить со мной по-французски. А Никса потешался над моим произношением. Причем совершенно бесплатно!

— Вот эту попробуйте!

Очередная задача звучала так:

«Один человек выпивает бочонок кваса за 14 дней, а вместе с женой выпивает такой же бочонок кваса за 10 дней. Нужно узнать, за сколько дней жена одна выпивает такой же бочонок кваса».

Саша усмехнулся. Ну, на работу. Нашли, чем сбить бывшего физмат школьника.

— Тридцать пять, — выдал Саша.

Сухонин протянул руку.

— Давайте решение, Александр Александрович!

Саша протянул накарябанные три строчки.

— Над почерком надо работать, — заметил учитель. — А почему так?

— Выпить бочонок — это работа. Обозначаем работу за единицу. Тогда одна четырнадцатая — производительность мужа, а единица, деленная на «х» — жены. В сумме получается одна десятая.

— Я вас этому тоже не учил, — сказал Сухонин.

— Но ведь правильно?

— Да.

— Я знаю, что есть способ решения без «х», — сказал Саша. — Но это ведь все равно, что под парусом ходить, когда есть паровой двигатель. Так же быстрее!

— Попробуйте без алгебры, — попросил Сухонин. — Это заставляет думать. А то вы мне будете решать по одной схеме все задачи.

Это было сложнее, но Саша довольно быстро догадался все умножить на десять и посчитать число бочонков за 140 дней.

И протянул решение.

— Вот, но это неэффективно. Можно мне через неизвестное решать?

— Посмотрим, — проговорил Сухонин.

И выложил новую задачу:

«Некто продавал коня и просил за него 1000 рублей. Купец сказал, что цена велика. Хорошо, ответил продавец, если ты говоришь, что конь дорого стоит, то возьми его себе даром, а заплати только за одни гвозди на его подковах, а гвоздей на его каждой подкове по шесть штук, и будешь ты мне за них платить таким образом: за первый гвоздь — полушку, за второй — две полушки, за третий — четыре полушки, и так далее за все гвозди: за каждый в два раза больше, чем предыдущий. Купец согласился, проторговался ли купец?»

— Наверняка купец продул, — предположил Саша. — Геометрическая прогрессия, она такая.

— Вы помните про геометрическую прогрессию? — спросил Сухонин.

— Конечно. Честно говоря, не помню формулу суммы, но сейчас выведу. Это просто.

— Выведите? — поразился учитель. — Ну, давайте!

Саша быстренько вывел формулу общего члена, потом рекуррентную формулу для суммы, потом формулу для суммы $n-1$ членов, и написал для n членов.

— Ух, ты! — восхитился он. — Даже принцип математической индукции не понадобился! Я, честно говоря, смутно помнил, что вроде нужен. Но у меня из вывода все следует.

Сухонин был в шоке. Если не сказать матом.

— Надо двойку в двадцать четвертую степень возводить? — поинтересовался Саша. — Или так ясно, что купцу надо подучить математику?

— Так ясно, — сказал Сухонин. — Когда Николай Александрович сказал, что вы можете по памяти воспроизвести теорему Гаусса, я, признаться, не поверил...

— Почему же только теорему Гаусса? — спросил Саша.

— Вижу, что не только, — сказал Сухонин. — Вы действительно прочитали за лето учебник для Николаевского инженерного училища?

— Никса сказал?

Учитель кивнул.

— Это он преувеличивает, — возразил Саша. — Где-нибудь поплыву. Как интегрировать по частям, совсем не помню. Хотя... если постараться...

Сухонин на минуту призадумался, видимо, на предмет, не проверить ли. Но, насколько Саша помнил, сразу после него матема планировалась у Володьки.

Так что учитель обмакнул перо в красные чернила и вывел под Сашиними каракулями огромную пятерку. И приписал к ней два здоровых плюса.

— С вами стало исключительно интересно заниматься, — заметил учитель. — Я получил огромное удовольствие. Даже деньги брать стыдно.

— Это было не бесполезно, спасибо, — любезно ответил Саша. — Вспомнил, как формула выводится.

— Вы не совсем обычно ее вывели.

— В лоб. Я просто не помню канонический вывод.

— Так даже лучше, — сказал Сухонин.

И вложил в тетрадь целую кипу листочков с примерами и задачами.

И написал:

«Д/з: решить все арифметическими методами (без „х“!!!)»

— У-у-у! — сказал Саша.

— Один раз, — успокоил Сухонин. — Потом я от вас отстану.

— Ладно, — вздохнул Саша. — Мозгами тоже полезно поворочать. А то для алгебры мне совсем думать не надо.

И тепло попрощался с восхищенным Сухониным.

Следующий урок не обещал такого успеха. Ибо назывался «Закон Божий».

Первой мыслью было просто сказать «пас», как в случае с немецким и церковнославянским. А как же чудом заработанная репутация сильно верующего человека? Закон Божий не тот предмет, по которому политически дальновидно говорить «пас».

Что ж! Попробуем выехать на общей эрудиции.

Саша вспомнил, как его еще мальчиком, там в будущем, мама водила в Третьяковскую галерею и не могла объяснить ни одного библейского сюжета. «А кто такая Агарь? — спрашивал Саша. — И почему она в пустыне?»

И мама, весьма прилично окончив самую лучшую в мире советскую сталинскую школу в самом центре Москвы, терялась и не знала, что сказать.

Хорошо, что его занесло сюда все-таки из постсовка. Он знал, кто такая Агарь. И даже, кто такой Иосиф Прекрасный.

Ну, что у него в загишке? Фрагментарно прочитанная 30 лет назад купленная на Кузнецком мосту протестантская Библия. В черной обложке такая, на тонюсенькой бумажке.

Это первое.

Какая-то книга Клайва Льюиса, прочитанная примерно тогда же. В девяностые было модно читать Льюиса. Название вспоминалось с трудом. «Просто христианство», что ли?

Содержание он не помнил совсем. К тому же Льюис — тоже протестант, вроде.

Это второе.

Интересно, насколько протестантское учение отличается от православного? Больше, чем система взглядов сторонников разбивания яйца с острого конца от сторонников разбивания яйца с тупого? Или меньше?

Многokrатно прочитанный и перечитанный культовый роман «Мастер и Маргарита». Оттуда тоже можно что-то почерпнуть, не факт, правда, что совсем каноническое.

Это третье.

Подзащитный Леша. Это не тот Леша, который военный, а тот, который политзэк и историк. Леша-военный был по экономике, а Леша-историк — по политике.

Так вот, Леша-историк был верующий и прихожанин одного из чудом сохранившихся в Москве либеральных приходов отца Алексея Уминского. Собственно, линия защиты заключалась в том, чтобы притащить на суд по мере пресечения побольше журналистов (тогда еще существовали оппозиционные издания) и побольше священников, чтобы последние написали поручительства. И священников пришло человек пять.

Параллельно искали записи с камер видеонаблюдения, чтобы доказать алиби. Собственно, Леше вменяли организацию массовых беспорядков. Записи нашлись, и как дважды два доказывали, что не было не только беспорядков, но и Леша на них.

Саше хотелось верить, что сыграли именно записи, хотя российское правосудие, особенно по политическим делам, уже тогда представляло собой некий черный ящик с непредсказуемой реакцией на внешние раздражители.

В общем, Леша-историк отделался двумя месяцами «Матроски», что Саша считал своей чистой адвокатской победой.

Но загрузить защитника православием Леша-историк успел. Хотя и мало.

Это четвертое.

Леша-военный, как это ни удивительно, тоже был верующим и, кроме много всего

военного, когда-то окончил католический Институт Фомы Аквинского в Киеве. В тюрьму он вообще не попал, поскольку вовремя свалил в Незалежную.

Но загрузить защитника успел.

Саша даже знал, что такое филиокве. Непреодолимое и коренное отличие католического символа веры от православного заключается в том, что католики считают, что святой дух исходит от Отца и Сына, а православные — что от Отца через Сына. Самс собой, последние совершенно не могут общаться с такими грязными и лживыми еретиками, как первые.

Это пятое.

В общем, много. Правда, полный экуменизм.

Но, в конце концов, если он ляпнет что-то католическое или протестантское, на то протопресвитер Василий Борисович Бажанов и законоучитель, чтобы поправить.

Саша понятия не имел, как вести себя со священниками, если они не в церкви, и, на всякий случай встал, когда в учебную комнату вошел человек в рясе.

У протопресвитера Бажанова было простое крестьянское лицо, обильная седина в длинных до плеч волосах и окладистой бороде. И внимательный взгляд.

— Садитесь, Александр Александрович! Ну, что вы!

Саша послушался.

— Полковник Сухонин от вас в восторге, — заметил священник.

— Математика — это просто, — сказал Саша. — Ничего не надо учить, одно из другого следует.

— Раньше это было для вас не так, — напомнил Василий Борисович. — Сухонин сказал, что вы все лето посвятили чтению.

— Вторую половину, — признался Саша. — Мне надо было многое вспомнить. Но до Закона Божьего не добрался.

— А я ничего сложного не спрошу. Только по катехизису.

Саша слабо представлял, что такое «катехизис».

— Александр Александрович, из чего состоит Священное писание?

— Из Библии.

— А из каких двух частей состоит Библия?

— Из Ветхого и Нового Завета.

— Какие вы знаете книги Ветхого Завета?

— Бытие, Левит, Притчи Соломоновы, книги царств, книги судей, Экклезиаст, Песни Песней, Псалтырь, Эсфирь, Юдифь, книги пророков, Маккавейские.

Про Маккавейские Саша помнил, потому что их очень агитировал почитать Леша-историк. Но, Саше, понятно, было некогда.

— А сколько их всего?

— Не помню, — признался Саша.

— А что входит в Новый Завет?

— Четыре Евангелия и Апокалипсис.

— И все? — удивился Бажанов.

— А! Еще послания апостолов.

— И все?

— Деяния апостолов.

— Отлично!

Честно говоря, вопросы напоминали Саше типичный набор двоечника, вроде, «какого цвета был учебник?»

— Символ веры можете прочесть? — спросил Бажанов.

— Нет, — признался Саша. — Я его не помню.

Священник вздохнул.

— А «Отче наш»?

— Первые две строчки: «Отче наш, который на небесах! Да святится имя твое!»

— По-русски? — удивился Бажанов.

— Я не помню церковнославянский вариант. Мне кажется, если бы служба была на русском, я бы запомнил. Его же много раз читают. И символ веры — тоже. А так просто непонятные стихи под красивую музыку. Я не помню церковнославянского.

— Вы считаете, что служба должна быть на русском?

— Да.

— Но есть определенные традиции, на русском это будет совсем не то, да и понятен церковнославянский.

— Примерно также, как латынь средневековым немцам.

— Преувеличиваете, Александр Александрович.

— Сужу по себе. А на каком языке Христос дал свою молитву? На древнееврейском или на арамейском?

— На арамейском. Но прежде, чем отменять церковнославянский, вы его сначала выучите.

— Конечно. Думаю, церковная служба мне в этом поможет. Если цель церкви в том, чтобы научить всех церковнославянскому, то — да, богослужение, конечно, должно быть на этом языке. Но мне казалось, что цель не в этом.

— А в чем?

— В том, чтобы научить вере и любви. Разве не так?

— Еще надежде, — поправил Бажанов.

— И какой толк от учебника на непонятном языке?

— Переводим сейчас Ветхий Завет на русский, — улыбнулся Бажанов. — С древнееврейского.

— Вы знаете древнееврейский?

— Да. И арамейский, и греческий.

— Я, конечно, преклоняюсь, но Священное писание — это для нас. Школа для народа — это богослужение. Канон надо переводить.

— Даже переводу Библии есть огромная оппозиция, — сказал Бажанов. — Мы еле это отстояли. В «Пространном катехизисе» митрополита Филарета были молитвы на русском — так заставили переписать. Теперь все на церковнославянском.

— Так и останется русский народ крещеным, но не христианизированным. А какие у них аргументы? Я не понимаю.

— На церковнославянском звучит торжественнее и красивее.

— Ну, как можно предпочесть эстетизм общественной стабильности и социальному миру? Эстеты пусть едут в монастыри и слушают на старославянском, я же не призываю это запрещать.

— Вы думаете, что перевод богослужения укрепит стабильность?

— Да, я так думаю. У нас всегда боялся многообразия, как-то спокойнее всех под одну

гребенку, а многообразии стабильнее, потому что разные части уравнивают друг друга. Много опор всегда надежнее одной. Это о допустимости разных языков. А понятая заповедь будет лучше исполняться, чем подобная заклинанию. Это о переводе. А то будут говорить: «Что нам Евангелие? Мы только крышку его целовали».

— Еще говорят, что нельзя давать святыню псам: не поймут, перевернут, преумножат ереси.

— То есть народ — это псы? А это не гордыня?

— Гордыня, конечно, — согласился Бажанов. — Для них народ «чернь».

— Слова «чернь» нет в моем лексиконе, Василий Борисович. И никогда не будет!

Священник посмотрел на него примерно такими же глазами, как Суханов после вывода формулы геометрической прогрессии.

— Новый Завет переведен, — сказал он. — Вы оттуда что-то помните?

— Нагорную проповедь. Но не всю.

— Можете процитировать?

— Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны миротворцы... не помню...

— Ибо они будут наречены сынами Божиими, — подсказал Бажанов.

— Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.

— Только помните, что правда здесь — это праведность, — сказал священник.

— Мне кажется, это многозначный текст, зачем выбирать только один смысл?

— Вот для этого и нужно толкование церкви, для правильного понимания.

— Здесь ясный текст. Вот, что такое «нищие духом», я не понимаю. Мне всегда казалось, что просвещение — это хорошо. И разум нам не зря дан.

— Это не про просвещение, это про смирение, — сказал Бажанов. — Но действительно трудное место, мы еще об этом поговорим. А остальные Заповеди Блаженства?

— Там было еще что-то про кротких, но я точно не помню.

— И про «чистых сердцем», — заметил священник. — И про «плачущих». Но и это много. Ничего, выучите. А из Ветхого Завета ничего не помните?

— Помню: «Разреши оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетённых отпусти на свободу». Но не помню, откуда это. Иезекииль?

— Исаия, — сказал Бажанов.

Послышался осторожный стук в дверь.

— Да? — отозвался священник.

Дверь приоткрылась, и в комнату заглянул Гогель.

— Прошу прощения, — сказал он, — но у Александра Александровича уже полчаса прошло от обеда.

— Ох! — сказал Бажанов. — Это я прошу прощения!

— Экая безделица, — сказал Саша. — Ваш урок гораздо важнее.

Священник взял его тетрадь по Закону Божию, раскрыл на первой совершенно пустой странице и вывел пятерку с небольшим минусом.

— Но я же не знаю ни одной молитвы, — удивился Саша. — И путаю пророков!

— Поэтому и минус, — сказал Бажанов. — Еще вы не знаете ни священной истории, ни канона, ни Истории церкви. Но по сравнению с тем, что вы уже знаете, это совсем чуть-чуть.

И он написал:

«Д/з: выучить „Отче наш“, „Символ веры“, „Богородице Дево“ и Заповеди блаженства (все)».

— На русском? — спросил Саша.

— Хорошо, — кивнул Бажанов. — Пока на русском. Я вам их напишу, вы идите обедать.

Перейдем на церковнославянский, когда вы его немного вспомните.

— А вы пока переведите канон на русский, а я потом что-нибудь придумаю.

— Это несколько томов.

— К моему совершеннолетию, — пояснил Саша.

После несколько свернутого обеда была физика.

На урок к Владимиру Петровичу Соболевскому Саша шел, как на праздник, пребывая в уверенности, что не все же он забыл из двух первых курсов факультета «Экспериментальной и теоретической физики» МИФИ.

И учитель ему тоже на первый взгляд понравился: такой старый солдат с простым лицом с небольшими усами с проседью и крупным носом.

— Александр Александрович, — начал он, — назовите мне пожалуйста необходимые свойства материи.

Может, в шестом классе и говорили об этом... Но что? Он попытался вспомнить что-нибудь из Ленина. Владимир Ильич, вроде любил писать про материю. Насколько это прокатит?

— Материя — это объективная реальность, данная в ощущениях, но существующая независимо от них, — отчеканил Саша.

— Гм... — сказал Соболевский, — поспорить трудно, но я имею в виду материю как физическую категорию, а не философскую. То есть необходимые свойства физических тел.

— А! — сказал Саша. — Это смотря какое тело. Твердые тела сохраняют свою форму, массу и объем, и обладают упругостью и хрупкостью. Жидкости сохраняют только массу и объем и обладают текучестью, а газы сохраняют только массу.

— Нет! Нет! — остановил учитель. — Необходимые свойства — это присущие всем телам.

И Саша завис окончательно.

— Берите тетрадь, открывайте и записывайте, — вздохнул Соболевский. — Необходимые свойства материи суть протяжение и непроницаемость.

Кажется, Саша что-то такое слышал.

— Записали? — поинтересовался Владимир Петрович.

— Да, — кивнул Саша.

— Протяжение — это свойство тела занимать определенное место в пространстве, — продолжил учитель, — а непроницаемость не позволяет другому телу существовать в то же время в этом же месте. Все понятно?

— Нет, — сказал Саша.

Учитель посмотрел вопросительно.

— А как же диффузия? — спросил Саша. — Тела ведь могут проникать друг в друга.

— Диффузия связана с другим свойством тел — скважностью, — пояснил учитель. — Тоже не помните?

— Нет, — сдался Саша.

— Во всяком теле есть скважины или поры, которые и позволяют ему пропускать

различные вещества.

— Понятно, — сказал Саша. — Это расстояния между атомами?

— Да, — кивнул Соболевский. — Что вы помните из атомистической гипотезы?

— Что все тела состоят из атомов, — сказал Саша.

Честно говоря, он помнил еще довольно много, но побоялся, как бы не случилось также, как с Новосибирском.

— А какие свойства атомов вы знаете? — поинтересовался учитель.

Саша уж было собирался рассказать, из чего состоит атомное ядро и на каком расстоянии от него электроны, но вовремя вспомнил, что это Резерфорд, а Резерфорд — это начало двадцатого века.

— Атомы делимы? — спросил Соболевский.

— Думаю, что современная наука этого не знает, — выкрутился Саша.

— Атомы по смыслу этого понятия неделимы, — объяснил учитель. — Это мельчайшие частицы вещества.

— Это не значит, что они не могут иметь сложной структуры, — возразил Саша.

— Тогда они не мельчайшие, — сказал Соболевский.

— Смотря что называть атомами, — сказал Саша. — Они связаны с элементами?

— Да, скорее всего. Кстати, а сколько известно элементов?

«Кто меня за язык тянул? — подумал Саша. — Сколько они их могут знать?»

Свинец они точно знают, а он восемьдесят какой-то. Почти наверняка не знают инертных газов. Минус еще пять-шесть. И первая часть таблицы не подряд...

— Около семидесяти? — спросил он.

— Шестьдесят два элемента, — сказал Соболевский, — вы не очень сильно ошиблись.

И он посмотрел на ученика с некоторой надеждой.

— А элемент индий есть? — спросил Саша. — Я где-то про него слышал.

— Нет, — сказал учитель. — Индия нет, вы что-то путаете.

— Жаль, — сказал Саша. — Красивое название, в честь Индии.

— Дальше. Александр Александрович, в чем можно измерить протяженность?

— В метрах, — сказал Саша, — а также в дециметрах, сантиметрах, миллиметрах и километрах.

— Соотношения между ними знаете?

— Конечно. Сантиметр — десять миллиметров, дециметр — десять сантиметров, метр — сто сантиметров, километр — тысяча метров.

— Хорошо, — сказал учитель. — Но это во Франции. А в России?

— В аршинах... наверное. В саженьях.

— Какое между ними соотношение?

— Ну, зачем это? — спросил Саша. — Метрическая система удобнее.

— Такое впечатление, что я с французом говорю, — сказал Соболевский.

— Ну, конечно! Зачем нам это низкопоклонство перед гнилым Западом! Свои исконные аршины есть!

— Александр Александрович, — строго сказал учитель, — берите перо и записывайте. Семь русских футов составляют сажень, третья часть его называется аршином и разделяется на 16 вершков. Двенадцатая часть русского фута называется дюймом, каждый дюйм разделяется на 10 частей, называемых линиями. Пятьсот сажень или 3500 футов составляют версту.

Саша покорно записал и поднял глаза на учителя.

— Я конечно все понимаю, наши национальные скрепы, достижения и традиции. Но, почему бы вместо того, чтобы умножать шестнадцать на три или двенадцать на семь, просто нолики в метрической системе на конце не приписывать?

— Не я это устанавливал, — сказал Соболевский. — Русские меры длины выучите. Пойдем дальше. Что такое вес?

— Сила, с которой тело давит на опору или растягивает подвес, — сказал Саша.

Учитель на минуту задумался.

— Вследствие притяжения к земле, — добавил Саша. — Или к какой-нибудь другой планете, Марсу, например. Но это будет вес на Марсе.

— Ну, в общем да, — согласился Владимир Петрович. — А в чем измеряется вес?

— В Ньютонах.

— В чем? — удивился Соболевский. — Ньютон — это английский ученый.

— Да, — согласился Саша, — в честь него и назвали.

— Вы путаете, Александр Александрович! Записывайте. В России единицу веса принят фунт, образец которого хранится в Санкт-Петербургском монетном дворе. Он делится на 96 золотников и каждый золотник на 96 долей. 40 фунтов составляют пуд.

— Боже мой! 96 в квадрат возводить!

— Девять тысяч двести шестнадцать, — сказал Соболевский.

— Владимир Петрович! Ну, хоть в килограммах можно?

— Мы в России, Александр Александрович! Так что в фунтах.

— Это даже хуже, чем «ять», — пожаловался Саша.

— Нельзя сказать, чтобы вы вообще ничего не знали, — заметил учитель. — Но не знать базовых понятий! И что вам ставить после этого?

— Может, я какую-нибудь задачу решу? — предложил Саша. — Ну, чтобы не два.

— Ну, хорошо, — согласился Соболевский. — Есть две перпендикулярные друг другу силы: 6 фунтов и 8 фунтов. Чему равна равнодействующая?

— Десять, — мгновенно ответил Саша.

Учитель посмотрел с некоторым удивлением.

— Объясните ваше решение, Александр Александрович.

— Сила — это векторная величина, вектора складываются по правилу треугольника или по правилу параллелограмма. Так как силы перпендикулярны, получается диагональ прямоугольника, а дальше — по теореме Пифагора.

— А если бы они были под углом 45 градусов?

— По теореме косинусов, — сказал Саша.

— Сможете ее написать?

— Конечно.

И Саша написал теорему косинусов.

— Я вам не рассказывал про векторы, — заметил Владимир Петрович. — Это университетский курс.

— Я много читаю, — сказал Саша.

— Да, Николай Александрович рассказывал про учебник для Николаевского инженерного училища.

«Надо на него хотя бы посмотреть, — подумал Саша. — А то даже не знаю, какого цвета обложка».

— Это очень похвально, что вы читаете серьезные книги, — сказал Соболевский. — Но основу тоже надо знать. Александр Александрович, никак четверку поставить не могу! Выучите русские меры длины и веса — тогда посмотрим.

И вlepил трояк.

Саше даже в страшном сне не могло привидиться, что у него будет пять по Закону Божьему и три по физике.

Но это было еще не самое ужасное.

Следующим уроком были танцы.

Они начались с того, что Сашу заставили переодеться в штанишки до колен, шелковую курточку до пояса и остроносые ботиночки с бантиками, до боли напоминавшие дамские туфельки.

Это был первый групповой урок. То сеть в танцевальном зале ровно в таких же нарядах присутствовали Никса, Володька и Алеша.

Преподавателя — изящного француза — звали Огюст Пуаро. Он почему-то люто бешено ненавидел свою фамилию и заставлял называть себя: «Мсье Огюст».

Мсье быстро понял, что Саша не знает даже основных танцевальных позиций, не то, что всяких там «па» и со вздохом начал учить его с нуля.

Вокруг, как Барышников, порхал Никса. И даже у Володьки с Алешей что-то получалось.

А Саша пытался встать в первую позицию.

— Ступни на одной линии! — возмутился по-французски Огюст. — Живот втянуть! Ягодицы подобрать!

А Саша радовался тому, что хоть понимает.

Мсье Огюст смотрел скептически.

— Пойдемте! — сказал он.

И подвел Сашу к лежащей на полу доске с выдолбленными подошвами для ног. По обе стороны от доски стояли вертикальные шесты, за которые можно было держаться руками.

Дело пошло немного на лад. По крайней мере, стало возможно устоять на ногах, которые быстро заныли. Но, видимо, тело помнило эту пытку, иначе Саша не смог бы настолько вывернуть ноги.

— А у меня пятерка по Закону Божьему! — похвастался Саша, когда Никса пролетал мимо.

— Бажанов добрый, — объяснил Никса. — Ну, и «Мария», «Город золотой». Не то, чтобы я очень удивлен.

— «Царь Никита» и так далее, — возразил Саша, надеясь, что на таком продвинутом уровне учитель по-русски не понимает, а младшим братьям вся эта литература глубоко по фигу.

— У меня есть текст, — сказал Никса. — Как ты там сказал? «Изящная шутка гения»? Ну, да! Ну, да! Не то, чтобы совсем непотребство. Мило, мило.

— Дай почитать, с удовольствием вспомню.

— Только прячь лучше!

— Как меня это бесит! Ну, зачем это надо прятать! Был бы динамит...

— Что?

— Взрывчатка.

— А что у тебя по физике?

— Обязательно скажешь что-нибудь неприятное!

— Да? Двойка?

— Три. Просто здесь неправильная физика. Зато по матеме пять с двумя плюсами.

— Молодец!

— А у тебя есть этот учебник, который я якобы читал? А то даже не знаю, как выглядит.

— Хорошо, дам.

— Не отвлекайтесь, принц, — прикрикнул мсье Огюст.

Это обращение француз использовал, видимо, потому что «Николай Александрович» выговорить было трудно, а «Ваше Высочество» учителям было прямо запрещено, ибо нечего баловать балбесов.

Сложность заключалась в том, что принцев присутствовало четыре штуки, и понять, какой именно имеется в виду, можно было только по направлению сурового учительского взгляда.

— Pardonnez-moi, — сказал Никса.

— Вторая позиция, принц!

Саша понял, что это ему. Что такое вторая позиция он уже знал. И это было несколько легче первой.

— Менуэт, принц!

Это было Никсе.

— Менуэт? — переспросил Саша. — Разве его еще танцуют?

— Менуэт, принц, выправляет фигуру, учит ловко кланяться, прямо ходить, и грациозно протягивать руку, — возразил учитель. — И делает все движения и манеры приятными. Четвертая позиция, принц! Поклонитесь!

И изобразил изящнейший поклон, каким-то непостижимым образом выгнув ладони.

Саша попробовал, на всякий случай держась левой рукой за шест.

Огюст выразительно поморщился.

— Mon Dieu! — воскликнул он.

И передразнил ученика, изобразив что-то, по его мнению, жутко неуклюжее и прямо отвратительное. Но получилось все равно изящно.

— Глаза должны быть скромно открыты, означая приятную веселость, — пояснил учитель. — Рот не должен быть открыт, ибо это показывает характер сатирический или дурной нрав, а губы сложены в приятную улыбку, не показывая зубов. Не говоря уж обо всем остальном! Первая позиция, принц!

И отвернулся к Никсе.

А Саша понял, что «легко мазурку танцевать и кланяться непринужденно» он не сможет никогда, а значит, нет никаких шансов, что свет решит, что «он умен и очень мил».

— Менуэт, — повторил Огюст.

Никса, оказывается, умел прекрасно передвигаться на носках маленькими шажками, подпрыгивать и кланяться, причудливо выгибая кисть. На лице его, само собой, играла приятная улыбка.

Саша даже забыл про боль в ногах.

— Посмотрите на Николая Александровича, принц! — сказал Огюст. — Вот как надо!

Учитель почти смог выговорить отчество, что было для него очевидным подвигом.

Саша сначала представил на месте Огюста Тину, а потом на месте Никсы себя. Интересно, как она двигается? Самолетики пускала весьма и весьма.

До «па», не говоря об «антраша», в этот день не дошли, зато выучили с горем пополам шесть позиций. Огюст посмотрел на исполнение и вlepил два. Это была первая в Сашиной жизни двойка.

Где ты, советская школа!

Тот факт, что уроки надо делать в специально отведенном месте, в компании братьев, да еще под чьим-то руководством стал для Саши открытием.

Руководство осуществляла Вера Николаевна Скрипицына — строгая дама под шестьдесят, служившая гувернанткой еще у Лины — старшей дочери государя, умершей от менингита.

Саша Веру Николаевну естественно не помнил, зато она его помнила прекрасно.

Так что была явно удивлена, когда он, быстренько сделав свое задание по математике, попытался решить задачи за Володьку. Было жалко смотреть как брат мучается с десятичными дробями. Впрочем, судя по тому, что у Володьки в одиннадцать была примерно та же программа, что у Саши в тринадцать, младший считался талантливее.

— Александр Александрович, — строго заметила Скрипицына, — вам кажется, что вы помогаете Владимиру Александровичу, а вы ему вредите! У вас задания нет?

— Не на завтра, — сказал Саша.

— Можно сделать заранее, — возразила Скрипицына. — Разрешите посмотреть вашу математику.

Он протянул тетрадь.

Скрипицына просмотрела решения задач: каждая через алгебру и через арифметику. Сухонин этого даже не требовал, но Саше было легче сначала решить через «х», а потом уже придумать арифметический метод.

Веру Николаевну увиденное повергло в шок.

— Блестяще, — сказала она. — Только над почерком надо работать.

— Завтра Лагузен, — сказал Никса. — Поработает.

Учитель протестантского училища святых Петра и Павла, то бишь «Петришуле», чистокровный немец Иван Иванович Лагузен был преподавателем чистописания.

— Мне кадеты сунули задачки от академика Остроградского, — сказал Саша. — Вера Николаевна, можно мне их пока порешать?

— Точнее Сашка вытряс из кадетов задачки Остроградского, — выдал Никса.

И Саша достал из кармана свернутый вчетверо листочек с задачками. По 179-й школе он знал, что для того чтобы успешно решить листочек от Константинова, нужно везде таскать его с собой и постоянно над ним думать.

— Я первые восемь, вроде, решил, — проговорил Саша, — а последние две совсем неберучки!

— Как вы сказали, Александр Александрович? — поинтересовалась Скрипицына. — Неберучки?

— Ну, как крепость, которую никак не взять: ни приступом, ни осадой.

— Можно посмотреть? — спросила Скрипицына.

— Конечно.

И Саша протянул ей листок.

Вера Николаевна, едва начав читать, села на стул, потом надела очки и стала похожа на классическую бабушку, как на пакете молока «Домик в деревне», только полнее и суровее.

Перечитала еще раз.

— Александр Александрович! — удивилась она. — Но это для выпускного класса! Вы откуда что-то смогли решить?

— Первые восемь, — скромно повторил Саша.

— Сашка за лето прочитал учебник по математике для Николаевского инженерного

училища, — предъявил Никса штатное объяснение. — Ему Сухонин поставил пятерку в полстраницы, с двумя плюсами.

— Это очень достойно, — похвалила Скрипицына. — А решения у вас с собой, Александр Александрович?

— Да.

И Саша извлек из другого кармана гору помятых листков.

Вера Николаевна посмотрела неодобрительно.

— Я потом красивым почерком в тетрадь перепишу, — пообещал Саша.

— Сашка! Ну, право нехорошо обещать то, чего не сможешь выполнить, — усмехнулся Никса. — Откуда ты возьмешь красивый почерк?

— Сопру у Лагузена.

— Ну, как вы выражаетесь! — возмутилась Вера Николаевна.

— Я хотел сказать, то научусь, — скучно поправился Саша.

Скрипицына тем временем просматривала листки.

— Вы знаете тригонометрию? — удивилась она.

— Немного, — признался Саша. — А чего там? Косинус разности выводится из теоремы косинусов, а все остальное из него следует.

Вера Николаевна немного опешила. Саша предположил, что она не помнит, как выводится косинус разности.

— И логарифмы? — спросила она.

— Они еще проще, там вообще все из определения следует. Как вам мои решения, Вера Николаевна?

— Думаю, что первые пять правильно. По поводу остальных вам лучше спросить у учителя математики.

— Хорошо, — кивнул Саша. — Спрошу. Можно мне девятую пока порешать?

Девятая задача была геометрическая, на доказательство, и речь в ней шла о выпуклом многоугольнике и его диагоналях. Саша давно понял, что она из тех задач, что гордо подписывают своим именем и предлагают на всерос.

— Вы у меня ее будете до завтра решать, — сказала Скрипицына. — Если не до конца недели.

Поспорить было трудно.

— У вас есть еще задание? — спросила она.

— Есть. Закон Божий, география, история, русский язык и физика.

— Этим и займитесь. А Остроградский — в свободное время.

Доброго Бажанова хотелось порадовать, и Саша начал с Закона Божьего.

Языки ему всегда давались так себе, так что в процессе «вспоминания» французского он не понял, что хард ему достался не то, чтобы дерьмовый, но точно слабо тренированный.

Механическая память у него и в будущем была не блестящая, он выезжал на логике и силе воли, а здесь, кажется, была еще хуже. По крайней мере, на вызубривание двух молитв и символа веры он потратил больше часа.

Попросил Скрипицыну проверить. Ответил не без запинки, но более или менее.

— Я потом еще повторю, — пообещал он.

После чего он решил, что категорически не хочет больше ничего сегодня зубрить, и еще успел почитать записи Грота по географии. Слава Богу, физической.

Утро началось с чистописания. Иван Иванович Лагузен оказался человеком добрейшим

и аккуратнейшим. Писал он так, что Саше вспомнилось высокое японское искусство каллиграфии. Обучение состояло в том, чтобы копировать прописи. Но в случае Лагузена это было все равно, что копировать Леонардо да Винчи.

Иван Иванович посмотрел Сашины каракули, вздохнул и подтер в нескольких местах, а подтертое место замазал продолговатым кусочком, похожей на канифоль субстанции светло-желтого цвета.

— Теперь пишите снова, — сказал он. — Чернила не растекутся.

— Можно?

Лагузен кивнул, а Саша взял двумя пальцами таинственный цилиндрок. Он пах смолой и имел внутри вкрапления из трав и коры, а сверху был покрыт чем-то, вроде белой пудры.

— А что это? — спросил Саша.

— Сандарак, — с некоторым удивлением объяснил Лагузен, — не помните?

Саша помотал головой.

— У меня очень испортился почерк? — спросил он.

— Да, нет, — сказал учитель. — Был тоже не образцовый. Поправим.

Саше никогда не нравились подобные занудные предметы, но сам же просил пару семестров чистописания. Да и доброго Ивана Ивановича не хотелось огорчать.

Лагузен подумал и поставил четыре (за старание).

После чистописания был английский. Помня о физике, Саша уже не столь радовался, ожидая подводных камней.

Фома Иванович Шау преподавал английский язык и словесность в Александровском императорском (бывшем Царскосельском) лицее и Санкт-Петербургском университете, и был англичанином не только по роду занятий, но и по происхождению, поскольку родился в Лондоне и окончил Кембридж.

В России, кроме преподавания, он занимался переводами, в частности переводил на английский Лажечникова и Пушкина. И издал «Контурсы английской литературы» — книгу, по которой уже десятилетие учились не только в России, но и Европе, Англии и Североамериканских штатах.

Саша подозревал, что Шау, на самом деле, Шоу, и не Фома, а Томас. Но англичанин успешно отзывался на «Фому Ивановича».

Урок начался как непринужденный разговор на тему «Как вы провели лето, Александр Александрович?» Понятное дело, на английском.

Саша рассказал почти обо всем, что случилось после болезни: про гостиную мамá, про визит Константина Николаевича, про именины и День рождения императрицы, про кадетский лагерь и про День рождения Никсы. И, вроде, говорил неплохо. Но Шау с каждым словом мрачнел все больше.

— Что-то не так? — спросил Саша. — Я многое забыл...

— Очень странно, — сказал Шау. — С одной стороны, вы говорите лучше, чем раньше: свободнее, правильнее строите фразы и формулируете мысли, больше используете слов. Но как вы говорите!

— Произношение? — предположил Саша.

— Если бы только! — вздохнул Шау. — Вы говорите, как мастеровой с Лондонской окраины!

— Может быть, не так плохо, если русский говорит по-английски, как лондонский рабочий...

— Я вам польстил, — возразил Шау. — Даже английские мастеровые так не говорят. Этот ужасно некрасивый русский акцент, который ни с чем ни спутаешь!

Как всякий либерал, Саша любил на разные лады и всякими разными словами поругать Эту Страну, но, как все либералы, терпеть не мог, когда тоже самое делали иностранцы. Это наше неотъемлемое право Эту Страну четырехэтажным матом крыть, а вы не лезьте, все равно ничего не понимаете!

Про ужасный русский акцент, там в будущем, он уже слышал. И от кого? От каких-то чехов с поляками, которые вообще по-английски говорить не умеют — ничего не поймешь!

— Где вы только этому научились? — поинтересовался преподаватель. — Китти так не говорит.

Ну, где? У Бонк, конечно!

— В России, наверное, — предположил Саша.

— Вы раньше так не говорили, — заметил Фома Иванович. — Как это возможно?

— Наверное, последствия болезни.

— Если бы вы просто половину забыли, было бы неудивительно, — сказал Шау, — Удивительно, как могло общее владение языком улучшиться, а произношение — ухудшиться?

— У меня со всем так, — сказал Саша. — Сегодня, на чистописании, я не узнал сандарак, хотя прекрасно помню, зачем нужно перо и чернильница.

— Сандарак не так распространен, как перо и чернильница, — возразил Шау, — так что это как раз неудивительно.

— А на физике вчера я в уме вычислял сумму сил, но не смог вспомнить, сколько золотников в фунте, — сказал Саша. — Не знаю, почему так. Может быть, работает логическая память и подводит механическая.

— Почему тогда словарный запас вырос?

— Новые знания от чтения, — объяснил Саша. — Я много читаю.

— И по-английски?

— Да, — соврал Саша.

— А что прочитали за последнее время?

Этого вопроса следовало ожидать. И Саша начал лихорадочно вспоминать, кого из английских авторов они знают.

О Вальтере Скотте, вроде, Пушкин писал...

— «Айвенго», — сказал Саша.

Тем более, что действительно когда-то прочитал «Айвенго» по-английски, правда, несколько адаптированный вариант.

— Достойно, — кивнул Шау. — Но то, как вы говорите, это не из Вальтера Скотта. У Вальтера Скотта еще правильный английский, не испорченный последними веяниями. Скажите мне, пожалуйста, ну почему вы глотаете «г»?

— Мне казалось, что произнесение «г» — это американизм. Разве не так?

— Не так. Еще Томас Шеридан — основатель английского красноречия — писал, что «г» следует произносить всегда. Нет никаких исключений! Разумеется, американцы его произносят, они сохранили свой язык с семнадцатого века. Но и лондонцев никто от этого не освобождал!

Мда... Честно говоря, Саше всегда казалось, что американский английский звучит красивее хваленного британского.

— И что это за носовой звук на конце слова «toning»? — спросил Шау. — Он там

откуда? У нас английский, а не французский!

— А как правильно?

— Просто обычное «n», «g» вообще не произносится.

Понятно, как в США.

— Я бы хотел послушать, как это на самом деле должно звучать, — сказал Саша.

— Конечно. Почитаю Шекспира. И вам, и Николаю Александровичу.

Американец Шекспир... Так по чему же IELTS сдают? По британскому новоделу?

— Ладно, «четыре», — смилостивился англичанин. — Но произношение придется ставить заново.

— Ок, — сказал Саша.

— Ок? — переспросил Шау.

— Американское выражение, — улыбнулся Саша. — Вроде бы появилось на какой-то их войне и означает «*0 killed*» — «*никто не убит*», то есть «все хорошо».

— Точно не это, — возразил Шау. — Было в одной из газет в Бостоне, это искаженное «*all correct*», написанное с двумя ошибками. Александр Александрович, вот таких американизмов следует избегать. Это понимаете... все равно, что публично высморкаться. Не для приличного общества.

— Хорошо, — согласился Саша. — Только Оксфордский английский. Как в Америке.

После Шау был Грот с церковнославянским с нуля и немецким — тоже с нуля. Саша подумал, что три языка в один день — это некоторый перебор, но то, что случилось после обеда, с лихвой перевесило все эти проблемы, потому что Гогель вывел его в сад, и к нему подвели лошадь.

Первое, что вспомнил Саша, был тот самый советский мультик, где тщеславные родители учат мальчика хорошим манерам. Мама героя мечтает о приеме у английской королевы, и представляет, как к ее сыну подводят коня. Мальчик пытается на него залезть и падает с другой стороны вниз головой.

Саше не хотелось так экспериментировать.

Верхом он сидел единственный раз в жизни. Дело было в середине девяностых, в Крыму. Там на лошадях катали туристов местные мелкие предприниматели на полонине Ай-Петри. Исповедуя в молодости принцип «все надо попробовать», Саша решил, что верховая езда тоже входит в программу и с некоторым трудом взгромоздился на животное.

Оно оказалось ужасно высоким и похожим на тяжеловеса, хотя в те счастливые времена, Сашу вполне могло выдержать и что-то поизящнее. Ко всему привыкший, натасканный на перевозку туристов тяжеловес сохранял олимпийское спокойствие и передвигался тихим шагом по камням и траве плоской горной вершины, а девушка-хозяйка вела его под уздцы. Но все равно Саше было, мягко говоря, несколько дискомфортно.

Благополучно спустившись на землю, Саша мысленно поставил себе галочку в очередной графе «испытано», и решил, что больше никогда.

Как бы ни так!

Учителем верховой езды бы унтер-шталмейстер Шишенков. Он и подвел коня.

Что такое унтер-шталмейстер Саша понимал слабо, видимо, что-то вроде младшего конюха.

Конь был коричневого окраса, кажется, это называется «гнедой», куда изысканнее крымского тяжеловеса, но и менее спокойный: махнул черным хвостом и повернул к Саше голову с вороной челкой и белым ромбом на лбу. Глянул карим глазом с короткими рыжими ресницами.

Как на это залезать Саша не помнил совсем.

Ну, по логике вещей: левую ногу в стремя и подтянуться на руках. И Саша взялся за седло. Кажется, это называется: передняя и задняя лука. Поднял ногу и попытался вставить в стремя носок сапога. Но стремя не далось и ушло вперед. А носок слегка коснулся живота лошади.

Шишенков схватил поводья и с отчаяньем взглянул на ученика.

— Александр Александрович, старайтесь не касаться ее носком, она может тронуться с места. Ей же трудно так стоять смирно! Возьмите путлице!

Саша понятие не имел, что такое «путлице». От слова «путы»? В ногах где-то?

Шишенков взял ремешок, на котором висело стремя.

— Вот путлице, Александр Александрович. Держите правой рукой. Прямо возле стремени.

Саша послушался, и стремя пропустило сапог.

—левой рукой лучше держаться за гриву, а не за переднюю лука седла, — заметил учитель. — Вот так! Упирайтесь левой рукой в шею лошади, а правой — в заднюю лука.

Саша погладил черную гриву, но не совсем понимал, что с ней делать.

— Как зовут лошадь? — спросил он, чтобы выиграть время.

— Это же Гея! Ваша Гея, она ваша уже почти два года.

Идея оседлать землю показалась Саше прикольной, но чересчур имперской.

— Гриву нужно брать так, чтобы все волосы вместе были протянуты через левую ладонь, — пришел на помощь Шишенков, — а мизинец касался шеи лошади.

И учитель показал, как.

Наконец, Саша смог подтянуться на руках, перекинул правую ногу через круп лошади и плюхнулся в седло. Он подозревал, что Гее это не очень понравилось, но хоть на дыбы не встала. Саша в свои тринадцать с половиной все-таки весил умеренно, несмотря на высокий рост.

— Как править помните? — спросил Шишенков.

Саша помотал головой.

— Нет.

— Ладно, — смирился учитель, — вам сейчас главное вспомнить, как держаться в седле.

И повел Гею под уздцы.

Пока они медленно двигались по аллее парка, мимо прогарцевал Никса на изящном сером животном в более светлых пятнах. Кажется, это называется «в яблоках».

Брат улетел куда-то вперед, легко вернулся обратно. В седле он держался, как влитой, и был прям, как свечка. На Сашу глядел с улыбкой Джоконды, поскольку был слишком хорошо воспитан. Иначе бы расхохотался.

— Я на тебя посмотрю, как ты на велосипеде поедешь, — буркнул Саша.

— На чем? — переспросил Никса.

— Увидишь!

— А! Никола говорил, что ты заказал у каретного мастера что-то вроде английского костотряса.

Ну, Никола, конечно, не мог не проболтаться.

Гея плавно покачивалась, и Саша плыл, как на волнах, на высоте почти второго этажа и боялся, как бы лошадке это не надоело, и она не перешла, например, на рысь. Все-таки велосипед надежнее. Но Гея же не виновата, что родилась лошадкой, а не велосипедом.

С ней надо было налаживать отношения. Что она любит интересно? Овес?

— Ласточка, — ласково сказал он.

Хотя был глубоко убежден, что у «ласточки» должна быть автоматическая коробка передач, кондиционер, гидроусилитель и электрический подогрев руля и зеркал.

Среда началась с фехтования. С одной стороны, это дело Саша всегда любил, с другой — не знал ни одного европейского стиля, да и катаной умел владеть только двумя руками.

Занятия проходили в том же зале, что и танцы. Погода была пасмурная, и от осенней утренней полутьмы русского Севера спасали только высокие окна. Одно было приоткрыто, и из сада доносился запах дождя и осенних листьев.

Фехтование преподавал директор Института путей сообщения генерал-майор Егор Иванович Сивербрик, сын знаменитого учителя фехтования и автора учебника «Руководство к изучению правил фехтования на рапирах и эспадронах» Ивана Ефимовича Сивербрика.

Род его происходил из Эстонии, но во внешности не было ничего прибалтийского: Егор Иванович был высок, темноволос, усы имел черные, а глаза — карие.

— Александр Александрович, говорят, вы многое забыли? — спросил он.

— Все, — с готовностью признался Саша.

— Зато научился японским приемам, — сказал Никса.

— Да? — удивился Сивербрик. — Как?

— По гравюрам, — объяснил брат. — Японцы любят картинки с надписями.

— На японском? — спросил Егор Иванович.

— Саша прочитал словарь Тумберга, — соврал Никса.

— Ты преувеличиваешь, — заметил Саша.

— А кто мне японские слова выписывал на трех страницах?

— Это очень малая часть словаря, — скромно возразил Саша.

— Приемы покажете, Александр Александрович? — спросил Сивербрик.

— У меня боккэн не с собой, — сказал Саша.

— Боккэн? — переспросил Сивербрик.

— Деревянный японский меч для тренировок, — пояснил Саша.

— Ничего страшного, — улыбнулся Никса, — я лакея пошлю.

Саша вздохнул. Затея ему почему-то не нравилась.

— А пока берите рапиру, — сказал Егор Иванович.

— Любую?

Сивербрик кивнул.

Рапиры лежали на деревянной подставке, примерно такой же, как в кабинете у Никсы.

Саша взял первую попавшуюся.

На боккен она походила мало. Четырехгранный стальной клинок, но вместо острия — металлический кружок, обтянутый замшей.

— Помните, как называется половина клинка, которая ближе к эфесу? — спросил Сивербрик.

— Нет, — признался Саша.

— А что такое «эфес»?

— Ну, ей богу! — возмутился Саша. — И эфес, и рукоять, и клинок. У катаны все тоже самое.

— Катаны?

— У японского самурайского меча, — пояснил Никса. — Егор Иванович, вы просто представьте себе, что учите сына микадо, и все пойдет на лад. Саша, как будет меч по-японски?

— Кен. Хотя, смотря какой. Длинный — катана, короткий — вакидзаси, кинжал — танто.

— Вот! А вы его про эфес спрашиваете!

— Ладно, — сказал Сивербрик. — Половина клинка, которая ближе к эфесу, называется сильной или оборонительной, а ближайшая к кружку — слабою или наступательной. Запомнили?

— Думаю, да, — кивнул Саша.

Тем временем лакей принес оба боккэна: Сашин и Никсы.

Сивербрик взял сначала один, потом другой. Посмотрел скептически.

— В Японии был мастер меча, который вообще железа не признавал, — сказал Саша. — Сражался только на боккэнах, и многих соперников убил.

— Ну, можно и палкой убить, конечно, — сказал Сивербрик. — А пока возьмите маску и перчатки.

Саше всегда казалось, что все эти атрибуты спортивного фехтования появились веке в двадцатом. На тренировках по кэндзюцу никакие маски никогда не использовали.

Однако Сивербрик дал ему вполне классическую фехтовальную маску и очень толстые замшевые перчатки, явно чем-то набитые, как у вратаря.

И помог надеть стеганый нагрудник на кожаной подкладке.

Вся эта сбруя с непривычки здорово мешала.

И он с тоской вспомнил о кимоно и хакама.

— Я где-то читал, что русские воины перед смертельной битвой вообще снимали все доспехи, — заметил Саша.

Хотя, на самом деле, он видел это в кино.

— Очень недалёковидно, — прокомментировал Егор Иванович. — И у нас не смертельная битва.

И скомандовал:

— Ан-гард!

Саша предположил, что это какая-то начальная стойка, но понятия не имел, какая.

— Возьмите рапиру в левую руку, ниже эфеса, острием вниз, — начал терпеливо объяснять Сивербрик, — встаньте прямо, поставьте правую ногу за пяткой левой, под прямым углом к ней и повернитесь правой стороной груди и лицом к противнику.

Исполняя все это Саша решил, что танцы не такой уж бесполезный предмет. До боли напоминало третью позицию, но выглядело несколько естественнее.

Противника изображал Сивербрик и заодно показывал, как надо.

— Взявшись правой рукою за ручку рапиры, выньте клинок из левой руки, словно из ножен, — продолжил Егор Иванович, — и, вынув, направьте конец рапиры на противника, а левую руку поднимите в виде полукруга.

Саша сделал выпад.

— Неплохо... — прокомментировал Сивербрик. — Для сына микадо.

— У японцев позиции совершенно другие, — заметил Никса. — Мне Саша показывал.

— Посмотрим, — сказал Сивербрик. — А вы, Николай Александрович у нас финты отрабатываете!

Можно было ожидать, что братец пошевелит своими глубоко закоспирированными лисьими ушами, но он сделать изящное движение рапирой сначала в одну сторону, а потом сразу в другую.

— Финт — это обманное движение, — пояснил Егор Иванович.

Подбодрил Никсу:

— Неплохо, Николай Александрович, продолжайте!

И переключился на Сашу.

— Александр Александрович, вы помните, что такое «стать в меру» в фехтовании?

— Нет, — вздохнул Саша.

— Это подойти к противнику на такое расстояние, чтобы достать его рапирой, — терпеливо объяснил Сивербрик. — Для этого надо сделать шаг вперед. С правой ноги, потом тут же переставляете левую.

И выражение «знать меру» заиграло для Саши новыми красками.

— «Выйти из меры» — это отступить, чтобы избежать удара, — продолжил Сивербрик. — Сделайте шаг назад и вернитесь в позицию «ан-гард».

Оставшееся время ушло на отработку этих действий: позиции «ан-гард», выпада и меры — встать и отступить.

Ладно! Кэндзюцу тоже с основных стоек начинается.

Только минут за пятнадцать до конца Егор Иванович вспомнил про боккэны.

Саша снял маску и перчатки.

— Японцы это не используют, — сказал он.

— Говорят, у них есть кожаные доспехи, — заметил Егор Иванович.

— На войне — да, — сказал Саша. — Но не на тренировках.

Честно говоря, Саша смутно помнил, что на серьезных занятиях по кэндзюцу, специальные маски очень даже используют и перчатки — тоже, но в тех подвальчиках, расписанных рунами и кельтскими крестами, в которых он занимался в девяностые, даже близко ничего такого не было.

И показал несколько движений.

— Гм... — проговорил Сивербрик.

— Никса, как насчет спарринга? — спросил Саша.

— Чего? — спросил Сивербрик.

— Тренировочного боя.

Брат тоже не сразу понял значение англицизма.

Но, наконец, кивнул и боккэн взял.

И снял маску.

— Наденьте, Николай Александрович, это опасно! — сказал учитель.

— Совершенно не опасно, — возразил Никса. — Мы уже пробовали.

И снял перчатки.

— Я осторожно, — заверил Саша.

Сивербрик не успел их остановить, Никса довольно технично пошел в атаку, и Саша поразился, что у него такой способный ученик.

— Ничего себе! — прокомментировал Саша.

И парировал удар.

Повернулся и занес меч сверху, но брат ушел от удара и отступил на шаг.

И снова пошел в атаку, явно изобразив что-то вроде финта: сначала сделав намек на одно движение сверху, а потом ударив сбоку. Так что Саша еле успел уйти.

— Ух ты! — отреагировал Саша. — Думаешь, это можно совместить?

— Почему нет? — поинтересовался Никса.

— Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись, — процитировал Саша.

И попытался достать Никсу по корпусу.

Но брат парировал.

— Вы увлекаетесь! — прикрикнул Сивербрик.

И Саша заметил, что учитель побледнел.

— Ничего! Ничего! — успокоил Саша. — Это же дерево!

И они пошли с Никсой по кругу, держа мечи перед собой.

Саша попытался достать брата по ногам, но тот отбил удар.

И тогда он вспомнил прием, которому его когда-то долго учили. Он вспомнил, как уравнивал боккэн на руке, пытаясь определить центр тяжести. Должен быть в две пятых длины от гарды. В местных самодельных боккэнах получилось не точно, но похоже.

Саша дождался, когда Никса сделает выпад, перенес меч над его боккэном, заскользил своим оружием вдоль клинка брата, давя вниз, закрутил его клинок вокруг центра тяжести и выбил у него из рук.

Сам удивился, что получилось. И коснулся боккэном шеи цесаревича.

— Ну, хоть в чем-то я лучше тебя! — прокомментировал Саша.

— Еще по математике, — признал Никса. — У меня нет двух плюсов. Научишь приему?

— Конечно. Но это было непросто, прямо скажем.

— Вы, видимо, почитаете за величайшее искусство вышибить оружие из рук противника, Александр Александрович? — поинтересовался Сивербрик. — Не знаю, как у вас там в Японии, но у нас в Европе — это дурной тон. Подобное действие обнаруживает лишь незнание дела и превратное понятие о фехтовальном искусстве. Кроме того, выбитым мечом легко ушибить присутствующих.

— Разве не верно, что лучший бой — это тот, которого не было? — возразил Саша.

— Для дуэли, может быть, — сказал Егор Иванович, — но для фехтовального искусства. К тому же этот прием опасен для того, кто его делает. Отклоняется простым дегаже. Дегаже заключается в том, чтобы сразу колоть противника, не касаясь его шпаги, Александр Александрович. И тогда, от сильного размаха, вышибающий шпагу, не встретив сопротивления, может сам выронить оружие. Николай Александрович, надо было сделать дегаже.

— Оружие непривычное, — попытался оправдаться Никса.

— У меня не сильный размах, — возразил Саша.

— Ну, попробуйте еще раз, Александр Александрович, — предложил Сивербрик. — Николай Александрович, помните о дегаже.

Саша попытался повторить тот же прием, но теперь Никса успел уйти, и Саша еле удержал катану, и сам не понял, как Никсов боккэн оказался у него где-то под ребром.

— Вот именно, — прокомментировал Сивербрик. — И еще, если случится, при парировании удара, вышибить рапиру из руки противника, то из вежливости следует поспешно ее поднять и, взяв за клинок, вернуть ее, или-же извиниться в происшедшей нечаянности.

— Японцы делают так, — сказал Саша.

Он опустился на колени, сел на пятки и сделал земной поклон, положив ладони на пол перед собой и повернув их друг к другу.

— Это даже слишком, — улыбнулся Никса.

— Александр Александрович, — задумчиво проговорил Сивербрик. — Ваши японские приемы невозможно выучить по рисункам. У вас был учитель.

— Наверное, вы, — предположил Саша. — Я многое забыл, потом почитал про японцев, и это вот так странно преломилось.

Сивербрик покачал головой.

— Выбивать оружие я вас не учил.

— Саша не любит об этом говорить, — объяснил Никса, — но он иногда видит странные сны. Там ходят электрические поезда, по небу летают железные машины, и все увлекаются Японией. Учитель приходил к нему во сне.

— Я не верю в такие вещи, — сказал Сивербрик.

— Я тоже не верил, пока Саша не описал при мне усадьбу Кусково Сережи Шереметьева, где никогда не был.

— По-моему, вы фантазируете, Николай Александрович, — осторожно заметил Сивербрик.

— Про сны правда, — вмешался Саша. — Точнее я видел их, когда болел летом. Сейчас

редко. Про Кусково — тоже правда. Сережа нашел только одну ошибку, но я понимаю, откуда она. Я не всегда вижу то, что сейчас. Иногда прошлое или будущее.

— Мое имение можете описать? — просил учитель.

— Нет, это не по заказу.

— Очень жаль, — сказал Сивербрик.

— Егор Иванович, мне очень нравится ваш предмет, — признался Саша. — Но я не помню французской терминологии.

— Да, я понял, — кивнул Сивербрик.

Учитель фехтования обошелся без оценки, видимо, не понимая, что ставить в данном случае.

После фехтования был французский.

Мсье Куриар был швейцарцем по происхождению и англиканским пастором по званию, когда-то преподававшим французский будущей королеве Виктории.

Он выглядел где-то на шестьдесят, был полностью сед, но глаза имел умные и живые.

И урок снова был индивидуальный. С братьями Саша пока встречался только на танцах, фехтовании и верховой езде.

— Николай Александрович говорил мне, что вы летом много занимались самостоятельно, — сказал пастор разумеется, по-французски.

— Просто многое забыл и пытался вспомнить, — объяснил Саша на том же языке.

— Что-то читали?

— Не очень много. Успел прочитать письмо дедушкиного брата, которое приводит Корф в своей повести о восстании декабристов, и полтома Беранже. Генерал Зиновьев счел мой выбор не совсем удачным. Особенно Беранже. Но я думаю, что политические убеждения — одно, а литературные достоинства текстов — совсем другое. Бывает, что человек совершенно правильных взглядов, пишет полное дерьмо. А бывает, что у автора полная каша в голове, а как литератор он великолепен. Сколько раз с этим сталкивался.

Саша говорил медленно и тщательно подбирал слова, когда лексикона не хватало. Обычно удавалось заменить неизвестное слово более простым аналогом.

— А что за каша в голове у господина Беранже? — спросил Куриар с тонкой улыбкой.

— Беранже был бонапартистом, — сказал Саша. — Наполеон начал как революционный генерал и закончил диктатором. Когда тиран издевается только над своими подданными — это полбеда, хуже, когда он развязывает войны и несет горе и смерть соседям.

— Наполеон нес не только горе и смерть, — заметил Куриар.

— Да, да, конечно: строил дороги и раздавал конституции. Но это слабое оправдание перед мертвыми. Дороги, построенные для войны, не оправдывают агрессии, а навязанные конституции приживаются плохо. И главное, Наполеон погубил и свой народ. В конце его правления в армию призывали четырнадцатилетних. И, поссорившись со всем миром, он потерпел закономерное поражение.

Улыбка Куриара становилась все тоньше и загадочнее.

— Произношение совсем ни к черту, да? — спросил Саша. — Никса вечно надо мной смеется.

— Поставим произношение, — ответил Куриар. — Умение думать гораздо важнее. Что вам запомнилось у Беранже, Александр Александрович?

— Безумцы.

— Да? Можете процитировать?

*— Оловянных солдатиков строим
По шнурочку равняемся мы.
Чуть из ряда выходят умы:
«Смерть безумцам!» — мы яростно воем.
Поднимаем бессмысленный рев,
Мы преследуем их, убиваем —
И статуи потом воздвигаем,
Человечества славу прозрев...*

— Вспомнил Саша.

— Признаться, я ждал «Лизетты», — сказал Куриар.

— «Лизетта» хороша, но это глубже. Хотя по поводу Фурье и Сен-Симона я с автором не согласен. Социализм — это вредная иллюзия.

— Почему?

— Потому что бескорыстно трудиться для общего блага может очень небольшая часть человечества. Остальные, увы, эгоистичны. И в подобной системе они либо попытаются жить за счет других и ничего не делать, либо социализм превратится в систему подавления личности, чтобы принудить их работать для общественного блага. И это будет такое азиатское рабство, которого мир еще не видывал. А рабство — не самая эффективная экономическая система. Так что крахом это окончится в любом случае.

— Нужно запретить Фурье и Сен-Симона, Александр Александрович?

— Ни в коем случае! Для истины свободная дискуссия не опасна. Пусть ее боятся лжецы. Более того, пусть социалисты организуют коммуны и социалистические артели.

Рано или поздно они разорятся, и это будет лучшим доказательством несостоятельности теории.

— А если не разорятся?

— Разорятся. В крайнем случае, их хватит на одно поколение, пока энтузиазм не иссякнет.

— Быть может... — проговорил Куриар. — Время покажет. Мне Николай Александрович рассказывал про какие-то карточки со словами...

— Да, я выписывал на карточки французские слова с переводами, а потом учил. Я могу их принести на следующее занятие.

— Мне было бы интересно прямо сейчас посмотреть.

— Я могу сходить... или послать лакея.

Саша позвонил в колокольчик, и минут через десять с Митькой прибыли карточки.

Куриар по ним поспрашивал. Саша сделал пару ошибок, но учитель явно был доволен.

И поставил пятерку.

— Ну, это явно авансом, — заметил Саша.

— Ваши летние занятия просто невозможно было не отметить, — сказал учитель. — А для исправления произношения надо слушать побольше. Я буду вам читать с Николаем Александровичем. Что бы вы хотели послушать, какую книгу на французском?

— Вы знаете, мне кажется я когда-то начинал читать Франсуа Рабле, а потом книга куда-то от меня делась...

На самом деле, Рабле Саша начинал читать в пионерском лагере как раз в том же возрасте, сколько сейчас было его новому телу. Как ни странно, потрепанный и зачитанный Рабле вполне себе водился в лагерной библиотеке, и его даже без проблем выдавали. Саша успел прочитать первую главу про то, чем именно приятнее всего подтираться, а потом смена кончилась.

— Это было ужасно смешно, — продолжил Саша, — хотя я то краснел, то бледнел. Мне бы хотелось прочитать дальше. Хотя, наверное, книга не для чтения вслух. Со слишком пикантных подробностей начинается. И я не знаю, пойму ли я французский 16-го века. Он, наверное, очень устарел?

— Точно не для чтения вслух, — улыбнулся Куриар.

— Тогда что-то другое. Можно, конечно, вспомнить Дюма. Послушаю с удовольствием. Или Гюго. Знаете, я так и не прочитал «Отверженных». Знаю, что книга тяжелая, но это же мастрид.

— «Отверженных»? — переспросил Куриар. — Я не знаю такого романа.

— Может быть, я неправильно называю. Они, на самом деле, скорее, «Ничтожные»...

— Все равно.

— А «Собор Парижской Богоматери» издан?

— Конечно. Правда, на русском не полностью.

— Можно его. На французском. А почему не полностью?

— Цензура не все пропустила.

— Боже мой! Что там цензуре не пропускать?

Про «душу дьяволу продам за ночь с тобой» было в тексте Гюго? Или это только мюзикл? Саша, хоть убей, не помнил. Но, на всякий случай, решил не цитировать.

Куриар тонко улыбнулся.

— Посмотрим, — сказал он.

Отдельного урока русской литературы не было, был урок русской словесности.

Когда-то, еще в советской школе, для Саши было сущим мучением писать школьные идеологически выдержанные сочинения по литературе, и он их главным образом списывал у различных критиков: от Добролюбова до советских — Цейтлина и Гуковского.

В Перестройку стало возможным несколько отступить от канона, и дело пошло на лад. Правда, не без эксцессов. Тогда Саша получил свою первую и последнюю двойку по литературе за сочинение на тему «Герой нашего времени». Само собой, Саша решил трактовать тему, как Лермонтов, а не проставлять героев — строителей социализма. Герой эпохи заката тоталитаризма оказался у Саши разочарованным в жизни потерянным человеком, а не пламенным коммунистом.

Сочинение Саша писал в основном по свеженапечатанной в журнале «Октябрь» повести Виктора Астафьева «Печальный детектив». Ситуация осложнялась тем, что Саша читал эту повесть, а учительница, видимо, нет. По крайней мере, она упрекнула класс в том, что кто-кто использовал в своих сочинениях несуществующие произведения. И Саша воспринял это на свой счет.

В общем-то, единственную не двойку (а именно пятерку) за сочинение получила одна из четырех девушек в классе — комсорг, написавшая то, что надо. В математике барышня не разбиралась от слова «совсем», и, в результате, обладала нулевым авторитетом. Ее сочинение учительница зачитала как образцовое под громовой хохот не верящих в коммунизм присутствующих. Ну, специфика 179-й школы.

К концу десятого класса Саша осознал, что может написать примерно все, что угодно, на какую угодно тему. Единственно что он не любил, так это лгать и лицемерить. В результате в сочинениях по литературе предпочитал менее острые темы, в основном, девятнадцатый век. Ну, ведь «вольнолюбивая лирика Пушкина» — это же правильно, это же за свободу и против тирании.

В МИФИ он несколько лет пытался пихать свои статьи в институтскую газету «Инженер-физик». До 21 августа 1991-го они туда хронически не пропихивались. Зато его хронику трех дней защиты Белого Дома напечатали сразу и без малейшей правки в первом вышедшем после событий номере.

И после этого у него печатали вообще все примерно везде.

Лафа продолжалась до второй половины двухтысячных, а потом все начало стопориться, и чем дальше, тем больше. После 2014-го его перестали печатать совсем. Причем, независимо от тематики: что на политические темы, что на чисто юридические.

Вспоминалась притча о Диогене и Аристиппе. У Диогена на ужин был хлеб и чечевица. Блестящий ученик Сократа Аристипп, обласканный тираном Сиракуз, увидев это, сказал: «Научись угождать царям, и тебе не придется есть чечевицу». На что Диоген ответил: «Научить есть чечевицу, и тебе не придется угождать царям».

Саше даже не пришлось есть чечевицу. Пока были клиенты — были деньги. И в двухтысячные их водилось даже больше, чем в девяностые. Он утратил только возможность высказываться и влиять на события.

Но навык писать, вроде, не утратил.

Так что русскую словесность ждал спокойно, тем более, что стишок про «ять» честно выучил.

Урок был посвящен Жуковскому, что было прямо приятно.

В советской школе романтика, автора слов «Боже, царя храни» и учителя царских детей,

благополучно прошли мимо. Так что его фэнтези в стихах Саша читал потом самостоятельно. Это было местами довольно скучно, но эстетно.

Так что «Лесной царь» пошел на ура. Уж гораздо милее, чем «Партия и Ленин — близнецы-братья». Саша терпеть не мог Маяковского.

— Это ведь расхожий сюжет в европейском фольклоре, — не удержался Саша. — Эльфы похищают человеческого ребенка и уводят в лес. Причем, непонятно, живым или мертвым. У ирландцев, кажется, что-то такое есть.

— Да-а, — протянул Яков Карлович.

*— О, дитя, иди скорей
В край болот и камышей,
За прекрасной феей вслед,
Ибо в мире столько горя,
Что тебе в нем места нет.*

— процитировал Саша.

За точность цитирования, впрочем, не ручался.

Кажется, Йейтс жил несколько позже...

— Откуда это? — спросил Грот. — Я не знаю этих стихов.

— Я слышал это стихотворение во сне, когда болел, — сказал Саша. — Оригинал точно на английском: «The Stolen childe».

— Вы его слышали на английском?

— Мне кажется, и так, и так. Русский вариант помню лучше, но все равно не полностью:

*Там, где с вершины горной,
Звеня, бежит вода
И в заводи озерной
Купается звезда,
Мы дремлющей форели
На ушко, еле-еле,
Нашептываем сны,
Шатром сплетаем лозы —
И с веток бузины
Отряхиваем слезы.*

Собственно, текст Саша помнил потому, что когда-то пел это под гитару.

Кажется, Грот был в шоке.

— Вы раньше не интересовались поэзией, — заметил он.

— Должен же я был когда-то повзрослеть? Но это все, что я помню. У Жуковского:

*Ко мне, мой младенец; в дуброве моей
Узнаешь прекрасных моих дочерей:
При месяце будут играть и летать,*

Играя, летая, тебя усыплять.

А в моем сне:

*Там, где под светом лунным
Волнуется прибой,
По отмелям и дюнам,
Где берег голубой,
Мы кружимся, танцуя
Под музыку ночную
Воздушной толпой;
Под луною колдовской
Мы парим в волнах эфира —
В час, когда тревоги мира
Отравляют сон людской...*

Очень ведь похоже...

— Не совсем, — проговорил Грот. — Кстати, в чем отличие?

— Конфликт другой, — сказал Саша. — У Гете и Жуковского, который его переводит, конфликт с силами природы и страх перед ними. Лесной царь Жуковского, точнее король эльфов — это воплощение смерти, и все его слова — то ли обман, то ли бред больного ребенка. В моем сне этого мотива вообще нет. У меня конфликт человека с обществом, где слишком много горя, а не с природой. Природа — это спасение. Это красота и покой, так что может и стоит вслед за прекрасной феей сбежать.

— Вам ближе стихи из вашего сна...

— Конечно. Это стихи другой эпохи. С природой можно справиться. Детскую смертность одолеть, болезни научиться лечить и даже предсказывать землетрясения. А вот с самим собой человеку еще долго трудно придется. Рукотворные трагедии — войны, преступления, социальная несправедливость — могут показаться непреодолимыми. Хотя, думаю, автор стихотворения из моего сна просто не дожил. Если проблема не решена — это не значит, что решить ее невозможно. И это не значит, что единственный выход бегство. Если ты убежишь от мира — ты уже ничего в нем не сделаешь. Так что не бойтесь за меня, Яков Карлович.

— Вы, кажется, верите в человечество...

— Наивно, да? Вы знаете, я где-то видел график: зависимость количества насильственных преступлений от времени в Европе. Так вот, оно планомерно уменьшается, причем давно, уже несколько столетий, с четырнадцатого века. Хотя должно бы увеличиваться, ведь чем ближе к нам, тем информации больше. А все наоборот. И никто не знает, почему, одни гипотезы. Мне кажется, это просвещение. Первые университеты появились.

— Я об этом не слышал, — заметил учитель. — Но очень оптимистично звучит. А первые университеты появились раньше: Болонья — 11 век, Сорбонна — 12-й.

— Два университета погоды не делали. Десять, хотя бы. Я не помню, откуда я это взял,

но точно не с потолка. Может быть, можно восстановить эту зависимость, но это предмет для исторического исследования. Кстати, не знаю, верно ли для России, но не думаю, что мы так уж оригинальны.

— С четырнадцатого века? — проговорил Грот. — Это начало раннего Возрождения.

— Так просто? Думаю, что вы правы. Тогда у нас века с восемнадцатого. Что можно считать русским возрождением?

— В искусстве — немного раньше, 17-й век. Но до Петра в России не было ни семьи в истинном ее значении, ни школы. Женщина была рабой и затворницей. Большинство русских не получало никакого образования и переходило во взрослую жизнь прямо из детской, в полном умственном и нравственном несовершеннолетии; даже не все бояре умели читать. Высшие сословия мало отличались от низших, учить было некому: иностранцев избегали как иноверцев; все от них исходившее считалось богопротивным. Книг почти не было; а те, которые читались, не могли доставлять ни большой пользы, ни особенного развлечения. Невежество, праздность, пороки порождали разбои и убийства, так что в самой столице не было полной безопасности. Редко кто не был заражен суеверием, верой в порчу, колдовство, в дьявольские наветы, что опять влекло за собой преступления и разные ужасы. Так что, если и было уменьшение преступности — то только с Петра и в результате его реформ.

— То есть с вестернизации, — подытожил Саша. — Кажется, я найду в вас единомышленника, Яков Карлович.

— С вами стало очень приятно заниматься, — заметил Грот.

— Может быть, я даже вылезу из троек?

— Сейчас проверим, — пообещал Грот.

И устроил диктант по «Лесному царю».

Саша записал, старательно подписывая «еры» после всех согласных на концах слов и подтормаживая там, где возможна была «ять», чтобы вспомнить стихотворение про «белого беса». Грот милосердно не торопил.

Саша поразмышлял на тему, не надо ли где-то написать вместо «и» «и с точкой», то бишь десятиричное. Вроде нет.

И с некоторым внутренним трепетом отдал текст учителю.

Грот прочитал, вздохнул, покачал головой и сказал:

— «Ездок» с «ять».

— Но его там не было! — возразил Саша. — Я все выучил!

— Я вам еще одно продиктую, Александр Александрович.

— Хорошо, — смирился Саша.

— Дальше, — беспощадно продолжил Грот, — «Весь» через «ять». «Весь» через «е» — это «деревня».

Саша вздохнул.

— Этого там тоже не было.

— Просто запомните. В «греет» после «р» «ять».

— Ну, почему?

— Потому что во всех глаголах пишется «ять», кроме трех исключений: умереть, тереть, переть.

— Позвольте, я запишу, — попросил Саша.

— Конечно.

И Саша записал правило.

— «Ко мне» на конце «ять», — продолжил учитель. — Запомните в дательном и предложном падеже пишется «ять». Поэтому «в короне» на конце тоже «ять».

— О, Боже! — воскликнул Саша. — Яков Карлович, но ведь дедушка вообще писал без «ятей»!

— Это не то, в чем следует подражать великому государю, — отрезал Грот. — «Нет» пишется через «ять». В «белеет» две «ять»: и после «б», и после «л». «Оробелый» с «ять». Это отглагольное прилагательное.

Учитель исправил еще несколько похожих ошибок и посчитал исправления:

— Двадцать четыре ошибки в одном небольшом стихотворении.

— Может быть, всех «ездоков» считать за одну ошибку? — предложил Саша. — Их там четыре штуки.

— Это ничего не изменит, — сказал Грот. — Все равно: два.

— Но ведь в тех словах, что были в «Бледном бесе» я не сделал ни одной ошибки!

— Потому и не единица.

— Яков Карлович, клянусь, я поставлю на уши всех: папа, Никсу, Академию наук, Московский университет, но этой мерзкой буквы больше никогда не будет в русской орфографии! Иначе гимназисты устроят революцию.

Грот усмехнулся.

— Посмотрим. А пока запишите:

Замешу посев в мерило,

Еду грех исповедать.

Медь, железо всех пленило,

Днепр, Днестр посещать.

Саша записал. Грот продиктовал еще четыре строфы в том же духе.

Проверил.

— Быстро схватываете, Александр Александрович, — заметил он.

И исправил еще несколько «е» на «ять».

— Глядишь, к совершеннолетию будете писать без ошибок.

— Я ее отменю раньше, — пообещал Саша.

Грот проигнорировал и задал написать эссе по «Лесному царю» и стихотворению из сна.

— Ну, примерно то, что вы мне рассказали, но подробнее. Не меньше, чем на три страницы. А «Лесного царя» выучить. И выучить стихотворение на «ять» и правила.

И Саша вспомнил свои школьные чувства, когда тебе задают три сочинения, двадцать задач и пару стихотворений наизусть.

До конца недели он еще успел поразить Сухонина своими решениями задачек Остроградского и объединить с ним усилия по двум оставшимся «неберучкам». Сергей Петрович сходу их решить не смог и взял тайм-аут. Зато пообещал принять у Саши экзамен за всю арифметику экстерном и перейти к чему-нибудь поинтереснее.

В четверг последним уроком была гимнастика. И тут Саша понял, что у тела троечника, в которое его угораздило попасть, есть свои преимущества.

В советской школе Саша был вполне типичным «по физкультуре не отличником», и кроме патологического отвращения этот предмет у него не вызывал ничего, а отжимания, подтягивания и влезание по канату казались неким высоким цирковым искусством не для обычных людей.

В старших классах он начал заниматься модным большим теннисом. Само собой, за деньги, с частным тренером, поскольку ни в какие бесплатные секции его не брали как человека для олимпийского резерва полностью бесперспективного.

И дело пошло на лад. Подтягиваться стало проще, но школьная физкультура все равно воспринималась как отстой и тошнилово.

В институте он занялся культуризмом, а летом — виндсерфингом в студенческом лагере «Волга». После вытаскивания из реки на свет божий тяжелой, наполненной водой мачты, по десять раз на день, он постиг, что отжаться — это вообще раз плюнуть. Но все равно скучотища.

Преподавателем гимнастики у великих князей служил шведский поручик Вальфельд, по словам Никсы, только в этом году сменивший француза Деропа.

Погода была теплая — настоящее бабье лето с желтой листвой дубов и легким ветром с моря. Так что их выгнали заниматься на улицу.

Недалеко от Коттеджа был устроен целый гимнастический комплекс, до боли напоминавший именно школьную физкультуру: три деревянных турника с металлическими перекладинами, которые можно устанавливать на разной высоте, длинное бревно, по которому надо ходить, и наклонные брусья: подтянуться можно только вниз, в верхней части от ног до земли метр, как минимум.

Саша смотрел на эти пыточные агрегаты с некоторым внутреннем трепетом, вспоминая свою школьную физкультурную неуспешность.

Тут-то тело троечника и показало себя. Может быть, не так блестяще, как оно это делало до болезни, но Саша повис на турнике и подтянулся так легко, словно год занимался виндсерфингом. Бревно и брусья тоже покорились без проблем.

— У меня, наверное, были пятерки по физкультуре? — спросил он не менее ловкого Никсу.

— По чему? — переспросил Никса.

— По гимнастике, — вздохнул Саша.

— Это был твой любимый предмет, — сказал брат.

В пятницу Саша наслаждался лекцией Грота по всеобщей истории. Речь шла как раз о раннем итальянском Возрождении.

— Вы раньше так внимательно не слушали, — заметил Яков Карлович.

— Просто очень люблю этот период, — сказал Саша. — А «Божественная комедия» на русский переведена?

— Только отрывки. Полностью есть на французском. Но, думаю, скоро переведут.

— Не прошло и шести веков, — вздохнул Саша.

— Образованная публика может читать на французском, — заметил Грот.

— Образованная французская публика наверняка может читать на итальянском, но перевод почему-то есть.

— Во Франции не так распространен итальянский, как у нас французский, — возразил Грот.

— Бокаччо тоже на французском?

— Да, хотя Константин Батюшков перевел одну новеллу.

— Одну из ста?

— Да.

— А какую?

— Последнюю, о верной жене Гризельде.

Честно говоря, Саша в тайне надеялся, что Батюшков, будучи сумасшедшим, перевел его любимую новеллу: про то, как дьявола загоняли в ад.

— То, что для итальянцев было вульгарным народным искусством на вульгарном народном языке в отличие от высокой латыни, для нас — искусство для аристократии, — заметил Саша. — Хорошо, посмотрю на французском.

Грот слегка побледнел.

Ага! Значит, есть бесцензурное издание.

— Вам это рановато, — заметил учитель.

— Да, верно, Яков Карлович, у меня недостаточный уровень французского. Кстати, у может кто-то из ваших коллег или учеников взяться за перевод с итальянского?

— Знаете в рукописи сохранился перевод об артиллерийском и фейерверочном искусстве от 1685 года с отметкой, что перевод сделан по повелению царя Петра Алексеевича. Петру Великому тогда было столько же, сколько вам: 13 лет.

— Это комплемент? — поинтересовался Саша. — Или упрек? Великий Петр что-то полезное поручал переводить, а я — «Декамерон». Дойду и до полезного, Яков Карлович, вы не будете разочарованы. Дело осложняется тем, что Петр Алексеевич мог повелеть, а я только заплатить. И то не всегда. Ну, ничего, найду деньги. Я это умею. Так что переводчика не обижу.

— Комплимент, — сказал Грот.

На русском (который «русская словесность») в очередном диктанте на «ять» Саша сделал раза в три меньше ошибок, но все равно больше шести.

— Гораздо лучше, — сказал Грот.

И продиктовал несметное количество корней с «ятем», которые надо было вызубрить. И, судя по тому, что список оканчивался корнями на «дѣ», это было только начало.

Без преувеличения каторжная первая учебная неделя закончилась уроком игры на фортепьяно. Музыка преподавал молодой офицер Михаил Викторович Половцев. Саша ожидал увидеть на этой должности какого-нибудь итальянского виртуоза или австрийского композитора, но местные считали, что военный человек способен справиться со всем на свете.

Саша пару раз исполнил «К Элизе». Половцев оценил, похвалил за эффективную самостоятельную работу и задал учить «Лунную сонату». Первую часть.

Ну, хоть не полностью!

— Судя по вашей игре, вы справитесь, — резюмировал офицер.

И Саша понял, что настоящая каторга еще впереди.

К вечеру пятницы он несколько пришел в себя и у него возникло четкое ощущение, что одного предмета в программе не хватает. И это предмет, который был просто обязан там быть.

— А что случилось с русской историей? — спросил Саша. — Экзамен же был. А за всю неделю ни одного урока.

Дело было за вечернем пятничным чаем на веранде Соснового дома, в обществе Никсы и нового помощника Зиновьева — героя Кавказской войны полковника Оттона Борисовича Рихтера.

Последнего приставили к брату в последних числах августа, но только сейчас выпал случай поближе познакомиться.

Рихтер носил усы и окладистую бороду, которая его откровенно старила. И выглядел старше своих двадцати восьми. Но Никсе новый воспитатель пришелся по вкусу, так что он все больше времени проводил в его обществе. Глаза у Рихтера были умные, а имя красовалось на мраморной доске лучших выпускников Пажеского корпуса, что давало некоторую надежду на то, что как отличник с отличником они с Сашей в конце концов поймут друг друга.

— С русской историей случился Август Федорович Grimm, — объяснил Никса, собственноручно разливая чай, то бишь пододвигая чашки и открывая и закрывая краник самовара.

Про Гримма Саша уже слышал. Собственно, Август Федорович сменил оставленного Титова на должности главного наставника великих князей.

— Август Федорович считает, что история России не может служить предметом серьезного изучения или преподавания, — продолжил Никса, — поскольку это только случайное сцепление фактов, не имеющих между собою никакой внутренней связи.

— В таком случае у нас настолько оригинальная история, что ее просто необходимо изучать, больше ни в одной стране такого нет, — сказал Саша. — Даже история Китая более чем логична.

— Мне историю России оставили, — заметил Никса. — Яков Карлович ведет. А про тебя с Володей решили, зачем вам? С другой стороны, тебе что, мало?

— Да, нет. Карамзина я могу и сам перечитать.

— Ошибаешься, — заметил Никса. — Теперь все внеклассное чтение только на иностранных языках.

Саша читал своего Беранже по-французски, и, видимо, поэтому не нарывался на замечания.

— В этом, конечно, что-то есть, — сказал Саша. — А кто этот Grimm? Откуда он взялся?

— Служил помощником адмирала Литке, главного наставника дяди Кости, — объяснил Никса, — потом чтецом при бабыньке, потом вернулся на родину, в Дрезден, и жил на русскую пенсию. Его предлагали к нам воспитателем еще при бабушке, но бабушка написал резолюцию: «Этого не надо, у себя найдем».

— И за границей написал две книги о России, — добавил Рихтер. — Довольно критических.

— Про русское воровство и пьянство? — поинтересовался Саша. — Ну, об этом кто только не писал. Может, и стоит навсегда снять розовые очки.

— Смотря как писать, — заметил Оттон Борисович, — можно с болью, а можно с

презрением.

— С презрением? — спросил Саша. — Ну, так он же немец. С болью, это только мы можем.

— Он так и не выучил русский язык за 20 лет в России, — сказал Никса. — Так что не может обойтись без Якова Карловича.

— Ага! — хмыкнул Саша. — Академик Грот при нем переводчиком.

— Он плохо говорит даже по-французски, — добавил Рихтер. — И не понимает английского.

— «Не понимает английского», — повторил Саша. — Запомню.

— При этом считается знатоком иностранных языков, — сказал Рихтер.

— Тебе еще повезло, Саш, — заметил Никса. — У тебя география России и всеобщая история все-таки на русском. Благодарю Грота, который доложил, что немецкого ты не помнишь совсем, и преподавать тебе что-либо на немецком полностью бесполезно. А у нас Володей — на немецком. Я его еще понимаю, а Володя — ненамного лучше тебя.

«Понятно, — подумал Саша, — элитная немецкая школа с преподаванием ряда предметов на иностранных языках».

— «География России»? — переспросил Саша. — На немецком?

— Да, — кивнул Никса.

— Потому что русские, по мнению Гримма, сами ни на что не способны и должны благодарить немцев за минимальный уровень культуры, — подлил масла в огонь Рихтер.

Оттон Борисович, судя по имени и фамилии, тоже был не вполне русским, но здесь главное самоидентификация.

— Еще Гримм утверждает, что Россия скоро станет республикой, — сказал Никса, — и потеряет берега Балтийского и Черного моря, поскольку такие разнородные элементы, из которых состоит Россия, не могут сосуществовать в одном государстве.

— В уме ему не откажешь, — прокомментировал Саша. — Хотя не скоро. И не республикой. В последнем он слишком оптимистичен.

— При этом удивительно, как из одинаковых прогнозов, люди могут делать настолько разные выводы, — сказал Никса. — В отличие от тебя, он считает панацеей не свободу и конституцию, а запреты и цензуру. И видит угрозу трону даже в славянофильстве, а противоправительственное направление современной русской литературы считает предвестником революции.

— Не метод, — возразил Саша, — жерло вулкана не заткнуть. Да, рванет позже, зато катастрофичнее. И не русская литература тому причиной. Правительство должно не противопоставлять себя обществу, а выражать его интересы. Тогда и литература будет другой. А где он оппозиционную литературу нашел? Гоголь? Неизданный Пушкин? По моему, все еще впереди.

— Не только, — сказал Никса, — твой любимый Некрасов, например. Кстати, при Оттоне Борисовиче можешь говорить все, не опасаясь. Я ему полностью доверяю.

Саша подумал, что рановато полностью доверять человеку, зная его две недели, но возражать не стал.

— Если Герцен в Лондоне уже знает мои взгляды, чего мне бояться? — заметил Саша. — И вряд ли я что-то более крамольное, чем Гримм, скажу.

— Яков Карлович ему возражает вполне в твоём духе, — сказал Никса. — Говорит, что «Бояться свободного выражения мысли — значит не содействовать раскрытию истины, а

гасить ее».

— Подписываюсь под каждым словом, — сказал Саша. — А чем плох академик Грот? Он, конечно, ставит мне пары за диктанты с «ятем», но я же понимаю, что, если в тексте 24 ошибки, по справедливости, за него больше поставить совершенно невозможно. Зачем понадобился этот Гримм?

— Его очень ценит мамá, — объяснил Никса. — Он представил ей свою записку о воспитании принцев, ей понравилось.

— В записке было о том, что образование должно быть основано на математике и музыке, — добавил Рихтер.

— Я, конечно, готов по 12 часов в день решать задачки от Остроградского, а остальное время брэнчать на гитаре, но это напоминает умозрительную концепцию в духе эпохи Просвещения, — заметил Саша. — Красиво, но не на чем не основано.

— Именно, — усмехнулся Рихтер.

— Вот такой у меня братик, — прокомментировал Никса.

— Я читал... — начал Оттон Борисович, но осекся.

— «Колокол»? — спросил Саша. — Не стесняйтесь, господин Рихтер. Если Никса вам доверят, думаю, вы тоже можете нам доверять.

— Да, — кивнул Рихтер. — «Колокол».

— Так, значит, Грот у нас против Гримма, — сделал вывод Саша.

— Скорее, Гримм против Грота, — поправил Рихтер. — Титова с Кавелиным он уже отставил, Яков Карлович — следующий.

— А Зиновьев на чьей стороне? — спросил Саша.

— Скорее, Грота, — ответил Рихтер.

— Не так просто, — возразил Никса. — Зиновьев считает себя выше Якова Карловича и не дает ему напрямую докладывать о нашей учебе мамá.

— Политический расклад ясен, — резюмировал Саша. — Никса, поправь меня, если я чего-то не понял. Есть три партии: Гримма, Грота и Зиновьева. Последние две иногда блокируются против первой, но у первой мощная поддержка в лице мамá, так что силы пока равны. И нет дедушки, чтобы прихлопнуть крышкой эту бурю в стакане воды, а папá не до того.

— Все ты понял, — сказал Никса.

— А драчка идет, как обычно, за ресурсы, — продолжил Саша, — потому что место при нас с тобой теплое и платят, наверное, чуть менее, чем до хрена.

Рихтер, кажется, хотел наехать на Сашу за грубый оборот, но Никса остановил его жестом руки.

— Тринадцать тысяч рублей в год, как у посланника, — сказал Рихтер. — Это оклад Гримма.

— Август Федорович любит похвастаться, — объяснил Никса.

— Беру свои слова обратно, — прокомментировал Саша. — Не чуть менее, чем до хрена, а чуть более, чем до хрена.

— А также помещение в Зимнем, здесь, в Петергофе, и в Царском селе, — добавил Рихтер. — И придворный экипаж.

— Да, есть за что бороться, — сказал Саша. — И только качество нашего образования интересно разве что мамá. Но она кажется не вполне компетентна. А ты, Никса, против мамá, конечно, не пойдешь.

— Я не слишком от этого страдаю, — сказал брат. — И немецкий ведь, правда, надо знать.

В субботу утром его разбудил Гогель.

— Александр Александрович, девять часов.

Саша повернулся на другой бок и накрыл голову подушкой.

— Григорий Федорович! — простонал он сквозь сон. — Ну, зачем? Сегодня же нет уроков!

— Все равно не должно спать до полудня!

За умыванием и чисткой зубов Саша насвистывал известный ему с детства хит Пугачевой:

*Не бываю я нигде, не дышу озоном,
Занимаюсь на труде синхровразатроном...*

Но с немного отредактированным припевом:

*То ли еще было,
То ли еще было,
То ли еще было
Ой-ой-ой!*

Да, даже без русской истории, это было сурово. Так что хотелось забить на эту особенность образования.

Завтрак принес некоторые положительные эмоции.

— За отличные успехи в математике и музыке государь премирует вас пятьюдесятью рублями, Александр Александрович! — провозгласил Гогель.

И отсчитал десять розовых десятирублевых ассигнаций.

— Здесь сто, — заметил Саша.

— Еще пятьдесят — это на карманные расходы за два месяца, — пояснил Гогель.

Саша без стеснения пересчитал еще раз и убрал к себе в ящик, где оставалось еще 27 рублей 40 копеек.

Да! Больше ста рублей у Саши еще не скапливалось! Можно полностью с Крамским расплатиться. И еще вложить в дело.

Этот метод заработка Саше положительно нравился. Выгоднее, чем с английского переводить.

Первые эскизы рекламных плакатов художник прислал Саше еще в кадетский лагерь. Особенно расписываться в ответ Саше было некогда, так что он кратко одобрил и ждал окончательный вариант, который прибыл в начале сентября и был тут же отправлен бизнес-партнеру. Рассрочка тогда еще действовала, но ко дню рождения Никсы действовать перестала.

Саша почувствовал некоторый укол совести. Уже тогда можно было еще десять рублей отдать, но закрутился.

— Вечером государь и государыня ждут вас на ужин, — добавил Гогель.

И это тоже было кстати.

После завтрака Саша отправил Крамскому с лакеем 25 рублей вместе с извинениями за просрочку платежа на неделю.

Ну, зато сразу все. Явно не на что обижаться.

И до вечера успел написать первую главу книги «Мир в ближайшие 150 лет», которую еще в августе обсуждал с Крамским, но так за нее и не принялся.

Начал с политкорректного. Глава называлась: «Рост городов: небоскребы, мосты, транспортные развязки».

Для экономии времени и сил, он писал, понятно, без «ятей», «еров» и прочей херни, но все равно почти до вечера.

Возможно, начать следовало с развития науки и техники, но не суть. Главы можно потом переставить. Если писать по главе каждую субботу — за полгода успеет.

Хотя, конечно, один час свободного времени в будни — это, как бы сказать, если не матом — очень мало.

И Саша задумался о том, как бы сократить время на выполнение домашнего задания, но при этом не потерять в премиальных от папá. Задача представлялась малоосуществимой.

На ужин собрались в той же столовой Фермерского дворца, где в июле был памятный разговор с дядей Костей.

Папá, мамá, Никса, Володя, сам Саша и даже Алеша. Истинно семейный ужин на шесть персон. Гримма, слава Богу, не было. В семье папá не было принято приглашать за стол учителей и наставников. В отличие от дедушки, когда редкий семейный обед обходился без Жуковского.

Такое высокомерие, с одной стороны, казалось Саше неправильным. С другой, его бы порадовало присутствие разве что Якова Карловича.

Светло-голубые стены с итальянскими пейзажами в тяжелых рамах, стол, накрытый белой скатертью с белым с золотом сервизом, двери на террасу слегка приоткрыты, а там в кадках — пальмы, непривычные на этой широте и уже отцветшие олеандры, огромный фикус и нечто совсем экзотическое, которое Саша опознал как аурукарию.

Ветра почти нет, еще тепло.

— Саша, Август Федорович очень доволен твоими успехами, — сказал папá.

— Спасибо вам огромное за премию! — улыбнулся Саша. — Я ужасно благодарен.

— Саша, когда ты перестанешь говорить мне «вы»? — спросил папá. — Даже Алеша говорит «ты». И с твоим дедушкой, мы всегда были на «ты».

Это в качестве особой милости? Два с лишним месяца папá пропускал его «вы» мимо ушей, а тут, вдруг, заметил. Никса всегда говорил «ты» царю, Володя — тоже. Но первый цесаревич, а второй — маленький. Саше «ты» казалось немеряной наглостью.

— Хоть сейчас, — пообещал Саша, — я просто не помню, как было раньше.

— Я рад, что все налаживается, — сказал папá.

— С русским хуже, чем с математикой, — признался Саша. — Яков Карлович наставил мне двоек.

— Саша, «ять» — это не так трудно, — заметил царь. — Там, где в русском «ять», в польском обычно «іа» или «а».

— То есть, чтобы правильно писать по-русски, надо выучить польский? — поинтересовался Саша.

— Между прочим, не лишне, — сказал папá. — По крайней мере, Никсе.

— А также финский, эстонский, литовский, латышский, грузинский, армянский, чеченский... Какие там у нас еще наречия?

— Это точно не нужно для правописания «ять», — усмехнулся царь.

— «Ять» не нужна, как и «ер», — сказал Саша. — Это лишний перевод бумаги и чернил. Это лишняя трата времени на заучивание бесконечных правил и корней. И вместо «и с точкой» можно везде писать просто «и».

— Еще есть «ижица», — заметил Никса.

— «Ижицу» я вообще ни разу не видел, — сказал Саша. — Это значит, что толка от нее еще меньше, чем от твердого знака на концах всех слов.

— «Ижицу» пишут в некоторых словах, — сказал царь. — Например, миро, синод, ипостась.

— Значит, везде заменяем на «и», — резюмировал Саша. — То есть моя реформа русской орфографии состоит из четырех пунктов. Первое: вместо «ять» везде писать «е». Второе: «еры» на концах слов не писать вовсе. Третье: вместо «и десятеричного» везде писать «и восьмеричное». Четвертое: вместо «ижицы» везде писать «и».

— Все? — спросил папá.

— По орфографии — да, — кивнул Саша.

— Саша, ты представляешь, каких затрат это потребует? Все учебники переписать, все книги перепечатать, всех учителей переучить, все документы перевести на новую орфографию. А для этого переучить всех чиновников.

— Это ничего не потребует, — возразил Саша. — Никаких дополнительных знаний и умений. Четыре пункта запомнить может каждый идиот. Никакие старые книги не нужно перепечатывать, они понятны. И никакие документы переписывать. Просто для начала разрешить писать в новой орфографии по желанию. И перевести обучение на новую орфографию. И новые книги печатать по-новому. Лет за двадцать перейдем. У нас не пожар.

— Вот это верно! — заметил царь. — Не главная задача. Сейчас на это нет времени.

— Я понимаю, — кивнул Саша. — Конечно, освобождение крестьян важнее. Но у Петра Великого как-то и на гражданский шрифт время находилось.

— Ладно, — сказал папá, — давай договоримся так: ты пишешь мне записку про твою орфографическую реформу, и когда ты получаешь у Грота первую пятерку за диктант на «ять», я отдаю твою записку на отзывы в Министерство народного просвещения и Академию наук.

— О, Боже! — воскликнул Саша. — Опять эта бюрократия! Нужна же только политическая воля. Не думаю, что Петр Первый кому-то свои проекты на отзыв отдавал.

— Отдавал, — возразил царь. — Он был достаточно умным человеком для того, чтобы не считать себя знатоком всех наук.

— Хорошо, — вздохнул Саша. — Договорились.

— Это все проекты на сегодня? — поинтересовался царь.

— Нет, конечно! — сказал Саша.

— У него еще по физике три, — усмехнулся Никса.

— Никса, я всегда знал, что ты — гений, — польстил Саша.

— Физика? — удивился папá.

— Не совсем, — возразил Саша. — Нам надо перейти на метрическую систему мер и весов.

— Заимствовать у французов?

— Да! Килограмм, метр, секунда. И их производные.

— Это потребует еще больших затрат, — предположил царь.

— Зато стократ окупится. Вместо нашего бардака с пудами, фунтами, золотниками, саженьями и аршинами. Эти две архаичные системы: орфография с «ять» и отечественная система мер тормозят развитие страны не меньше крепостного права.

— Преувеличиваешь, — сказал папá.

— Ненамного. Так мне писать записку?

— Пиши. Рассмотрю. После пятерки по физике.

— Договорились, — кивнул Саша.

— Все? — спросил папá.

— Нет, — сказал Саша.

— Еще один глобальный проект?

— Нет, — успокоил Саша, — не такой глобальный, всего лишь замечание к нашей программе.

Никса посмотрел с любопытством. Володя насторожился.

— Я считаю, что нам надо вернуть русскую историю, — сказал Саша. — Не чужая ведь нам страна.

Никса усмехнулся. Володька тяжело вздохнул.

— У вас и так много занятий, — заметила мамá.

— Можно только мне, у меня нет всеобщей истории и географии России на немецком. Первое я еще могу понять. Немецкую географию я бы тоже понял. Совершенно необходимый для нас предмет: надо же Вюртемберг от Гессена отличать. С другой стороны, зачем, если нет русской истории?

— Август Федорович не считает русскую историю достойной изучения, — заметила мамá, урожденная Гессенская принцесса.

— А он ее знает? — поинтересовался Саша.

— Итак, Саша, ты считаешь, что вам надо вернуть русскую историю и географию России читать по-русски? — спросил царь.

— Да, папá, все верно. География России по-немецки — это полный абсурд. Ведь все названия русские.

— Вам надо совершенствоваться в немецком, — сказала мамá.

— Я посоветуюсь с Зиновьевым, — пообещал папá.

И перевел разговор на другую тему.

— В понедельник мы переезжаем в Царское село, — сказал он. — В Петергофе уже холодно. Мы и так на месяц задержались.

Про то, что царская семья ведет кочевой образ жизни, Саша уже знал. Собственно, Зимний дворец действительно был зимним: там жили с конца ноября по март. В апреле семейство переезжало в Царское село, в мае-июне — в Петергоф, а в августе — снова в Царское село. И где-то между переездами могли еще смотаться за границу, в Финляндию, в Москву или по монастырям — на богомолье.

— Совсем не холодно, — возразил Саша. — Я только освоился тут. Наконец-то знаю, где что. Где Сосновый дом, где капелла, где море, где библиотека. В Царском селе мне придется вспоминать все сначала!

— Подуют ветры с мора, — сказал царь, — и станет сыро и дождливо. Совсем ничего не помнишь?

— Там, кажется, лицей, — предположил Саша.

— Лицей давно не там, — вздохнул папá. — Его перевели в Петербург еще до твоего рождения. Но здание осталось, конечно.

— Вроде бы там есть большой пруд и французский сад, — вспомнил Саша.

— Да, — кивнул папá.

— А на берегу пруда — скульптура с девушкой с разбитым кувшином.

Про скульптуру Саша помнил из стихотворения Пушкина, но на этом его эрудиция кончалась.

— Есть скульптура, — подтвердил папá.

— Но я не помню даже, где мы там жили!

— В Зубовском флигеле, — сказал царь.

Название не говорило Саше ровно ничего. Ну, кроме, конечно, ассоциации на Платона Зубова — последнего фаворита Екатерины Великой.

— Ничего, ты вспомнишь, — попытался успокоить папá.

— У меня дела в Петергофе!

— Завтра будет день, — отрезал царь.

Уговорить Гогеля свозить его в Петергоф стоило Саше некоторого труда.

— Хорошо, Григорий Федорович, — наконец, сказал Саша, — не буду отнимать у вас время. Деньги у меня есть: возьму извозчика да сам поеду.

Гогель опешил и мигом приказал заложить ландо.

Было довольно жарко для осени, ярко светило солнце. Вдоль Петергофского шоссе тянулись пожелтевшие деревья Александрийского парка.

Первым адресом была аптека Ильи Андреевича Шварца.

Обитель бизнес-партнера несколько преобразилась с предыдущего визита. В окне справа от двери был выставлен огромный цветной плакат: пухленькая румяная девушка с голубыми глазами и пышными блондинистыми волосами в венке из лиловых цветов. Надпись под девушкой гласила:

«Величайшая потребность века, для дам и господ: новейшее французское средство для волос: шампунь „Княжеский“».

Средство было не совсем французским, но Саша верил в предпринимательский талант бизнес-партнера и решил не спорить.

По левую сторону от входа красовался другой плакат, тоже во все окно. Он повторял сюжет иллюстрации в «Колоколе», но был цветным и более реалистичным. Очередное творение будущего академика Крамского производило прямо замечательное впечатление, гораздо лучше газетного варианта. Под плакатом были слова:

«Небесный фонарик — незаменимое украшение для вашего праздника, впервые запущен на дне рождения государыни императрицы Великим князем Александром Александровичем».

Когда они вошли, Илья Андреевич встал навстречу и вышел из-за прилавка.

И Саша обнял аптекаря под неодобрительным взглядом Гогеля.

— Как наши дела? — спросил Саша хозяина.

Они сели в кресла напротив прилавка и стеллажей с пузырьками и колбами.

— Отлично! — сказал аптекарь. — Шампунь покупают фрейлины государыни, вашей матушки, и по несколько штук в неделю уходит в Константиновский дворец в Стрельне и Михайловский дворец в Петербурге.

Ага! Понятно. Константиновский — это тетя Санни, а Михайловский — Елена Павловна.

— И оптом взяли пять аптек из Петербурга и две — из Москвы.

— Насколько крупный опт?

— По 20 пакетиков. И еще розница.

— Ладно, лиха беда начало. Реклама работает?

— Да!

— Сколько у нас с шампуня чистыми?

— Тридцать два рубля.

— Супер! Мы кажется вышли на самоокупаемость. Илья Андреевич, вы гений!

— Ну, кто тут гений... — скромно потупился бизнес-партнер. — Фонарики лучше идут.

Особенно после «Колокола».

— И сколько?

— Пятьдесят восемь рублей.

— Обалдеть! — сказал Саша.

— Я их пристроил в семь столичных ателье свадебных платьев, десять цветочных магазинов и три кондитерских.

— О! — восхитился Саша. — Рестораны, магазины игрушек, подарков, люстр, ламп и подсвечников, свечные лавки, винные погреба...

— Попробую, — пообещал Шварц.

— Давайте обмоем, — предложил Саша. — И выпьем за успех нашего дела.

— Обмоем? — встрял Гогель. — Александр Александрович!

— Квасом, Григорий Федорович, квасом, — успокоил Саша.

Перед следующим визитом он и правда совсем не хотел напиваться.

— Есть яблочный, — сказал Шварц.

— Яблочный квас? — удивился Саша. — Ни разу не пробовал! Давайте!

— У нас тоже будет, — пообещал Гогель. — В Царском.

Хозяин отлучился на пару минут и вернулся с тремя кружками и кувшином, наполненным темно-желтым напитком с тонким слоем пены на поверхности.

Яблочный квас по вкусу напоминал сидр, но явно не содержал спирта.

Шварц достал бумажник и отсчитал ровно половину прибыли: 45 рублей.

Саша взял банкноты, без стеснения пересчитал и отдал партнеру 25.

— В дело, — коротко сказал он. — По рукам, Илья Андреевич?

— Конечно!

Саша подставил ладонь, и они ударили по рукам по старому купеческому обычаю.

— Александр Александрович... — ужаснулся Гогель.

— А что такого? — поинтересовался Саша. — Илья Андреевич, вы запишите на всякий случай. А то забудем потом.

Аптекарь кивнул.

А Саша опустил в карман четыре пятирублевых ассигнации.

Петергоф город маленький, и минут через пять они остановились у маленького домика с кирпичным первым этажом и деревянным вторым, где располагалась туберкулезная лаборатория.

Гогель только и успел сказать:

— Александр Александрович, вы не должны терять свое достоинство и вести себя, как купец!

— Если для пользы дела мне надо вести себя, как купец, я веду себя, как купец, — отрезал Саша. — Если мне надо будет вести себя, как принц, — буду вести себя, как принц.

Он спрыгнул на мостовую, подошел к двери и позвонил в колокольчик.

Накануне он проштудировал письма Елены Павловны и Склифосовского, где они

рассказывали о людях, которых набрали на работу, так что теперь надеялся познакомиться очно.

Открыл молодой человек лет двадцати. Младшему из набранных в лабораторию медиков было 19, а старшему 25, так что это мог быть кто угодно. Юноша был в двубортном мундире с украшенными гербами пуговицами, на плечах красовались погоны. Светлые, с черной полосой посередине, золотым вензелем Павла Петровича из двух переплетенных кириллических «П» и золотой короной над ними. И тремя маленькими звездочками. Поручик?

Точно не студент: студенческие погоны попроще и без звездочек. А из сотрудников лаборатории не студент был ровно один — господин Андреев, ровно в этом году окончивший Императорскую медико-хирургическую академию с отличием и золотой медалью. И рекомендованный вместо Склифосовского лично Еленой Павловной. Которой, сего отличника рекомендовал само собой Пирогов, а ему в свою очередь кто-то из его преподавателей.

Ну, да! Азиатский способ производства. Все по знакомству. Так и матушке Гримма рекомендовали. Надо бы конечно по конкурсу.

С другой стороны, есть надежда, что золотые медали просто так направо и налево не раздают.

— Николай Агапиевич? — предположил Саша. — Простите, что без предупреждения.

— Ваше Высочество? — спросил врач.

— Можно по имени, — бросил Саша.

И протянул руку для рукопожатия.

Андреев немного смутился, но великокняжескую руку пожал.

— Это мой гувернер Гогель Григорий Федорович, — представил Саша.

И сделал знак воспитателю следовать за собой.

Лаборатория располагалась на втором этаже.

— Проходите, Александр Александрович, — пригласил Андреев, окая не то, чтобы отчаянно, но вполне заметно.

Ну, да. Из Вологодских мещан Николай Агапиевич.

И лицо довольно простое, круглое славянское, почти мужицкое, северные светлые волосы и едва пробивающиеся над верхней губой юношеские усы.

В лаборатории присутствовали еще трое, очевидно, студентов. Саша переводил взгляд с одного на другого и пытался угадать, кто есть, кто.

Андреев пришел на помощь.

— Это Заварыкин Федор Николаевич, — представил он немного застенчивого студента двадцати лет с хвостиком.

Саша протянул ему руку, тот несмело ответил на рукопожатие.

— Мечтал с вами познакомиться, — сказал Саша.

Заварыкин совсем смешался и опустил глаза.

Саша ничуть не покривил душой. Этого Заварыкина Елена Павловна рекомендовала с оговоркой: «Саша, должна тебя предупредить, что Федор — сын крепостного, дворового человека, но он окончился Воронежскую гимназию с золотой медалью, прекрасно учится в академии, и его очень хвалят».

«Этого обязательно! — ответил ей Саша. — Если человек из крепостных окончил с отличием гимназию и поступил в лучшую медицинскую академию России — это тот

человек, который мне нужен».

То есть только что он пожал руку типичному кухаркиному сыну.

Хорошо, что Гогель не в курсе некоторых деталей.

— Василий Тимофеевич Покровский, — представил Андреев уж совсем юного безусого мальчика лет этак девятнадцати.

Мальчик был в таком же темно-зеленом двубортном мундире студента медико-хирургической академии, как и все присутствующие.

Про Покровского Саша помнил, что тот сын сельского священника, успевший поучиться в духовной семинарии и поступивший в медико-хирургическую академию в 17 лет на полное казенное содержание по бедности и талантам.

И Саша пожал ему руку.

— Владимир Николаевич фон Рейтц, — представил Андреев еще одного безусого мальчика примерно одного возраста с Покровским.

Немец фон Рейтц оказался единственным дворянином в Сашиней команде. Впрочем, с его «фон» было не все в порядке. По крайней мере, отец Владимира занимался в Питере коммерцией, а не жил с доходов с имения.

Саша пожал руку фон Рейтцу и огляделся.

— Очень рад вас всех здесь видеть, — сказал Саша. — Признаться, боялся, что в воскресенье мне некому будет открыть дверь.

— Ну, что вы, Ваше высочество! — сказала Покровский. — Как можно? Живые существа здесь. Нешто мы их бросим?

— Александр Александрович, — поправил Саша. — Ну, показывайте живность вашу.

Живность в количестве примерно штук десяти обитала в большой клетке на полу у стены. И была настолько очаровательна, что Саша тут же успокоился относительно возможности их недокорма. Существа были однотонные абрикосового и светло-серого окраса и трехцветные: бело-коричневые с черными ушками и глазами-бусинками. И смотрели совершенно осмысленно.

Свинки издавали звуки, действительно напоминавшие хрюканье и почти непрерывно поглощали воду из блюдца и зелень из кормушки. Кроме сена и овса по клетке были разбросаны кусочки яблок и моркови, к которым живность проявляла изрядное равнодушие, говорившее о ее полной сытости. Характерные размеры любимых домашних животных говорили о том же: ширина успешно соперничала с длиной.

Никаких признаков болезни Саша не заметил.

Опилки на полу клетки казались довольно свежими.

— А точно им мокроту туберкулезных больных добавили в подстилку? — спросил он.

— Ну, конечно, — успокоил Покровский.

Запустил руку в клетку и вытащил черно-шоколадного зверька с белой полосой над розовым носиком. Посадил на одну ладонь и погладил другой. Зверек довольно хрюкнул.

— Вы что спятили? — поинтересовался Саша. — Василий Тимофеевич! Вы хоть понимаете, с чем имеете дело? Это смерть! А если он укусит или поцарапает?

Не то, чтобы Саша удивился. Все первооткрыватели всегда ведут себя крайне легкомысленно. Беккерель хранил крест, посыпанный урановой солью, в ящике письменного стола. И носил пробирку с хлоридом радия в жилетном кармане. А Мария Кюри получала нобелевскую премию в перчатках до локтя, потому что все руки были в радиоактивных ожогах.

— Я уж не говорю о масках, — добавил Саша. — Где? Склифосовский не рассказывал?

— В маске дышать трудно, — пожаловался Покровский.

— С туберкулезом дышать гораздо труднее, — заметил Саша.

— Большинство врачей считают, что чахотка не заразна, — вступился за коллегу

Андреев.

— И что? — спросил Саша. — Когда-то большинство считало, что Солнце вращается вокруг земли. Мы проверяем гипотезу. Я на сто процентов уверен, что верную! Покровский своей смертью будет доказывать мою правоту?

— Баландин тоже на нас ругается, — признался крестьянский сын Заварыкин.

Илья Федосеевич Баландин был еще одним рекомендованным Еленой Павловной блестящим студентом. Эта кандидатура вызвала у Саши некоторые сомнения, поскольку Илья Федосеевич был сыном богатого купца, и Саша сомневался, что он согласится рисковать жизнью в какой-то маленькой лаборатории, но Мадам Мишель написала, что Баландин — последователь того самого знаменитого Венского врача Земмельвейса, который заставил своих подчиненных мыть руки раствором хлорной извести и снизил смертность в родильном отделении в несколько раз. И это было наилучшей рекомендацией.

— Он вас хоть хлорной известью обеспечил? — спросил Саша.

— Все есть, — кивнул Андреев. — Вы не смотрите, что Ильи Федосеевича сейчас нет он нам очень помогает.

— Верю, — кивнул Саша. — Василий Тимофеевич! Существо на место! Руки вымыть хлорной известью!

Покровский вздохнул, но послушался.

— Мне за этих пушистых на Страшном Суде отвечать, — сказал Саша. — Еще вас мне не хватало для полного счастья! Перо и бумагу для меня найдете?

Его усадили за стол и даже пододвинули стул, когда он садился.

Гогель уже нашел себе стул у стены, и его взгляд выражал смесь осуждения и скуки.

— Так, — начал Саша. — Вы им подстилку меняли?

— Да, — признался Покровский. — Но не сразу, уж, когда совсем жалко стало.

— Понятно, — вздохнул Саша. — Может быть, у них просто времени не хватило заразиться. Или это недостаточно эффективный метод заражения. Давайте так: половину свинок отселяете в отдельную клетку и заражаете их по-другому. Вводите им мокроту под кожу, например. Шприцем или как-то иначе. Не мне вас учить.

И Саша записал изложенное.

— Хорошо бы еще контрольную группу, — заметил он. — Еще пять свинок, которых вы просто кормите также, как остальных, но ничего с ними не делаете. А то вдруг они отравятся чем-то или гриппом заболеют, а не чахоткой.

Андреев тоже взял лист бумаги и последовал его примеру.

— Вскрытие можно сделать, — заметил он.

— Да! — обрадовался Саша. — И поискать у них клетки Пирогова. Но это не отменяет контрольной группы.

Андреев кивнул.

— Только шприц прокипятите, — добавил Саша. — А то наши свинки умрут от сепсиса, а не от туберкулеза.

— Прокипятить? — переспросил Андреев.

— Хотя бы полчаса, — уточнил Саша. — От кипячения мрет все: можете полюбоваться

кипяченой болотной водой под микроскопом.

— Это известный факт, — вставил фон Рейтц.

— Если шприц выдержит, — заметил Покровский.

— Чему там не выдерживать? — удивился Саша. — Стекло и металл.

Студенты посмотрели с некоторым удивлением.

— Шприц состоит из каучукового цилиндра, полой иглы, поршня из кожи и асбеста и металлического штыря, — пояснил Андреев. — Бывают стеклянные шприцы?

— Будут, — сказал Саша. — Из стекла можно сделать цилиндр, а поршень — из металла с резиновым уплотнителем. Если найдете мастера, который возьмется, будет хорошо. Пока можно обойтись и современной конструкцией. Если будет плохо переносить кипячение — подержите хотя бы в хлорной извести.

Андреев кивнул.

— Хорошо, попробуем.

— Как насчет бактерий? — спросил Саша.

— Никак, в общем-то, — признался Покровский.

— Показывайте, что есть, — приказал Саша.

Андреев подошел к окну и отдернул занавеску.

То, что Саша увидел на подоконнике, ему очень не понравилось.

На подоконнике стояли открытые блюда, заполненные какой-то коричневой гадостью в серо-зеленых кругах, до боли напоминающих плесень. И все это под прямыми солнечными лучами возле приоткрытого окна.

— Что там? — спросил Саша.

— В основном, бычья кровь, — объяснил Андреев.

Это было, в общем, логично. В человеке тоже есть, правда, человеческая. Саша, смутно помнил, что, вроде, бывает и бычий туберкулез, так что питательная среда, вроде, палочкам должна нравиться.

— А круги? — поинтересовался он.

— Плесень, — подтвердил гипотезу Андреев.

— Значит так, — сказал Саша. — Как все мы знаем, от туберкулеза помогает сухой и жаркий климат. Почему?

— Сухой теплый воздух, — сказал врач.

— Один из вариантов, — кивнул Саша. — Значит, что мы должны сделать?

— Закрывать окно, — предположил Покровский.

— Например, — согласился Саша. — Но это не точно. Может, это не сухой воздух, а, например, солнце.

— Убрать в тень, — сказал Заварыкин.

И уже бросился исполнять.

Но Саша остановил его.

— Федор Николаевич, мы не знаем, — сказал он. — А значит надо просто тупо проверить все возможные варианты. На солнце или в тени. С открытым окном или с закрытым. На бычьей крови, на картофельной муке, на яичном желтке, на меду, на малиновом варенье, на мармеладе — на всем, на чем придумаете. В открытых блюдах или в закрытых пробирках. Может, они от воздуха мрут? У человека температура тела около тридцати семи градусов. Сделайте им такую же. Например, опустите пробирки в воду с термометром и подливайте теплой, если остынет. Но тоже, как вариант.

— Хорошо, сделаем, — кивнул Андреев.

— И я думаю, что пробирки, блюда и питательную среду тоже надо прокипятить. Чтобы ничего лишнего не завелось. Может, им не нравится присутствие плесени.

— Понятно, — сказал Заварыкин.

— А может быть, мы просто не дождались, — предположил Саша. — С какой скоростью они растут? Я не знаю, сколько у нас времени, но буду ждать, сколько Бог даст.

Саша окинул взглядом свою команду и понял, что они знают про Никсу. Ну, да: то, что известно двоим — то известно всем.

— И помните, что вы на пороге величайшего открытия, — сказал Саша. — Если мы их найдем, места в академии обеспечены вам всем. И в истории человечества.

— И вам тоже, — заметил Покровский.

— У меня другая цель, — сказал Саша. — Так что строчкой в учебнике готов поделиться. Есть вещи важнее.

И он залез в карман и вытащил на свет божий четыре пятирублевых ассигнации. Сложил на стол.

— Это на лабораторных животных, пробирки, шприцы и питательные среды. Будет нужно еще — пишите.

— Это для Николая Александровича? — спросил Гогель, когда они садились в ландо.

— Да, — кивнул Саша.

Было бы удивительно, если бы Григорий Федорович, находясь в центре событий, ни о чем не догадался.

В дороге Саша думал о том, что на Никсу кто только не влияет: папá, мамá, Грот, Гримм, Зиновьев. Этот новый Рихтер. Вроде честный и не дурак, но герой Кавказа. И наверняка имперец до мозга костей.

С чего это Саша решил, что его Сашино влияние будет самым сильным? Никса умный — слабое утешение. Умные люди тоже давали маху похлеще отъявленных глупцов.

Власть бы Саше не помешала. Ни для наслаждения оной, ни для опьянения, ни для гордыни, а для того, чтобы реализовать все те проекты, которые сейчас исчезают втуне, вязнут, как в болоте, отвергаются с порога или отдаются на растерзание бюрократам.

Вот оно: сопротивление материала!

Брат стоит между ним и троном. И чтобы устранить это препятствие надо просто ничего не делать. Забросить лабораторию, не давать на нее денег, не пинать этих студиозусов, не помогать им советами...

А кто сказал, что без Никсы сопротивление материала исчезнет?

Российская империя — это дворянская олигархия, а не диктатура. И с дворянством все равно придется считаться, как считается папá, по десятому разу переписывая проект освобождения крестьян в пользу помещиков.

А чтобы не считаться надо снести пару тысяч голов каких-нибудь стрельцов, как Петр Первый. Не то, чтобы Саша к этому не готов, просто это не тот фундамент, на котором можно построить то здание, которое он хочет.

Гражданская нация не вырастает в атмосфере страха. Гражданское общество — это взаимопомощь, самоорганизация, горизонтальные связи.

Да, управлять труднее. Зато и не уведет народ за собой первый обманщик, посуливший всеобщее счастье.

Проще командовать ублюдками, которые ненавидят друг друга, или им хотя бы друг на друга плевать, проще убедить общество, что так и надо. Проще разделять и властвовать, чтобы не дай бог против тебя не объединились.

Только это не тот пункт «Б», в который он хочет привести страну. В эту клоаку и без него приведут, много ума не надо.

Только это все пустое, все неважно. Душа к этому не лежит. Не то, что должно.

Дать Никсе умереть и ничего для него не сделать, это как броситься с крыши вниз — одновременно насилие над собой и попустительство дьяволу. Нужно отключить одновременно и страх, и совесть.

А значит, точно туда не надо.

Вообще, если не знаешь, как поступить — поступай по заповедям. Не зря же их выбивали на скрижалях.

— Григорий Федорович, помните вы у меня пузырек со спиртом отобрали? — спросил Саша.

— Да.

— Он у вас сохранился?

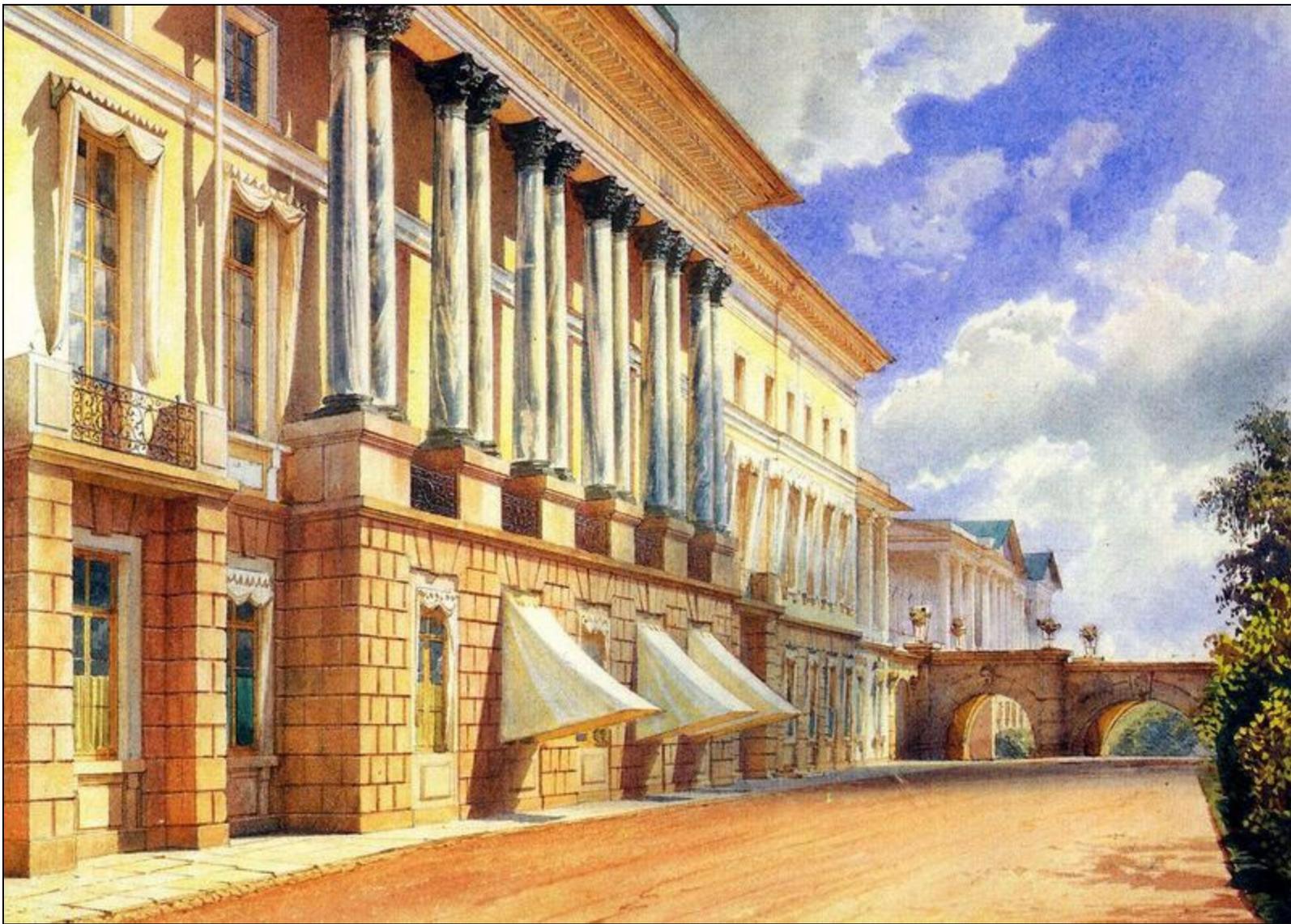
— Зачем вам?

— Руки вымыть естественно. А то мне сегодня с братом еще чай пить.

Саша не был уверен в эффективности спирта.

— Надо бы хлорную известь завести, — проговорил он.

Зубовский флигель оказался трехэтажным зданием, построенным в классическом стиле. С первым этажом, облицованным коричневым камнем, и с колоннадой — на втором и третьем.

Комнаты великих князей находились на втором этаже, рядом с покоями мамá, которая заняла бывшие апартаменты Екатерины Великой, почти их не изменив. Интерьеры там были настолько изысканны, что могли примирить с занудным классическим стилем.

На первом этаже жил папá и располагались комнаты Никсы: кабинет и спальня. Гамма первого показалась Саше слишком яркой: темно-золотой шелк на стенах, синяя обивка стульев и красный с синим ковер на полу. Зато много шкафов с книгами, много света из высоких окон, зеркало, камин и картины с пейзажами и лошадьми.

Да хоть серо-бур-малиновая! Саша бы много отдал за комнату и в два раза меньше, и любой расцветки. Лишь бы без Гогеля и Володьки.

Спальня (точнее опочивальня) брата больше напоминала арсенал. Оружие всех форм и размеров висело на стенах, стояло на подставках и украшало перегородки над дверьми. Присутствовали даже боевые топоры. Имелась и пара ружей, и несколько пистолетов. Можно было дни напролет рассматривать коллекцию и гадать, что какого века и из какой страны.

Их с Володькой комнаты были обставлены так скромно, что и говорить об этом нечего, зато со второго этажа был выход на колоннаду и дальше — в висячий сад. В последнем ничего от античного чуда не было, просто обычный сад, но на втором этаже, с розарием и яблонями. На последних еще алели поздние яблоки. Из сада был спуск в осенний багрово-золотой парк по пологому мосту. А дальше, за висячим садом шла галерея Камерона с колоннами, скульптурами и видом на большой пруд.

— Я знал, что тебе понравится, — заметил Никса.

— Еще бы! — сказал Саша.

Что-то он начал привыкать ко дворцам...

На следующей неделе был готов велосипед.

Принимать работу поехали с Никсой и Рихтером. У Фребелиусов должен был ждать дядя Костя.

На этот раз Саша был доволен. Велик, конечно, был тяжеловат, но выглядел вполне современно, даже седло на пружинах и обтянуто кожей: все по Сашиним рисункам. И тонкие спицы, и прочная рама, и цепь. Но больше всего Сашу восхитили шины.

— Вот это да! — сказал он. — Американские?

— Пока да, — подтвердил каретный мастер, — но будем делать у нас. Для повозок. Его Императорское Высочество Константин Николаевич нам ландо с шинами заказал.

Дядя Костя кивнул.

— Посмотрим, что получится.

— Сколько обошлось? — спросил его Саша.

— Пятьсот, — сказал Константин Николаевич.

— Ландо? — уточнил Саша.

— Велосипед, — сказал дядя Костя.

— Ничего себе! — отреагировал Саша.

— Это единственная машина на земле, — заметил господин Фребелиус. — Во всем

мире!

У велосипеда присутствовала деталь, которая Сашу здорово позабавила. У заднего колеса были маленькие подставные колесики, как у детских велосипедов конца двадцатого века.

Саша взял чудо техники за руль и указал глазами на колесики.

— А это зачем? Господин Фребелиус, даже у английских костотрясов этого нет.

— Для безопасности, — объяснил мастер.

Перестраховались господа предприниматели. Ну, или это показуха такая: печемся о жизни драгоценного отпрыска.

— Отвертку дайте! — бросил Саша.

Заполучив инструмент, он опустил на корточки у велика и открутил колесики. Сел в седло и попытался стартовать. Велик послушался.

Сделал круг по мастерской. Транспортное средство скрипело и шло не очень ровно, но шло! Даже цепь не слетела.

— Дай попробовать! — сказал Никса.

— Не сейчас, — возразил Саша. — Это не так просто. Я тебя научу.

— А, когда будет готов, если я сейчас закажу? — поинтересовался брат.

— Недели через три, — пообещал мастер. — Но постараемся побыстрее.

В тот же вечер Саша начал учить Никсу кататься на велосипеде. Дорожки Екатерининского сада подходили для этого идеально.

— Толкайся сильно! — командовал Саша. — Двумя ногами. Вот! Теперь так, чтобы у тебя педали были готовы.

Брат надавил на педаль, проехал пару метров, но при попытке поднять вторую ногу, зачем-то крутанул руль влево и оказался под великом. Правда упал мягко и легко выбрался из-под изобретения.

— Ну, почти, — обнадежил Саша.

Никса не сдался, оседлал непокорную конструкцию и въехал в газон.

— Не все сразу прокомментируй Саша.

Вызвавшийся надзирать за процессом Гогель смотрел на это в полном отчаянии.

— Может лучше верхом, Николай Александрович? — предложил он.

— Нет, — отрезал Никса. — Верхом я и так умею.

К концу сентября брат мог самостоятельно проехать метров десять, причем даже не совсем по синусоиде.

— У меня для тебя сегодня задание, — объявил Саша. — Попробуй развернуться по малому радиусу и поехать обратно.

Никса попробовал, но не вписался в поворот и даже не упал, а опустился на землю вместе с великом.

— Как ты? — забеспокоился Саша. — Не ушибся, не поцарапался?

— Да, все в порядке! — сказал Никса.

И продолжил попытки.

Они покатались по французскому саду напротив Большого дворца, потом спустились в английский парк, к Эрмитажу, и вернулись на берег большого пруда.

На этот раз их пасли Рихтер с Гогелем.

Проблема состояла в том, что даже первый плоховато за ними успевал, не говоря о втором. К концу тренировки пятидесятилетний генерал дышал, как бегун после марафона.

— Да вы не беспокойтесь, Григорий Федорович, — успокаивал Саша. — Никса же не один, я с ним.

В первую субботу октября Никса уже вполне прилично катался по парку по очереди с Сашей.

Но в воскресенье терпение гувернеров лопнуло, и они стали сопровождать братьев верхом.

Не тут-то было! Лошади оказались с великим полнотью несовместимы. Железного собрата они пугались и шарахались от него, как ошпаренные.

И всадники следовали за подопечными на приличном расстоянии. Что Сашу с Никсой вполне устраивало.

Тогда же произошло еще одно важное событие. Собственно, вышел очередной номер «Морского сборника». Там была напечатана история про самураев, два стихотворения («Мария» и «Балаган») под псевдонимом «Михаил Щербаков», перевод с английского статьи про новейшие Великобританские якоря и обсуждение проекта закона о патентах.

С авторским экземпляром от дяди Кости прибыл гонорар 60 рублей (20 за самураев, по 10 рублей за стихотворение и 20 — за перевод).

«Саша, ты только не очень огорчайся, — писал Константин Николаевич. — Отношение к твоему проекту довольно критическое».

Собственно, дядя Костя предупреждал, что обсуждение жесткое и спрашивал, стоит ли печатать. Саша был так загружен учебой, что ему было совершенно не до споров, а обсуждение читать некогда, так что он просто написал:

«Все печатайте».

И вот теперь руки дошли.

Мата там не было, хотя Саша подозревал, что цензура не пропустила.

Порадовало, что предложение сделать патенты бесплатными появилось сразу и под соусом: автор вообще не понимает, о чем пишет. И тут же вылезло альтернативное предложение: цену патента увеличить в сто раз, чтобы купчины проклятые платили за монополию по полной и кормили ненаглядное государство. А бесплатность патентов приведет к валу заявок, которые не то, что Госсовет, а все министерства, вместе взятые, не будут успевать рассматривать.

И тут же всплыла идея сделать получение патента заявительным, то есть вообще ничего не рассматривать, а выдавать всем желающим на любую хрень, и удостоверить только приоритет.

Понятно, что его тут же упрекнули за то, что собирается развести дополнительную бюрократию в виде учреждения никому не нужной очередной кормушки для чиновников.

Саша почувствовал себя совершенно в своей тарелке, руки зачесались от предвкушения выдумывания ответов, и он сел за работу. Точнее за развлекуху.

Да! Кажется, он смог построить для себя Фейсбук в отдельно взятом «Морском сборнике».

«Во-первых, благодарю всех комментаторов за интерес к моему проекту, — начал Саша. — Я глубоко убежден, что ваши замечания помогут сделать его более

совершенным и отвечающим духу времени.

Когда я только задумывал эту реформу, у меня не было опыта получения привилегии на изобретение, теперь есть. В одном случае я прошел этот скорбный путь до конца. И еще три заявки на рассмотрении.

После первого опыта, я уже увидел те подводные камни, о которых мне написали любезные критики, возможно, это не все. И главные инсайты у меня впереди.

Однако уже сейчас для меня совершенно очевидно, что в нашем патентном праве смешены три совершенно разных явления: авторское право на изобретение, то есть право интеллектуальной собственности, патент как форма налога на бизнес и привилегия как синоним монополии на производство чего-либо.

Я говорю только о первом. У нас нет в законодательстве понятия об интеллектуальной собственности, и я предлагаю его ввести, и именно на него и выдавать патенты. То есть в моем проекте патент — это свидетельство о праве собственности на тот или иной интеллектуальный продукт. И ничего больше.

Патент, как форма налога, — штука прогрессивная, но это вопрос налогового кодекса, а не патентного права. А монополии вообще вредны. Нам не монополии нужны, а антимонопольное законодательство, чтобы наши промышленники конкурировали друг с другом и совершенствовали продукт.

Конечно, авторское свидетельство на изобретение дает право изобретателю не давать другим производить то, что он придумал, без его позволения. Однако, это не монополия на производство, скажем, телеграфных аппаратов вообще, а только на производство телеграфных аппаратов данного типа. Усовершенствовал? Молодец! Получай патент на новый тип телеграфа — и производи на здоровье.

О бесплатности заявок. Спасибо за верное замечание. За меня пошлину в 90 рублей заплатил один мой родственник. Однако, если бы не он, это стало бы для меня непреодолимым препятствием. А значит, это непреодолимое препятствие для наших изобретателей и крепостная стена до неба на пути прогресса.

Так что я совершенно согласен с идеей об отмене пошлин за регистрацию изобретений, учитывая изменение смысла привилегий, о котором я писал выше.

Не думаю, что это вызовет вал заявок. Зачем? Ради красивой бумажки? Какой смысл регистрировать то, что неспособно вызвать интерес покупателей и принести прибыль?

Однако критерий истины есть эксперимент. Поэтому я предлагаю сделать регистрацию заявок беспошлинной, скажем, в Воронеже. На год. И посмотреть, захлебнется ли патентное бюро.

При этом я не считаю правильным выдавать патенты на все, что угодно. Все-таки заявки надо рассматривать и оценивать, чтобы обладание патентом не девальвировалось и было престижным.

Откуда взять деньги? Я предлагаю финансировать патентные бюро из нескольких источников: государство, частные взносы купцов и промышленников взамен на налоговые льготы и скидки на приобретение патентов, частные взносы всех желающих взамен на скидки на образование детей и всякие нематериальные поощрения: ордена, занесения имен на мраморные доски и почетное гражданство.

Между прочим, деньги могут понадобиться не только на работу комиссий по

рассмотрению заявок, но и на финансирование прототипов изобретений. Все-таки это гораздо лучше, чем просто чертеж с сопроводительным текстом.

Создание прототипа моего последнего изобретения оплатил другой мой родственник. Я ему в высшей степени благодарен. Однако боюсь, что родственники у меня кончатся раньше, чем идеи.

Относительно преумножения бюрократии. Ну, во-первых, это неизбежно: чем сложнее общество, тем труднее им управлять. Во-вторых, учреждение министерств тоже в свое время было преумножением бюрократии, но значительно упорядочило государственное управление. Выделение патентного бюро в отдельное ведомство систематизирует работу госаппарата.

Между прочим, в Североамериканских штатах патентное бюро, как отдельный институт, существует уже более двадцати лет.

Я обязательно учту ваши замечания и использую при составлении окончательной версии проекта, который собираюсь представить ГОСУДАРЮ».

Саша выдохнул и посыпал текст песочком. Записал «Город золотой» и попросил опубликовать как перевод со старофранцузского некоего А. В.

Спросил не нужно ли что-нибудь еще с английского перевести.

За последнюю неделю он научился выкраивать на свои дела примерно по часу времени от приготовления уроков.

Запечатал письмо и послал дяде Косте.

Ответ пришел на следующий день.

«Твой ответ напечатаем, — писал дядя Костя, — только „инсайт“ заменим на „открытие“, не все знают английский. Стихи берем. Только одно замечание. Саша! Ты не мог бы все-таки писать с „ятем“. Я отдаю секретарю переписывать, но лучше без этого обойтись».

Вообще, Константин Николаевич слыл человеком грубым. Саша этого не замечал: то ли потому, что дядя Костя старался быть повежливее со вторым сыном императора, то ли потому что Саша сам не был образцом куртуазности и не считал грубостью то, что шокировало других.

«Могу и с „ятем“, — ответил Саша. — Может не везде, но в большинстве случаев. Но смысл! Дядя Костя! Это прошлый век! „Яти“ и „еры“ жрут чернила, бумагу и время на их заучивание и написание. У меня есть более радикальное решение вопроса».

И он приложил свой проект реформы русской орфографии.

«Давайте тоже вынесем на обсуждение, — прокомментировал он. — И опубликуем мои тексты в новой орфографии, для примера. Пусть сравнивают. И сами делают выводы».

«Проект опубликуем, — отписал Константин Николаевич, — а тексты — нет. То есть, в старой орфографии. А то читатели не поймут».

«Ну, что тут непонятного! — возразил Саша. — Прекрасно все понятно и без этих лишних букв!»

«Я не это имел в виду, — объяснил дядя Костя. — Я имел в виду, что нас обольют презрением за вопиющую неграмотность. Давай сначала посмотрим, как воспримут твою реформу».

«Хорошо, — ответил Саша. — Сначала посмотрим на реакцию. Тогда, чтобы не откладывать в долгий ящик, у меня есть еще один проект».

И он написал про метрическую систему.

«Моряки тебя съедят», — предупредил Константин Николаевич.

«Я крепкий, — ответил Саша. — Зубы сломают».

«Только не в одном номере с новой орфографией, — заметил дядя Костя. — И потом не реви».

«Не барышня, — ответил Саша. — Не зареву. Мне даже интересны их аргументы».

«Будут тебе аргументы», — пообещал Константин Николаевич.

И приложил к последнему письму англоязычную статью про американские пароходы. На перевод.

История отечественного велоспорта развивалась дальше. У Саши появился еще один

ученик. Собственно, великий князь Владимир Александрович. Когда Никса не умел кататься, он категорически не хотел падать на глазах у Володьки, но теперь был совсем не против посмеяться над младшим братом, покоряющим транспорт будущего.

Ноги до педалей у Вовки доставали плохо, а держать равновесие мешал лишний вес. Но он был готов кататься хоть стоя.

Первое время Толстячок падал с изрядной регулярностью примерно каждые пятнадцать минут под звонкий смех мелкого Алеши, у которого ноги до педалей не доставали вовсе, так что он был только наблюдателем.

Но время шло, и в середине октября Володька падать перестал и угнал велик у старших братьев в целях кругосветного путешествия вокруг большого пруда.

Его личный пастырь полковник Кознаков прошествовал мимо на вороной кобыле вслед за подопечным, а Саша с Никсой остались с Рихтером. Оттон Борисович спешился и привязал коня.

— Тебе не кажется, что так жить нельзя? — поинтересовался Саша у Никсы.

— Скоро будет еще один, — сказал брат. — Фребелиусы через неделю обещали.

— Присоединяйтесь, Оттон Борисович, — призвал Саша, — а то вы, право, как в прошлом веке! За велосипедом будущее.

Рихтер вежливо улыбнулся и промолчал.

И Саша подумал, что пятьсот рублей для помощника гувернера, видимо, не такие маленькие деньги.

— Скоро подешевеют, — пообещал он. — Вот только наладим производство. Крестьяне будут ездить в поле, а рабочие — на завод. Студенты — в университет, школьники в гимназии, а чиновники — на службу. А барышни кататься по паркам.

— Барышни? — усомнился Никса. — В кринолинах?

— Кринолин — это прошлый век, — отчеканил Саша. — Придумают что-нибудь. Например, шаровары, как на востоке. Надо заказать рекламу. Ну там: «Величайшая потребность века: с лошади — на велосипед! Для дам и господ. Транспорт будущего — мода настоящего!» Как тебе?

Никса рассмеялся.

— Елизавета Петровна вообще в гвардейский мундир одевалась, — продолжил Саша. — Тоже вариант.

Наконец, Володька вырулил из-за поворота.

— Стой, — приказал Никса. — Слезай! Свой надо иметь.

И сменил брата.

Никсов велик прибыл 23 октября. Как раз была суббота, и братья решили не терять времени.

Светило солнце, было еще тепло. Легкий ветер срывал листья с желтых, оранжевых и багровых деревьев и бросал их на дорожки. Светло-голубое небо отражалось в водах царскосельского пруда. Воздух был полон запахов осени.

На этот раз их сопровождал Рихтер.

Они покатались в Екатерининском парке, обогнули пруд, миновали Камеронову галерею и Зубовский флигель.

— Ты ведь в Александровском парке в этом году не был? — спросил Никса.

— Александровский парк? — повторил Саша. — Где это?

— Совсем не помнишь?

— Нет.

— Ну, поехали!

Александровский парк начинался за парадным входом в старый Екатерининский дворец с моста, перекинутого через канал. Мост украшали фигуры двух сидящих по-турецки китайцев и двух китаянок, держащих китайского стиля фонарики с красными подвесками.

Турецкая поза с Китаем не ассоциировалась. Саша смутно припоминал, что стулья в Китае появились чуть не раньше, чем в Европе. Ну, ладно. Это древние китайцы. Или медитируют.

Слева появилось трехэтажное белое здание. Края синей крыши загнуты вверх, на коньках — зеленые дракончики.

— Что это? — спросил Саша.

— Каменная опера, — равнодушно кинул Никса.

— Откуда здесь столько китайщины?

— Прапрабабушка увлекалась.

Прямо из-под колес выпрыгнула белка, так что Никса чуть не упал. Местные белки вообще отличались немеряной наглостью и шныряли, где хотели.

— Ладно, — бросил брат. — Давай Рихтера подождем.

И спешился.

Фигура всадника маячила далеко позади, где-то в районе моста с китайцами.

Место, где они остановились, тоже было китайским мостом, только украшенным не человеческими фигурами, а некими каменными существами с львиными лапами, крыльями, свирепыми мордами непонятной видовой принадлежности и толстым змеиным телом.

— А что это за животные? — поинтересовался Саша.

— Китайские драконы, — сказал Никса. — Это Драконов мост.

— Мне казалось, что китайский дракон — это такая длинная змея с маленькими куриными лапками и без всяких крыльев, — заметил Саша.

— Понимаешь, прапрабабушка очень хотела заполучить настоящего китайского архитектора, но у нее почему-то не вышло, так что пришлось нанимать итальянца Ринальди и нашего Неелова. Но они пользовались какими-то китайскими рисунками. Так возник стиль «шинуазри».

— Откуда в наших льдах?

— От Вольтера, Саш. Как ты знаешь, прапрабабушка с ним переписывалась. Вольтер считал Китай идеальным государством, империей философов.

— Думаю, он многого не знал, — заметил Саша.

То, что Китай, который там, в будущем, считали антиподом Запада, идеализировал упертый либерал Вольтер, было для Саши некоторой неожиданностью.

— Хотя, конечно, первая попытка построить меритократию, — добавил он.

— Что построить? — переспросил Никса.

— Вот, что значит латынь и греческий не учить! — упрекнул Саша.

Брат на минуту задумался.

— Я понял, — наконец, сказал он. — Французского достаточно. «Власть достойных», ведь, да?

— Молодец! — сказал Саша. — В некоторые периоды истории Китай похоже соответствовал идеалу: чего только не изобрели от бумаги до пороха. Но потом система забронзовела и стала тормозить развитие. Если человек способен написать сочинение по

древней философии, он, скорее всего, не совсем дурак. Но сама древняя философия за две тысячи лет становится глупостью.

— Что за сочинение? — спросил Никса.

— Ты не знаешь о системе государственных экзаменов в Китае?

— Что-то слышал... кажется.

— Неуч, — сказал Саша. — Впрочем, честно говоря, я тоже небольшой синолог. Чтобы получить государственную должность в древнем Китае надо было сдать экзамен, который в основном сводился к сочинению по древнекитайской философии. Сама идея неплоха, но сейчас бы я высшую математику ввел.

— Ты помнишь Китайскую деревню? — спросил брат.

— Разве я был в Китае? — удивился Саша.

— Нет, — сказал Никса. — Нашу Китайскую деревню.

Саша помотал головой.

— Ну, что ты! — вздохнул Никса. — Там Карамзин писал свою историю. И говорил, что это лучшее место на земле.

— Может быть, — сказал Саша. — Здесь здорово, конечно. Только уединение и покой — не мое. Мне бы в город, в городе жизнь. Я бы хотел, чтобы у меня окна выходили на порт, на рынок или на площадь. Чтобы заходили и уходили корабли, чтобы ругались матросы. Чтобы сновали туда-сюда торговцы, почтальоны и разносчики. Чтобы проносились экипажи, и мальчишки выкрикивали рекламу газет.

— Окна Зимнего дворца выходят на Неву, — сказал Никса. — Летом там, может быть, и так. А зимой только лед на реке и на другом берегу Петропавловская крепость.

— Здесь же совсем рядом Царское село? — спросил Саша.

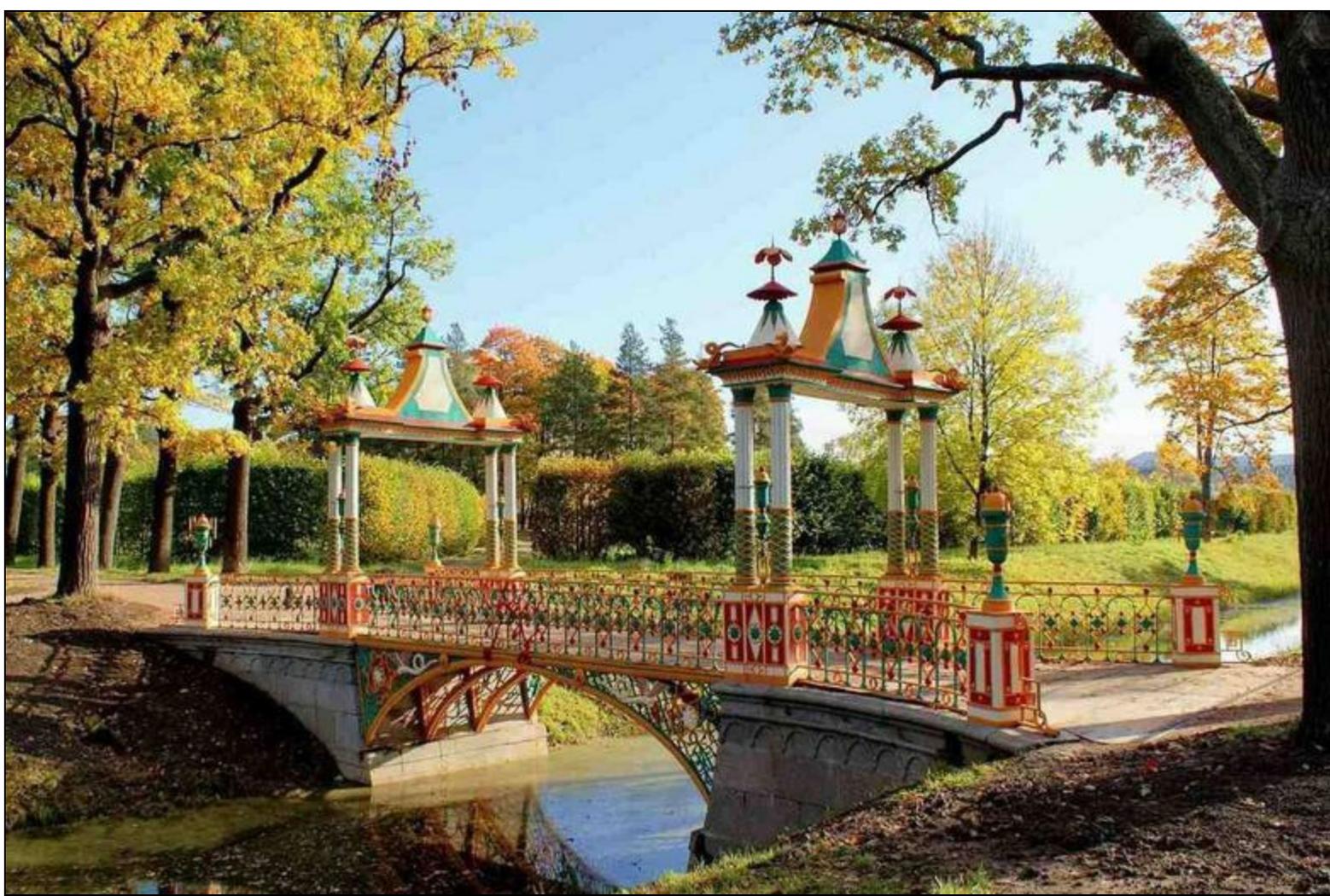
— До Китайской деревни ближе. Не пожалеешь! Там кто только не бывал! Поехали!

И бросил подоспевшему Рихтеру, уже садясь на велосипед:

— Мы в Китайскую деревню, Оттон Борисович!

Через мост с драконами не поехали. Белка же дорогу перебежала. Не заяц, конечно, но тоже лучше перестраховаться.

Так что сразу повернули налево и поехали по берегу, вокруг каменной оперы, потом миновали еще один китайский мостик, на этот раз кованый, словно кружевной, и раскрашенный в желтый, бирюзовый, алый и оранжевый тона.

Наконец впереди показалась самая настоящая трехэтажная пагода в окружении домиков с загнутыми вверх красными, зелеными и синими крышами, расписанными под рыбью чешую.

Свернули на очередную дорожку и влетели на велосипедах между домиками на площадь вокруг пагоды.

Китайская деревня оказалась местом оживленным.

Возле домиков и пагоды стояло несколько экипажей, дамы в кринолинах беседовали с офицерами.

Женщина в красном сарафане, то ли служанка, то ли кухарка, посмотрела на велогонщиков, как на чертей, вырвавшихся из ада, вскрикнула и закрыла рот рукой.

Дамы отвлеклись от беседы и уставились на велогонщиков не хуже кухарки. Офицеры напряглись, как перед атакой.

Залаяли собаки, заржали лошади. Гнедой конь, запряженный в двухместный ландолет, метнулся к правому домику и потащил за собой экипаж. Резко повернул, дама в повозке закричала. Экипаж опрокинулся на бок, пассажирка упала на мостовую, маленькая шляпка, украшенная маками и маргаритками, сорвалась с головы и покатилась по земле.

— Ой! — сказал Саша.

И затормозил.

Никса тоже остановился и сошел с велосипеда.

Скрыться с места ДТП не представлялось никакой возможности.

— Ну, пошли, — вздохнул Никса.

Они прислонили велики к стене дома и бросились к экипажу.

Брат галантно подал руку даме.

Она оперлась на нее и смогла подняться на ноги.

Потерпевшей было лет тридцать. Еще стройная, но с неправильным, некрасивым лицом с невысоким лбом, маленькими глазами и вздернутым носом. Зато к ней тут же подскочил

высокий офицер и нежно обнял ее на глазах у всех.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Саша даму. — Никса, может быть, нам позвать Енохина?

В медицинские таланты лейб-медика Саша верил слабо, но переломы-то лечить они должны уметь!

— Софи, ты цела? — спросил офицер.

Сколько была некрасива дама, столь же великолепен ее знакомый. Правильные черты лица, светлые усы, широкие плечи, богатырское телосложение и темно-синий мундир со шнурами и серебряными погонами с двумя продольными красными полосами, короной и вензелем папá. Флигель-адъютант!

Не зря чины заучивал!

— Все хорошо, — сказала дама.

И надо признать, что голос, глубокий и чарующий, был гораздо лучше внешности.

Саша поднял шляпку и отдал хозяйке.

— Мы очень виноваты, граф, — сказал Никса. — Я покорнейше прошу прощения за себя и моего брата.

— Ничего страшного, Ваше Императорское Высочество, — сказал флигель-адъютант.

И Саша уже надеялся, что случай на дороге можно будет замять.

В будущем он всегда носил с собой пятерку одной бумажкой. С ее помощью можно было уладить дело при малой поцарапанности обеих машин в условиях крайнего дефицита времени, когда было совершенно не до того, чтобы три часа ждать ментов.

Но как предложить материальную компенсацию графу в чине флигель-адъютанта Саша не понимал.

— А с экипажем все в порядке? — начал он. — Ничего не сломалось?

Граф отпустил свою Софи и наклонился к ландо. Обошел вокруг и запустил ручищи под лежащую на мостовой дверцу. Экипаж поддался и отделился от земли.

Саша метнулся к флигель-адъютанту и попытался помочь.

— Ваше высочество! — с напрягом выговорил граф. — Отойдите!

Однако успеха не умел. Более того, с другой стороны взялся помогать Никса и еще один офицер. Впрочем, помощь была, скорее символической. Граф поднапрягся, и экипаж встал на колеса. Точнее, на три колеса. Четвертое было погнуто и осталось без нескольких спиц.

А Саша, наконец, смог поднять глаза и узнал последнего помощника.

— Николай Васильевич! — удивился он.

Интересно, как тут оказался Зиновьев?

Так или иначе надежда на то, что все обойдется без светлых очей государя, рассеялась как дым.

— А во сколько может встать ремонт? — спросил Саша потерпевшего.

— Не стоит беспокойства, Ваше Высочество! — сказал граф.

Саша вопросительно посмотрел на Зиновьева.

— Потом поговорим об этом, Александр Александрович, — отрезал гувернер.

В Зубовский флигель возвращались в ландо Николая Васильевича.

Стемнело, на мосту возле дворца зажглись китайские фонарики, стало холодно и влажно.

Дорогой Саша выдумывал защитную речь и с тоской вспоминал о двух оставленных в Китайской деревне великах — 500 рублей штука.

— Пятидесяти рублей графу хватит на то, чтобы отремонтировать колесо? — спросил он Зиновьева.

Отдавать половину сбережений очень не хотелось, но куда ж денешься!

— Думаю, да, — кивнул гувернер.

— А как ему послать? — спросил Саша. — С лакеем? Он не обидится? Или лучше его жене?

— Софья Андреевна ему не жена, — поморщился Зиновьев.

— Я столько же добавлю, — сказал Никса. — В конце концов, я туда первый влетел.

— В любом случае, с вами будет говорить государь, — пообещал Зиновьев.

Кто бы сомневался!

Кабинет папá был на первом этаже.

Обитые зеленым шелком стены, зеленый ковер на полу, письменный стол, заставленный фотографиями. На стене над ним — портреты в овалах. В центре мамá, справа и слева от нее — двое мальчиков в коричневых костюмчиках с белыми отложными воротничками. То ли Саша с Никсой лет шесть-семь назад, то ли Володя с Алешей — немного позже. Под портретом мамá — младенец в таком же овале. Очевидно, кто-то из братьев или сестра.

По бокам от младенца — еще два портрета каких-то родственников.

Рядом со столом, в кресле, положив ногу на ногу, сидит папá. Выражение его лица не предвещает ничего хорошего, а они с Никсой перед ним, понятно, стоят.

— Саша! — начал папá. — Скажи мне, пожалуйста, кому из вас пришло в голову ехать на велосипедах в Китайскую деревню?

— Это не Саша, — вмешался Никса, — это я.

— Никса! — бросил папá. — Я тебя спрашивал?

— Саша не скажет, — объяснил Никса. — Он увлекается Китаем, мы обсуждали меритократию и систему государственных экзаменов...

— Обсуждали что? — поинтересовался царь.

— Власть достойных, — объяснил Никса. — Это когда на государственные должности назначают по результатам особых экзаменов, независимо от происхождения и связей. Вольтер считал такую систему идеальной.

— Вольтер! — вздохнул папá.

Саша оценил попытку брата перехватить инициативу, однако упоминание Вольтера счел несколько рискованным.

— Но ведь прапрабабушка с ним переписывалась, — сказал Саша. — Если она его ценила, почему мы должны презирать.

— Она много с кем переписывалась, — заметил папá. — И речь не о Вольтере.

— Я просто объясняю, как мы оказались в «Китае», — сказал Никса.

— Сначала вы оказались в Александровском парке, — констатировал царь.

— А что в этом противоправного? — спросил Саша. — Просто Екатерининский маленький, захотелось чего-то нового.

— Маленький? — переспросил папá.

— Для велосипедов, — уточнил Никса.

Папá поморщился.

— И сбежали от Рихтера.

— Оттон Борисович ехал за нами, — возразил Никса. — Просто немного отстал.

— Почему? — спросил царь.

— Просто лошадь...

Здесь Саше захотелось дернуть Никсу за рукав или наступить ему на ногу. Брат явно сворачивал не туда.

Больше книг на сайте - Knigoed.net